Collection «Slavica-Reprints»
dirigée par Jacques Catteau, Georges Nivat
et Vladimir Dimitrijevic

Эта книга отпечатана въ 1922 г. въ
типографіи Heckendorff, Berlin SO 26
для книгоиздательства «Геликонъ».

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ÉDITIONS L'AGE D'HOMME
LAUSANNE 1973

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА / БЕРЛИНЪ
1922

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Эпопея есть серія мной задуманныхъ томовъ, которые напишу я, по всей вѣроятности, въ рядѣ лѣтъ; «Записки чудака — предисловіе — прологъ къ томамъ: въ ней берется лишь издали тема, которая конкретно лишь отчеканится серіей романовъ; отсюда абстрактность и неудобочитаемость «пролога»; тѣмъ не менѣе въ общей концепціи я считаю необходимымъ его. Здѣсь слѣдуетъ оговориться. Герой пролога «Я»; этотъ «Я», или это «Я» не имѣетъ же никакого касанія къ «Я» автора; авторъ «пролога» Андрей Бѣлый; герой пролога — Леонидъ Ледяной; этимъ все сказано: Леонидъ Ледяной — не Андрей Бѣлый.

Андрей Бѣлый

Берлинъ, 2 Января 1922 года.

НА ХОЛМѢ

Я стоялъ на лобастомъ холмѣ; надо мной розовѣла руина; зарѣли изъ зелени крыши домишекъ; тамъ — Дорнахъ; тамъ кряжисто стѣны бросали въ зарю черепицу; тамъ Бирсъ подъ горбатымъ мостомъ обрывалъ, клокоча, бѣлоструи; равнина тянулась за нимъ; распахнулся отчетливо воздухъ; и синіе гребни Эльзаса прорѣзались явственно; бухала пушка оттуда.

Два года ворчала громами на насъ міровая война; воздушные свѣты лучилъ просвѣщающій воздухъ; зарѣло: зеленоватое небо казалось стекляннымъ; лилово-багряные клочья летѣли; синились окрестности; брызнули звѣзды; остановился и — долго смотрѣлъ предъ собой; зналъ, что — кану отсюда; меня призывали; какъ малое зернышко, долженъ былъ ссыпаться я въ ненасытную молотилку войны.

Ухватился за Нэллину руку; и весь приникъ къ Нэлли.

Въ плащѣ, разлетающемся бѣлоснѣжными складками, въ бѣлой своей п а н а м а, въ легкой ту-

никѣ съ желтой столою, перепоясанной серебряной цѣпью, играя кудрями, она прикоснулась къ плечу своимъ личикомъ; и повѣяло отъ ланитъ ее розовымъ воздухомъ; и фосфорически ясные два ея глаза, ласкаяся сняли съ меня оболочку мою, какъ легчайшую пленочку к а л ь к о м а н и, соединяясь съ душою; но острыя скорби снѣдали меня: моя Нэлли останется, я же бросаюсь въ пространства, гремящія порохомъ, полныя копоти, полныя запаховъ крови; мы не жили съ Нелли въ разлукѣ; и горе, и радость дѣлили мы вмѣстѣ; и пестрыя страны бросались на насъ — отъ прибережій Сахары до ... горъ крутобокой Норвегіи; отъ горизонта вставалъ Южный Крестъ; за спиной опускалась большая Медвѣдица; вотъ — разлучаюсь я съ Нэли; я былъ, какъ слѣпой, безъ нея.

Ужъ темнѣло; тускнѣлъ пролетающій воздухъ; и звѣздоокое небо, казалось, садилось надъ нами; проглядные глянцы остыли; и гребни Эльзаса, какъ въ плащъ, запахнулися въ воздухѣ; лаяла сиплая пушка.

Тутъ Нэлли меня повернула; надъ купами въ дышащихъ пересыпающихъ блестки темнѣющихъ небесахъ, созрѣвали синѣющей силой — два купола; два гиганта, круглясь — изъ темнѣющихъ высей, расширились ляпислазурями: отъ огромныхъ массивовъ тяжелаго дуба, гранимаго формами.

Пересѣченіе дугъ, плоскостей, образующихъ мощные гранники—въ хоры хораловъ, поющихъ кристаллами дерева, и градація деревянныхъ тоновъ,

отработанныхъ множествомъ острыхъ стамезокъ... — вотъ-вотъ: Іоанново Зданіе. На зарѣ эти гранныя формы, покрытыя воскомъ, легко перламутрились, а купола, выростая въ нихъ, говорили нѣжнѣйшія рѣчи изъ легкихъ небесныхъ отливовъ; чернѣли и входы, и окна бетонныхъ подножій — сплошнымъ лабиринтомъ колончатыхъ ходовъ; и — безколонныхъ пустотъ.

Іоанново Зданіе было въ лѣсахъ; на гололобый порталъ нахлобучили щитъ, и лѣса проступали чудовищно формы, напоминающія допотопныя брони умершихъ животныхъ.

Весною, зимою и лѣтомъ — на сырости, въ жарѣ, въ прохладѣ, подъ ѣдкими стрѣлами громкаго солнца, въ сырыхъ бисеринкахъ дождя, въ хрусталяхъ гололедицъ, въ снѣжинкахъ, въ крутимой вѣтрами пыли, на площадкахъ, внутри круглограннаго зала, надъ пятигранной колонною — высоко — громоздясь на лѣсахъ пирамидою ящики, забираясь на нихъ, съ рискомъ рухнуть, сломавъ себѣ шею, но отдаваясь капризамъ стремительныхъ линій, сшибая съ нихъ толстыя щепки, врѣзаяся въ глубь деревянной, свисающей массы на пятьдесятъ сантиметровъ и болѣе, перепрокинувшись, свѣсившись внизъ головой, а то вытянувшись и едва доставая руками до мѣста работы, то сидя, то лежа — поляки, французы, швейцарцы, норвежцы, голландцы, британцы, германцы и русскіе, жены ихъ, сестры ихъ (въ бархатныхъ перемазанныхъ курткахъ, въ заштопанныхъ панталонахъ, въ подот-

кнутыхъ кое-какъ пропыленныхъ юбченкахъ, съ закрытыми шарфами ртами отъ деревянной пыли) — мы работали, ударяя пятифунтовымъ молоткомъ по огромной стамезкѣ, для безопасности крѣпко привязанной къ кисти руки.

До войны еще ссыпались пестрые говоры девятнадцати націй Европы: и разносило подъ куполомъ громкое эхо задоры и споры, покрытые стукотней молотковъ и крикливыми скрипами отбиваемыхъ щепокъ; но изъ споровъ, самозабвенія, выявлялись отчетливо формы растущихъ кристалловъ, гранимыхъ, извилистыхъ змѣй и угластыхъ цвѣтовъ, сопряженныхъ въ разбѣгъ, съ мѣста сорванныхъ стѣнъ; печать мощи, окрѣпши, вѣтвилась нѣжнѣйшими пѣснями; сколько порывовъ вколочено въ эти крутимыя формами стѣны!

Воистину, глядя на нихъ, можно было сказать:
«Вотъ — любовь».

. . . .

. . . .

Длился гулъ. Посрединѣ пространства, подъ куполомъ — нѣтъ, на лѣсахъ, высоко надъ землею, склонясь къ капители, смотрѣлъ я, бывало: —

— летѣли бѣлѣйшія щепки въ рыдающемъ гудѣ стамезокъ: направо, налѣво; и — внизъ; нападали стамезки на мощныя массы гранимаго дерева;

и я, зарываясь стамезкой въ продолбину формы, я — думалъ: намъ не осилить работы: срубить, прорубить, отрубить это все; и стояла вокругъ —

молвь нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведскаго, польскаго, въ визгѣ хлеставшихъ ударовъ; тащился согбенный работникъ съ бревномъ на спинѣ; вырисовывались изъ столба, поднимаемой пыли угластыя грани; и дзинкала очень часто стамезка, ударившись круто о гвоздь, переламываясь пополамъ; я спускался въ точильню; антропософскія дамы и дѣвушки, съ перемазанными въ керосинѣ руками, брались мнѣ оттачивать сломъ; я опять поднимался наверхъ, чтобы прицѣлиться къ формѣ; и снова:

— «Снеси эту плоскость; да осторожнѣе — не заруби . . .»

— «Тутъ вотъ врѣзаться до шести сантиметровъ».

— «Тутъ линія сходитъ на нѣтъ . . .»

— «Полтора сантиметра — вотъ тутъ . . .» —

— Казалось мнѣ, что все прошлое миновало безслѣдно; тамъ гдѣ-то при переѣздѣ изъ Христіаніи умеръ писатель; и «Л е о н и д ъ Л е д я н о й» трупъ былого; мой трупъ хоронили въ Россіи: Ивановъ, Булгаковъ, Бердяевъ, Бальмонтъ, Мережковскій; не было никогда — Петербурга, Москвы; то — былъ сонъ, отъ котораго я просыпался въ веселую шлепотню молотковъ (въ шлепотню молотковъ отъ созданія міра); творили мы міръ, высѣкая гранимыя капители вселенной: Сатурнъ, Марсъ, Юпитеръ, Меркурій, Венеру.

. . . .

. . . .

Воистину: братство народовъ окрѣпло въ живомъ громыханьи работы; надъ грознымъ потопомъ, залившимъ Европу, мы были вершиною Арарата въ тѣ дни; — знаю, если бы изъ ковчеговъ, крутимыхъ волнами, принесся бы токъ голубей, онъ вернулся бы изъ Дорнаха съ юной масличною вѣтвью.

Я помню: мы съ Нэлли стояли на склонѣ; я жалъ руку Нэлли; и Нэлли отвѣтила шепотомъ мнѣ:

— «Ты — люби. Не забудь».

И показала глазами на Зданіе. Зданіе занавѣсилось тѣнями.

Въ бѣлоснѣжномъ плащѣ, задымивъ папироской, бѣжала, какъ струночка Нэлли въ кудрявыя яблони, къ огонечкамъ; и огонечки пошли вправо, слѣва отъ насъ; тамъ проживалъ Штейнеръ. Вонъ свѣтится свѣтъ въ его комнатѣ; влѣво — нашъ домикъ, присѣвшій подъ яблони. Мы проживали какъ-разъ противъ Штейнера; съ нашей террасы, бывало, мы смотримъ: вонъ — Штейнеръ проходитъ.

На перекресткѣ дорогъ — тотъ же все силуэтъ; черноусый брюнетъ въ котелкѣ, горбоносый, циничный, куря сигаретку, стоитъ, укрываясь въ тѣни; тамъ всегда кто-то есть; кто-то бродитъ подъ окнами доктора Штейнера; и — подъ нашими окнами.

Международные сыщики, какъ клопы, насъ обсѣли: международное общество въ годы войны — преступленіе. Іоанново Зданіе — школа шпіоновъ.

КОМНАТА

Вотъ — моя комната: чемоданы, бумаги; лежитъ недописанный «Котикъ Летаевъ»; архитектоника фразы его отлагалась въ градацію кругового движенія; архитектоника здѣсь такова, что картинки, слагаясь гирляндами фразъ, пишутъ кругъ подъ невидимымъ куполомъ, вырастающимъ изъ зигзаговъ; но форма пришла мнѣ подъ куполомъ Зданія; пересѣченіе граней, изсѣченныхъ формъ воплотилось въ словесную Эвритмію; подъ куполомъ Іоаннова Зданія надышался небесными вѣтрами я; здѣсь меня овлажнили дождями словесности: «Котикомъ». Вотъ — онъ: я не въ Россіи его; для этого нужно лазурное небо Кампаньи.

Просиживалъ здѣсь до зари я; и — жегъ электричество; знаю: по этому поводу распускались нелѣпые слухи средь жителей Дорнаха: подозрѣвали нашъ маленькій домикъ, что онъ подаетъ свѣтовые сигналы. Я, мучимый неуклонной безсонницей, открывалъ электричество въ два часа ночи и принимался за «Котика»; выписки, нужныя мнѣ для работы — вотъ-вотъ они: выписки, если бы ихъ обработать, составили-бъ книгу; но ихъ надо бросить: перевозить за собой нельзя ихъ.

Я знаю: въ бумагахъ, въ набросках моихъ безъ меня (уѣзжали мы съ Нэлли въ Лугано) копались жадныя руки; и господинъ въ котелкѣ вѣро-

ятно просовывалъ носъ въ мои выписки, даже въ стихи (я бумаги нашелъ въ безпорядкѣ); воображаю досаду «шпика», не понявшаго выписокъ. «Шпикъ» былъ нѣмецъ, французъ или... «бриттъ». Эти выписки я запрятывалъ въ яркаго цвѣта бумаги; томились безъ ярости — Нэлли и я, перемогая шестнадцатый мѣсяцъ облѣзлыя грязнорыжія краски обой; ихъ закрылъ я лазурной глянцевидной бумагой; въ прорѣзи вставилъ пурпуровый глянецъ; такъ мой грязнорыжій, домашній очагъ превратился въ прекрасную изразцовую комнату; на столахъ разбросалъ я градацію всевозможныхъ цвѣтовъ, подбирая бумаги, мѣняя цвѣта, оперѣніе комнаты было текучимъ, какъ фразы, которыя — въ «Котикѣ»; въ комнатѣ все розовѣло и послѣ — все рдѣло; и голубое, и желтое, и однотонно-лазурное прогонялось по стѣнамъ: сигнализировалъ я цвѣтами — душевному міру во мнѣ (неправда-ли, это все матеріалъ для обвиненія меня въ шпіонажѣ?).

Моя комнатка: чемоданы, бумаги; и Нэлли, меня отправляющая на войну? Въ этотъ вечеръ, въ послѣдній, казалось: отъ Нэлли кидаюсь въ пространства я, полныя дыма и грохота.

Помню, что насъ посѣтила въ тотъ вечеръ мадамъ П.П.П., разливавшая море кровавыхъ фонтановъ огромною кистью, подъ куполомъ Зданія; приходила сюда молодая швейцарка, художница тоже, въ экстравагантномъ, крестьянскомъ костюмѣ à la Вильгельмъ Телль, въ безрукавкѣ и въ бѣленькой шапочкѣ, какъ

воплощеніе молодого задора, съ которымъ художники, поэты враждующихъ странъ, здѣсь, подъ куполомъ Зданія братски обнялись, переживая въ душѣ невыносимость отрыва отъ родины; не легко было намъ не увлечься призывами къ бойнѣ; и выстрадали мы мучительно братство; братство окрѣпло: и купола бирюзоваго Зданія соединили насъ узами.

. . . .

Помню, какъ вечеромъ мы собирались въ огромной столярнѣ; среди машинъ лѣсопильныхъ, среди обрубковъ, обтесовъ, сидѣли мы, сжавшись, на мощныхъ обрубкахъ; кругомъ поднималися полувыщербленныя стамезками формы, какъ головы допотопныхъ животныхъ; сюда приходилъ докторъ Штейнеръ: читать свои лекціи намъ.

Мы узнавали объ удивительныхъ соотношеніяхъ между линіей орнаментальнаго творчества, линіей мысли и линіей бьющей въ насъ крови; соотношеніе межъ кругами кровообращенія (большимъ, малымъ кругомъ) и отношеніемъ зодіакальнаго круга и круга планетнаго къ Солнцу; проходили предъ нами градаціи сущихъ и никогда не бывшихъ искусствъ; и расходились мы, чтобы съ утра собираться опять, и опять, и опять: осуществить кругъ искусствъ никогда еще прежде не бывшихъ. Осуществить свѣтопись вырѣзаемыхъ стеколъ и Эвритмію, искусство изображенія звука слова движеніемъ, осуществить это странное, въ мірѣ не бывшее выбиваніе изъ дерева формъ, ни на что не похожихъ.

И Нэлли, бывало, меня подведя къ граннымъ массамъ, показывала, какъ сестра, постигающая законы мистеріи линіи въ столѣтіяхъ времени; и ея ослѣпительный взглядъ посрединѣ разъятаго сердца, во мнѣ зажигалъ мое сердце; и я, весь охваченный несказанной любовью къ Нэлли, поднявши стамезку, такъ думалъ о ней:

— «Я узналъ Тебя!..»

— «Ты — сошла мнѣ изъ воздуха!..»

— «Ты освѣтила мнѣ».

— «Ты — мое шествіе въ горы».

— «Сошествіе Духа во мнѣ...»

— «Въ день, когда ты покинешь меня: я — паду. Не покинь, не забудь, люби, помни...»

И вотъ — покидалъ ее я: не хотѣла она со мной ѣхать.

. . . .

Помню: въ тотъ вечеръ пришла жена опочившаго Моргенштерна; пришелъ съ ней и Б., членъ А. О., предъ которымъ съ почтеніемъ склоняюсь я; передо мною его обликъ; и если бы вы захотѣли увидѣть учителя, мейстера Экхарта, — въ сюртукѣ, въ черной шляпѣ съ полями, читающаго Моргенштерна въ поляхъ и ведущаго бесѣды о Достоевскомъ и Ницше, то — поѣзжайте въ Швейцарію, въ Дорнахъ: вы тамъ его встрѣтите: педагога изъ-подъ Нюренберга; предъ мудростью, предъ подвигомъ жизни его, принадлежащаго къ націи «б о ш ей», склоняю колѣни; въ минуты унынія онъ поддержалъ меня здѣсь; я, бывало, про-

сиживалъ съ нимъ; басовая, густая, слегка грубоватая рѣчь мнѣ звучала пронизанной глубиною; казалось, слова его — небо; извнѣ голубыя, они просквозили мнѣ бездной; и наливалися силой огромныя очи его, когда онъ, объясняя мнѣ Фридриха Ницше, перебиралъ текстъ Евангелія отъ Іоанна; я явственно видѣлъ передо мной — не К. Экхартъ. И нѣжно любилъ я его. Но посѣщеніе «нѣмцемъ» меня, вѣроятно, отмѣтили сыщики; и «брюнетъ въ котелкѣ» это видѣлъ; прибавился — пунктъ обвиненія: нѣмецкій шпіонъ, грязный «бошъ», посѣтилъ меня, русскаго, наканунѣ отъѣзда на родину.

БЕРНЪ

Въ помѣстительной залѣ англійскаго консульства, милая дама любезнаго вида, дала мнѣ съ товарищемъ по огромнѣйшей простынѣ, на которой мы должны были расписаться: тутъ были мельчайшія графы, заполнивъ которыя, мы сдавали отчетъ англичанамъ, кто мы; и — года, цифры, адреса, даты, фамиліи запестрѣли на этомъ листѣ; почему-то долженъ наполнить графы, не относящіеся къ настоящему положенію въ мірѣ, какъ-то: кто такой мой отецъ, моя мать, когда умеръ отецъ, какова до женитьбы фамилія матери; словомъ, то былъ формуляръ для вписа-

нія жизни; была тутъ графа: о моемъ пребываніи въ враждующихъ странахъ; отмѣтилъ, что былъ я и въ Берлинѣ (несчастный, что дѣлалъ я? Ссылкою на Берлинъ я вписалъ себя въ списки шпіоновъ).

Листы унесли: нагловатый чиновникъ съ ужимками Холмса — вдругъ вышелъ: — окинувши насъ непріязненно, пролетѣлъ мимо насъ — хлопнувъ дверью, и дрогнули стѣны, какъ будто былъ выстрѣлъ; развязнѣйшій жестъ представителя Англіи былъ очевидно направленъ по нашему адресу: мы показались злодѣями (формуляръ уличалъ); первый пунктъ: жить въ Швейцаріи подозрительно; пунктъ второй: подозрительно проживать, здѣсь, въ нѣмецкой Швейцаріи; третій: еще подозрительнѣе жить намъ близъ Базеля (Базель — граница Эльзаса); четвертый: въ пятнадцати километрахъ отъ насъ упирался въ Швейцарію Западный фронтъ. И такъ далѣе, далѣе.

Меня осѣнило впервые, что здѣсь, въ этомъ консульствѣ, собственно говоря, мы преступники (братство, любовь, человѣчность, всѣ лучшія чувства души — шпіонажъ и измѣна); какъ доблестный представитель Россіи, былъ долженъ я убить, пришедшаго къ намъ, а я дружески съ нимъ говорилъ.

Но размышленія прервались; наглѣющій Холмсъ, открывъ дверь, повелительно вызвалъ товарища; понялъ: «д о п р о с ъ» начался. Появленіе наше въ англійское консульство за разрѣшеніемъ намъ вернуться въ Россію, какъ призванныхъ на военную службу, обиднѣйшимъ образомъ обернулось на насъ; и чинов-

никъ посольства осмѣлился, насъ, д ж е н т е л ь м е н о в ъ, поставить на равную доску съ шпіонами; мерзкое что-то; тянулись минуты; уже протекли полчаса; не возвращался товарищъ. За дверью порой поднимались нахальные выкрики и негодующій возгласъ товарища, протестовавшій; я ждалъ; отворилася дверь и вошелъ человѣкъ, напоминающій по покрою костюма и шляпы — типичнаго іезуита. Онъ, сѣвши напротивъ меня, ѣлъ глазами меня; и — улыбался цинически; все лицо его, неприлично уставясь въ меня, говорило: «Ты пойманъ» . . . Въ моемъ і е з у и т ѣ проглядывали штрихи мнѣ знакомыхъ кошмаровъ; и мнѣ показалось: с х о ж у я с ъ у м а; всѣ преграды распались; я — Фаустъ; предо мною — Л е м у р ъ. И тотъ приступъ болѣзни, которой страдалъ я, меня охватилъ.

Не отвалился — нѣтъ, нѣтъ — мой тяжелый кошмаръ отъ меня.

Можетъ быть, я случайно, во снѣ, повстрѣчался съ германскимъ агентомъ? Во снѣ заключилъ договоръ о продажѣ отечества?

Сонъ?

Сна во снѣ не бываетъ: и требуется — мобилизація всѣхъ сознательныхъ силъ; но я всѣ свои «сны» просыпалъ уже годъ (было время, когда я во «снѣ» умѣлъ бодрствовать); явно: чиновникъ, завѣдующій шпіонажемъ въ Германіи, былъ оккультистомъ, какъ всякій сознательный «сыщикъ». Провѣдавши о моей безсознательности, онъ со мной повстрѣчался, ув-

лекъ меня, «спящаго», въ управленіе Генерально-Астральнаго Штаба, извлекъ изъ души моей все, что ему было нужно, подсунулъ мнѣ въ душу «астральное» золото, невѣсомое и наполнилъ все мое существо звонкимъ звономъ переживаній о мирѣ и братствѣ народовъ: я былъ пассифистомъ; переведя на англійскій языкъ слово «паксъ», получаемъ мы: пакость и пассифистъ значитъ: пакостникъ.

Я, просыпаясь, конечно, не вспомнилъ о состоявшемся подкупѣ; вспомнилъ о немъ англичанинъ, завѣдующій контръ-развѣдкой — въ астралѣ; и сообщилъ куда слѣдуетъ. Съ той поры водворили за мною они свой надзоръ; и фигура подобная іезуиту, сопровождала меня: въ поѣздахъ, на проспектахъ туманнаго Базеля, Берна, Цюриха; посылали за мной къ ледникамъ дозиравшаго горца; его я встрѣчалъ выходящимъ изъ щели утесовъ, въ тавернѣ нагорной деревни; старался онъ дать мнѣ понять, что его обмануть нѣтъ возможности; онъ мнѣ подмигивалъ:

— «Да, да, да... Вы изъ Дорнаха... Проживаете около нѣмецкой границы... въ пятнадцати километрахъ отъ фронта...»

Въ городахъ: неизмѣнный брюнетъ въ котелкѣ поселялся назойливо у меня за стѣною; я думалъ, что это все кажется мнѣ, но все стало понятнымъ здѣсь, въ консульствѣ. Тотъ, кто всѣ эти послѣдніе годы упорнѣйше собиралъ обо мнѣ необъятныхъ размѣровъ досье, подтасовавши въ нихъ факты,

попутно завезъ эти факты с ю д а; здѣсь то вотъ поджидали о н и; сопровождать меня въ Англію.

Переживанія изъ романовъ Гюисманса и Стриндберга вдругъ охватили меня въ комфортабельномъ помѣщеніи консульства; я не успѣлъ имъ отдаться: вотъ грохотно распахнулась летучая дверь; негодующій, блѣдный товарищъ, съ дрожащей губой, появился въ дверяхъ; за спиной его выросъ «Холмсъ»; не далъ времени обмѣняться словами съ товарищемъ; съ нимъ затворились мы.

Кратокъ допросъ: онъ сводился лишь къ требованію привезти рядъ бумагъ отъ швейцарской полиціи; въ тонѣ его была сухость, съ которой допрашиваютъ безнадежныхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ разстрѣлу; со мной обращалися такъ, будто я — былъ не я, а какая-то бомба, которую слѣдуетъ утонченнѣйшимъ способомъ разрядить; или: будто въ астральное тѣло ввели «германинъ» — родъ ѣдчайшаго вещества, разлагающаго всѣ военные планы союзниковъ; я превратился въ опаснаго разносителя «германизма»; сочило «г е р м а н с т в о» мое подсознаніе: «не былъ шпіономъ», тѣмъ хуже: я былъ — «сверхъ шпіономъ».

По отношенію къ товарищу, какъ я узналъ позднѣй примѣнили они иной методъ террора; вотъ краткій отрывокъ діалога:

— «Что же вы дѣлали вблизи Базеля, въ скучномъ швейцарскомъ селѣ у границы Эльзаса?»

Сказать: я работалъ въ Іоанновомъ Зданіи — было безуміе (Іоанново Зданіе изъ-за бетонныхъ фундаментовъ ими считалося фортомъ, устроеннымъ сыщиками на нѣмецкія деньги); товарищъ отвѣтилъ (и то было правдой):

— «Работалъ въ «Библіотекѣ».

— «По какому вопросу?»

— «По Ренессансу»...

— «Какое же отношеніе это имѣетъ къ профессіи вашей?»

— «Я бросилъ профессію»...

— «Ну, на что же вы жили? ..»

— «Давалъ уроки».

— «Чего?»

— «Русскаго языка».

— «Потрудитесь сказать, кому именно?»

— «Дѣтямъ подданной русской».

— «Зачѣмъ же имъ, русскимъ, — уроки русскаго языка?»

— «Какъ зачѣмъ? А — русская литература!»

— «Ну да, положимъ. Фамилія дамы?»

Товарищъ упомянулъ тутъ фамилію, обыкновенную для евреевъ: на «бергъ».

— «Она — нѣмка, — вскричалъ торжествующій Холмсъ, — вы лжете!»

— «Какъ смѣете вы! ..»

— «Въ такомъ случаѣ потрудитесь представить бумагу швейцарской полиціи, что, во первыхъ, такая-то — русская подданая; во вторыхъ, что за уроки вы

получали по столько-то; въ третьихъ, представьте бумагу отъ управляющаго Библіотекой Базеля, что вы работали именно по Ренессансу — тогда-то».

Вотъ кончикъ діалога; онъ растянулся на сорокъ минутъ.

Какъ оплеванные, мы выходили изъ консульства.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Россію, должны были мы возвратиться обратно. Казалося: все равно, попадемся имъ въ руки; не просто, а утонченнѣйшимъ образомъ; и «свободой» намъ будетъ лишь форма особая пытки; не стоитъ бросать меня въ тюрьмы (есть ядъ); вѣшать тоже не стоитъ — поднимется русская пресса; и — пораженцы возрадуются; нѣтъ: «брюнетъ въ котелкѣ» можетъ съ легкостью перекинуть за бортъ парохода меня; напримѣръ: въ переѣздѣ до Бергена; если же здѣсь не удастся, еще останется: Норвегія; времени много; быть можетъ,— пропустятъ въ Россію; вѣдь знаютъ они (отъ сѣдовласаго сэра, меня созерцающаго изъ своего кабинета въ астральныя трубы, и — до филера включительно), — знаютъ они: желѣзнодорожныхъ мостовъ я не стану взрывать.

На вокзалѣ сидитъ іезуитъ, поджидающій насъ; онъ опять таки, какъ и тамъ въ помѣщеніи консульства, сидя напротивъ меня, — принялся мнѣ подмигивать:

— «А, ты — попался».

— «Теперь отправляешься къ намъ».

— «О тебѣ позаботимся».

— «Ты, чего добраго, зачитаешь въ Россіи публичныя лекціи о порядкахъ Британіи; пакостникъ, грязный шпіонъ, слуга «б о ш е й»: ты, ты — разрушилъ всѣ соборы, топилъ Китченера».

И долго еще, среди улицъ Москвы, обладѣвала идея, внушенная кѣмъ-то.

«О Н И»

На протяженіи мѣсяцевъ, просыпаясь въ уютной постели въ Москвѣ (между лекцій, стиховъ, «п о ч и т а т е л е й» и поэзо-концертовъ, средь толковъ о томъ, что церковный соборъ очень нуженъ, что старецъ Никита, священникъ Флоренскій, артистъ Чеботаевъ, играющій Арлекина въ «Экстазномъ Театрѣ» — явленія апокалиптической важности) — думалъ объ Англіи: о Ньюкестлѣ, о Гаврѣ, о Лондонѣ и о консульствѣ въ Бернѣ, гдѣ, отдавая отчетъ о себѣ, заполнялъ въ листы, подвергаясь экзамену у благороднѣйшихъ сэровъ, шпиковъ и... отвратительныхъ проходимцевъ; а Холмсы всѣхъ странъ и народовъ, на завѣренья мои о себѣ, что я... такъ себѣ... ничего себѣ... существую нормально, что даже... напротивъ — въ Россіи имѣю претензію я на извѣстную долю вниманія — на завѣренія эти — Шерлоки, шпики, офицеры, чиновники трехъ министерствъ просвѣ-

щеннѣйшей Англіи, полисмены, жандармы, прохожіе и случайные собесѣдники по вагону окидывали уничтожающимъ взглядомъ меня и предлагали такіе вопросы, что становилось отчетливо: для виду беру билетъ въ Христіанію: я беру себѣ желтый билетъ на свободу сидѣнія въ койкѣ англійской тюрьмы.

Просыпаясь въ уютной постели въ Москвѣ, быстро вскакивалъ я и, бросая вопросы въ московскія стѣны, дрожалъ отъ испуга:

— «Не агентъ ли ты въ самомъ дѣлѣ?»

— «Живя тамъ въ нѣмецкой Швейцаріи»...

— «Слушая пушки Эльзаса»...

— «Ты — агентъ»...

— «Тебѣ намекали на это въ туманно-мрачнѣющемъ Гаврѣ; въ туманно-мрачнѣющемъ Лондонѣ»...

— «Озаряя все небо летающей стаей прожекторовъ, — въ небѣ искали тебя, совершающимъ пируэты надъ Лондономъ въ «Таубѣ»; подъ водой искали тебя, мѣтко цѣлящимъ миною въ пробѣгающій на волнахъ пароходикъ «Гаконъ», гдѣ, томясь твой двойникъ, опершися на бортъ, вспоминалъ свою Нэлли; ты самъ въ себя цѣлилъ тогда, разрывая свою біографію № 2, протекающей у тебя въ подсознаніи».

Біографія?

Я заполнилъ десять разъ въ переѣздъ листы рядомъ цифръ, устанавливающихъ годъ и день моего появленія на свѣтъ; это все — эфемерныя даты; второй біографіи, подлинной, нѣтъ въ этихъ датахъ; а біо-

графія первая укрываетъ зерно человѣческой жизни моей (это вѣдомо сыщикамъ) крапами мелкихъ событій, скрывающихъ духъ Человѣка.

Развитіе біографической личности — ложь: описуетъ оно облетаніе кожныхъ покрововъ; о каждомъ мы можемъ сказать: вотъ онъ юнъ, вотъ уже пробивается въ немъ борода, борода посѣдѣла. Онъ — умеръ; установленіе біографіи не задѣваетъ ядра человѣческой жизни (опять-таки: знаютъ они этотъ фактъ); кругъ моральныхъ вліяній, бытъ жизни — гласятъ: вотъ онъ юнъ, вотъ уже пробивается въ немъ борода, вотъ уже посѣдѣла она, вотъ онъ умеръ; характеристика «кожныхъ» вліяній меня не откроетъ никакъ, посылающимъ мину въ меня самаго; но откроетъ: при переѣздѣ до Бергена, какъ и всѣ, я подумывалъ о возможности погрузиться въ холодное дно; вы не знаете этого: «сыщики» — знаютъ.

Представители государственнаго порядка всѣхъ странъ и народовъ? Но «Государство» — экранъ, за которымъ они схоронили ужасную тайну свою, «государственный агентъ» — безсильнѣйшая маріонетка,которая не подозрѣваетъ, конечно, кому она служитъ, какъ... нашумѣвшій когда-то Азефъ; онъ — надутая воздухомъ кукла, надутая — ими; «они», надувая людей, безсознательно преданныхъ имъ, черезъ нихъ выдуваютъ въ исторію государственныхъ отношеній смерчи: мировыхъ катастрофъ — войнъ, «болѣзней»; «охранка» Невидимыхъ Сыщиковъ — за спиной у охраннаго отдѣленія Европы; и появись

только личность, — они постараются наложить на нее свое злое клеймо: государственнаго преступника. Во мнѣ есть подозрѣніе: происшествія, бывшія со мной и съ Нелли, не поддаются учету; невѣроятная сказка есть жизнь нашихъ странствій; да, молнія духа надъ нами сверкнула; они это видѣли: и — постараются опорочить меня; только выпрямись я, освободись отъ своихъ недостатковъ, которыми заразили они, я бы могъ быть опасенъ ихъ дѣлу: обезопасить себя отъ моихъ возрожденій имъ надо; и — устранить навсегда; опорочить имъ надо меня: государственнымъ преступленіемъ.

Если же въ безсознательномъ состояніи сна повстрѣчался я съ безсознательнымъ состояніемъ сна представителя сыска въ Германіи, то эта встрѣча подстроена: какимъ нибудь геромъ, иль сэромъ — какъ знать, проживающимъ можетъ быть, въ своемъ замкѣ въ Шотландіи и меня не видавшимъ, но несомнѣнно отмѣтившимъ мигъ моего возрожденія; по дрожанію стрѣлки сейсмографа, имъ поставленнаго туда; тамъ (въ астралѣ) поставлены аппараты, подобные минамъ: поставлены такъ, что едва душа вынырнетъ изъ повседневнаго сна и раскроется, какъ цвѣтокъ, по направленію къ свѣту: какъ... — выстрѣлитъ мина; и сэръ, сообщитъ, куда слѣдуетъ, что родился «младенецъ».

Тогда: появляются представители международнаго сыска (въ международное бюро сыска навѣрное входитъ по представителю всѣхъ странъ, и развѣдка

и контръ-развѣдка, встрѣчаяся тутъ, благодушно работаютъ вмѣстѣ); международные сыщики вѣроятно для вида завѣдуютъ предпріятіемъ: гера, мосье или сэра; такъ своры агентовъ, какъ своры борзыхъ, направляются быстро по свѣжимъ слѣдамъ; одна, вылетѣвши изъ тѣлесныхъ составовъ, какъ вѣдьма, зарыскаетъ по пространствамъ душевнаго міра, стрѣляя отравленной похотью (посѣщаютъ васъ страшные, любострастные сны. . .); а другая — разыскиваетъ обреченнаго на физическомъ планѣ; и — ставитъ капканы (встрѣчаете въ поѣздѣ женщину вы, и она васъ старается соблазнить); вы — податливы (безсознаніе ваше пропитано ядомъ летающей стаи, стрѣляющей ядами); около васъ — соглядатай: брюнетъ въ котелкѣ. Онъ доноситъ на васъ: полицейскій надзоръ установленъ за вами: улики — подобраны.

Кто-нибудь совершаетъ насиліе надъ малолѣтней дѣвочкой (совершаетъ насиліе сатанистъ, васъ губящій): вы чувствуете въ это время потребность: пойти, погулять (понуждаетъ васъ сыщикъ въ астралѣ); выходите; и — въ безотчетной тоскѣ вы блуждаете по проспектамъ туманнаго города; замѣчаете вы, что брюнетъ въ котелкѣ заблуждалъ вслѣдъ за вами; стараетесь вы убѣжать отъ него (этотъ жестъ — жестъ руки, отрясающій паука съ пиджака — совершенно естественъ); уединяетесь вы въ старый паркъ (гдѣ за десять минутъ передъ этимъ, въ кустахъ, сатанистъ изнасиловалъ дѣвочку); можете даже услышать вы дѣтскій пронзитель-

ный крикъ: вы — спѣшите на крикъ; изъ кустовъ выбѣгаютъ на васъ полицейскіе: вы — арестованы; подозрѣніе въ гнусномъ поступкѣ — на васъ тяготѣетъ.

Въ теченіе трехнедѣльнаго путешествія изъ Швейцаріи въ Петроградъ возвращался я къ этимъ болѣзненнымъ мыслямъ; въ Москвѣ, просыпаясь въ уютной постели, я думалъ о томъ же; я вскакивалъ; и бросая вопросы въ московскія стѣны, дрожалъ:

— «Не преступникъ ли ты?»

— «Не насильникъ ли ты?»

— «Не леталъ ли надъ Лондономъ въ «Таубѣ» ты?»

Но добродушныя стѣны — молчали; и солнечный лучъ пролеталъ на меня изъ окна, веселя; я открывалъ листъ газеты: въ газетѣ — хвалили меня; я шелъ въ гости: въ гостяхъ меня слушали съ неподдѣльнымъ вниманіемъ; шелъ на концертъ — въ сопровожденіи «бубновыхъ валетовъ»; священникъ Флоренскій дарилъ свою проповѣдь, а артистъ Чеботаевъ, играющій Арлекина въ экстазномъ театрѣ, — безъ всякой предвзятости разговаривалъ, напоминая объ общихъ бельгійскихъ знакомыхъ — Дестрэ и де-Гру; только вотъ: не попалъ на церковный соборъ; и... не выбранъ въ министры (знакомые — были министрами).

Долго потомъ среди улицъ, въ кругу оживленныхъ бесѣдъ, размышленіе о совершенномъ предательствѣ угнетало и мучило; что-то старался напомнить; анализировалъ свои встрѣчи — въ Швей-

царіи, въ Бельгіи, въ Швеціи, въ Англіи; видѣлъ отчетливо: чистъ я душой; лихорадка болѣзни моей проходила; и с э р а на улицахъ — не было; разъ-таки — встрѣтилъ: на Ярославскомъ вокзалѣ; сидѣлъ о н ъ за столикомъ надъ куриной котлеткой; увидѣвъ меня, онъ пытался подмигивать; мысленно расхохотался на это: и подбѣжавшій носильщикъ вручилъ англичанину желтый билетъ: уѣзжалъ онъ въ Архангельскъ.

НЭЛЛИ

Въ туманный вздыхающій вечеръ, прижавшись къ подушкѣ вагона, я думалъ о Нэлли (я радовался, что ее я увижу еще): и она возникла такая же, какъ всегда — свѣтловолосая; и — съ подстриженными кудрями, падающими на большой мужской лобъ,перерѣзаемый продольной морщиной; два глаза, лучистыхъ и добрыхъ, мягчили ея неуклонную думу чела; какъ оса, въ бѣломъ платьицѣ, напоминающемъ тунику, или... подрясникъ; она — какъ монашекъ; сквозная и легкая стола, желтолимонная, перепоясанная серебряной цѣпью, бывало, легко разлетается въ солнышкѣ, когда, — въ моей легкой соломенной шляпѣ и съ папироской во рту — легкой-легкой походкой бѣжитъ по тропинкѣ она, межъ горъ — туда;

вверхъ, по направленію къ Куполу; впереди, выдѣляясь на солнцѣ, на яркой и шепчущей зелени чернымъ своимъ сюртукомъ, молодою такою походкой спѣшитъ докторъ Штейнеръ: къ Іоаннову Зданію; мы — обѣгаемъ его, чтобы во-время очутиться подъ куполомъ: среди стружекъ и щепокъ: и, взгромоздившись на кучечку пирамидой поставленныхъ ящиковъ, оказаться какъ разъ подъ дугой архитрава; подъ нами — громадный провалъ, перерѣзанный деревянной колонною; кругъ изъ двѣнадцати очень массивныхъ колоннъ, посвященныхъ планетамъ, подъемлетъ легко возлетающій куполъ; работали мы надъ колонной «Юпитера», надъ архитравомъ, который для краткости называли «Юпитеромъ»; мы спѣшимъ на «Юпитеръ»; намъ надо тамъ еще кое-что подчистить; и — выпрямить линію плоскости; знаемъ: по шаткимъ мосткамъ приподымается скоро фигура, спѣшащая передъ нами на холмъ; остановившись предъ нами и вскинувши быстро пенснэ, докторъ Штейнеръ окинетъ орлинымъ, летающимъ взоромъ рѣзную работу; и Нэлли моя, соскочивъ съ пирамиды изъ ящиковъ, будетъ спрашивать доктора что-нибудь — о плоскостяхъ архитрава; тогда, взявши въ руки отточенный уголь, прочертивъ двѣ линіи, быстро схвативъ лейтъмотивъ вырѣзаемыхъ граней:

— «Вотъ тутъ сантиметра на два... тутъ снять... тутъ — прибавить»... И, помахавши привѣтственно маленькою, точно дамской, рукой, докторъ Штейнеръ — пройдетъ; чтобы встрѣтить его тамъ, подъ купо-

ломъ, и попросить указаній, касающихся работы, — спѣшимъ: прямо къ куполу; тамъ, впереди, убѣгая отъ насъ молодою походкой, какъ мальчикъ, несется къ Іоаннову Зданію: Штейнеръ. А Нэлли — волнуется.

Мнѣ она — юный ангелъ: сквозной, ясный, солнечный; и — любовался я издали ей; мнѣ казалось: она — посвятительный вѣстникъ какихъ-то забытыхъ мистерій; вотъ-вотъ она, близкая, опершись на плечо, щекоча мнѣ лицо свѣтловолосой головкой — слѣдитъ, какъ рука моя спѣшно выводитъ кривые узоры рисуемой діаграммы; и — вдругъ: своимъ точнымъ движеніемъ руки мнѣ укажетъ она:

— «И не такъ».

— «Три души Аристотеля тутъ не вѣрно прочерчены»...

Нэлли — мыслитель; вопросы теоріи знанія проницаетъ, играя, отточенный лобикъ ея; она вмѣшивается во всѣ мои мысли; меня — поправляетъ; съ исторіей философіи мало знакома она; но читаетъ: Плутарха, Блаженнаго Августина, штудируетъ Леонардо-да-Винчи и — Штейнера, обладая утонченной проницающей мыслью; архитектоника нашихъ мыслительныхъ линій противоположна до крайности; термины Фолькельта, Ласка и Канта — мнѣ близки; и — непонятна «Ars Magna» Раймонда (запутался въ ней: комментаріи Джордано Бруно не помогли): Нэлли — плаваетъ, точно рыбка, въ утонченной графикѣ схоластической мысли — какого-нибудь Абеля-

ра; я пробовалъ ей объяснять нормативизмъ школы Риккерта:

— «Знаешь, все это и проще и легче сказать» — отвѣчала она. «Посмотри»... Принялась съ карандашикомъ рисовать построеніе Риккерта: великолѣпная схема прибавилась въ ея толстомъ альбомѣ: пятнадцатиграмма, написанная единымъ штрихомъ.

Есть альбомъ у нея: зарисованы въ немъ треугольники, звѣзды и гранники, перекрученные въ спирали; бывали періоды: Нэлли, забравшись на кресло, вычерчивала вотъ такія фигуры, глотая крѣпчайшій, душистый и ротъ обжигающій чай; и — закусывала бисквитикомъ; въ негодованіи я на нее нападалъ, — тащилъ прочь, набрасывалъ плащъ на нее (его сшила сама — она шить мастерица); она поражала утонченной граціей: помню ее я на лѣтнемъ лужкѣ; выгонялъ ее въ горы; и шла, точно нехотя; скоро, увидѣвъ цвѣтокъ надъ отвѣсомъ, она объявляла: его то и нѣтъ въ нашей комнатѣ. И — съ разгасившимся личикомъ, ухватившись за корень стальной, мускулистой рукой, начинала карабкаться вверхъ, позабывъ пентаграммы; я — въ ужасѣ стаскивалъ Нэлли; она не противилась.

Да, у Нэлли — стальная рука; гранировальнымъ штрихомъ на сверкающей мѣдной доскѣ вырѣзаетъ она утонченный рисунокъ, напоминающій мнѣ гравюры Рембрандта; и въ поведеніи ее всѣ рѣшенія выгравированы, четки, ясны; съ тѣхъ поръ, какъ съ ней

встрѣтился, внѣшняя жизнь отчеканилась: опредѣлился мой стиль, какъ писателя.

Нэлли прошлась по немъ четкимъ штрихомъ.

Въ ней — рѣдчайшее сочетаніе мужественной, героической воли съ нѣжнѣйшею мягкостью, подобающей женщинѣ; и во внѣшности Нэлли меня поражаетъ: то — тонкій монашекъ, весь солнечный и — устремленный; то — фея: недѣлями въ прежніе годы сидѣла она на диванѣ, и — обвисая тяжелыми локонами, съ плутовато-надменной улыбкой прислушивалась къ «молотьбѣ по соломѣ» московскихъ друзей, не удосужившихся разглядѣть ее.

А «молотьбой по соломѣ» прозвали мы праздную ерунду разговоровъ въ Москвѣ, отъ которой бѣжали мы въ Бельгію.

МОСКВА

Нэлли свѣтитъ,какъ солнечный свѣтъ; тридцать лѣтъ моихъ жадныхъ исканій свершилось въ квадратѣ, очерченнымъ мнѣ Арбатомъ, Пречистенкой; тамъ разселились давно чудаки; и—болтали: года; въ ихъ открытые рты залѣзали бѣсята; страдали отъ этого странными формами нервныхъ болѣзней, болтая о подвигѣ и о таинствѣ опыта; и — принимая: то порцію брома, то порцію водки; я жилъ среди нихъ, какъ они, пока Нэлли не вырвала.

И — отлетѣлъ пропыленный квадратъ; стая странъ полетѣла на насъ; рой народовъ насъ встрѣтилъ; закаты, моря и цвѣты осыпали насъ блесками, пѣной и цвѣтомъ; и — вѣяла солнечнымъ воздухомъ Нэлли; музеи прошли передъ нами; въ Сициліи выросъ космическій міръ изъ блистающихъ камушковъ пестроцвѣтной мозаики; Іисусъ, синеблещущій, изъ Монреаля, простерся къ намъ свѣтами мозаическихъ ризъ; открываешь, бывало, глаза: полусонъ; мечетъ зайчики солнце на изразцовые глянцы: «Тунисъ!» И «ирр» — раздается откуда-то: бѣлоглавый арабъ понукаетъ осла; мы спѣшимъ затеряться въ арабскихъ торговыхъ кварталахъ: средь роя бурнусовъ сквозятъ розоватыя пятна арабокъ, синѣютъ плащи, колыхается: мавританскій тюрбанъ; и — перо европейки; широкими панталонами полосатится негръ; зеленоватыя, красныя, желтыя туфли зашаркаютъ въ переходикахъ.

Нэлли, склонясь надо мной, щекоча своимъ локономъ, посвящаетъ меня въ утонченности мавританскаго стиля; намъ готика дышетъ годами; и — вотъ: ужъ встаютъ: кружевной соборъ Страсбурга, Кельнскій Соборъ, Санъ-Стефанъ. Путешествовать съ Нэлли — восторгъ.

А — Египетъ?

На осликахъ мы; зеленѣютъ пространства; и — пряные запахи одурманили насъ; на поляхъ — круторогіе буйволы; пятна феллаховъ; и черныя стѣны деревни; за ней встрѣчаютъ: гробницы четвертой и

пятой династіи; пирамида Пепи; торчать, набѣгають пески; позади — пирамидка; гробница когда-то почившаго Ти, Серапеумъ; жаръ душитъ, блистаетъ и сушитъ; кусокъ пламеноснаго неба: онъ — кубовый, кубовый; глазъ плачетъ блескомъ; міры красноры-жихъ рефлексовъ мелькаютъ; пески перемѣнчивы; подъ ногами протянутъ кусокъ коленкорово-черныхъ тѣней.

Засадитъ меня въ томики Масперо въ пропыленномъ Каирѣ, отыскивать связи межъ флорой Сициліи и Палестины — забота жены моей; въ чистыхъ восторгахъ познанія мы; мимо бѣгущія буквы гласятъ, возникаетъ намъ слово:

— «Вы ждите меня».

Я подсматривалъ испытующій взоръ, обращенный ко мнѣ: «Видишь: истина, пробѣгая по странамъ, чеканитъ кремнистые знаки на скалахъ природы; она—молчалива; умѣй же прочесть ее; мы должны пробираться съ опасностью жизни вершинами кратера, чтобы умѣть низвергаться въ огонь, какъ низвергся туда Эмпедоклъ, соединившійся съ огненными стихіями міра; и — вытечь, какъ лава, изъ кратера; окаменѣть, какъ скала... Хочешь истины этого подвига?» Такъ — говорилъ мнѣ взглядъ Нэлли; отвѣтилъ — безъ словъ на него.

Знаю, Нэлли моя не любила Москвы; вся сноровка ея не подходила къ тяжелому быту; она не любила купчихъ, ожидающихъ, чтобы лакей, переряженный, въ бѣлыхъ перчаткахъ, имъ подалъ рагу...

изъ московскихъ писателей: перваго сорта; не нравилось въ ней сочетанье тургеневской дѣвушки съ энглизированной женщиной; прерафаэлистской картинкой, которую видѣть пріятно, считали ее. Помню взрывы духовныхъ исканій, которые гнали по странамъ, идеямъ; улыбкой огромнаго напряженія отвѣтила Нэлли на тайну исканій моихъ; я увезъ ее; и по мѣрѣ того, какъ текла наша жизнь, предо мной раскрывалась огромная перспектива всѣхъ нравственныхъ устремленій, исполненныхъ взрывами, — въ Нэлли; всѣ первые годы скитаній по западу съ Нэлли уподобляю я чтенію мощной системы познаній; впервые увидѣлъ я роскоши Божьяго міра; мы жили въ Москвѣ — внѣ культуры, кончая слова о грядущемъ — за водкой; меня повернула на прошлое Нэлли; увидѣлъ: горластые дымогары я въ немъ; и — схватился за Нэлли; она цѣловала меня, говоря:

«Не забудь».

Углублялась духовная жизнь; начерталось грядущее — въ миги, когда мы стояли предъ Сфинксомъ, когда съ пирамиды увидѣли: золотокарія сумерки падають надъ Ливійской Пустыней; и вспыхивалъ въ нашихъ рукахъ Святой Огнь подъ тяжелыми сводами гроба Господня; и у священной скалы, на которой принесъ Авраамъ Исаака, какъ жертву (въ Мечети Омара), давали обѣты: быть жертвой пути. Передъ Гробомъ Господнимъ вѣнчалъ насъ: не попъ.

Возвратились изъ странствія мы. А въ редакціи тотъ же редакторъ освѣдомлялся о рукописи (кто-то

былъ долженъ доставить ее); восемь мѣсяцевъ тому назадъ, въ октябревскіе дни, когда я, удрученный моральной усталостью, рвался отсюда на воздухъ, въ редакціи говорилось о той же статьѣ; за то время мелькнули: Италія, Африка, Палестина; хотѣлося что-то повѣдать о мірѣ, въ которомъ мы жили; меня — оборвали:

— «Да, да... Только вотъ... примѣчаніе къ статьѣ не забудьте»...

Я вспомнилъ взглядъ Нэлли:

— «Смотри, не забудь»...

И ему я отвѣтилъ:

— «Бери меня, Нэлли».

Мы — вырвались; я, по мнѣнію редактора, вдругъ поглупѣлъ (встрѣча съ Нэлли меня погубила).

ЛЬЯНЪ

Вотъ — Базель; вотъ — воды, зеленыя, рейнскія; домики, кустики, холмики, розсыпи черепичатыхъ крышъ, проступающихъ яркимъ, оранжевымъ цвѣтомъ, зарѣющимъ въ воздухѣ; мчится стремительно поѣздъ, меня возвращая домой, въ милый Дорнахъ; еще двое сутокъ пробуду я съ Нэлли.

Я помню: сидѣлъ на вокзалѣ въ томительномъ ожиданіи поѣзда — въ Дорнахъ; и — вспомнилъ я текучую жизнь; и — текучія мысли меня уносили въ Норвегію; и — возникали мнѣ въ памяти: Льянъ, Христіанія.

Тутъ провели подъ лучами норвежскихъ закатовъ мы важные дни, — надъ фіордами, дверь на балкончикъ, да окна — бросали пространства воды въ черезчуръ освѣщенную комнату; впечатлѣніе, что она — только лодка, не покидало меня; мнѣ казалось: на двухъ перевязанныхъ лодкахъ изъ досокъ устроили полъ; на полъ бросили — столики, кресла; на креслахъ сидѣли (съ ногами): съ утра и до вечера, погружаясь то въ думы, то въ схемы, пестрящіе множествомъ въ безпорядкѣ лежащихъ листовъ; два окна да стеклянная дверь въ нашу комнату наполнялись пространствами бирюзоваго воздуха; мнилось: незамкнутой стороной зачерпнетъ наша комната воздуху, вся опрокинется (не успѣемъ вскричать); и — очутимся въ ясныхъ пространствахъ.

Норвежскимъ закатамъ, отрясывающимъ окрестности, я удивлялся; спокойная ясность пресуществляла фіорды; и — дали тянулись воздушно; и — ясnолапое облако висло; лимонныя полосы проливались на влагѣ, туманясь; и — гасли.

Бывало, закутавшись въ плащъ, прочернѣвши всѣмъ абрисомъ чернаго капюшона и прыгая съ камня на камень, жена моя, Нэлли, бѣжитъ къ яснымъ водамъ — прислушиваться къ разговору испуган-

ныхъ струечекъ, плещущихъ въ камни; и, жмурясь отъ свѣта, — слѣдимъ за медузами; вспыхиваетъ невѣроятный закатъ; и — не хочетъ погаснуть.

Работа надъ мыслью, которой отдались мы въ Льянѣ, продолжилась въ линіи мысли, начертанной въ мѣсяцахъ; мимо неслись города: Мюнхенъ, Базель, Фицнау; и — наплывали градаціи галлерей и музеевъ; суровый Грюневальдъ, Лука Кранахъ, блестающій красками Дюреръ и младшій Гольбейнъ — упоительно ширили невыразимую мысль своей палитры; плакало темной лазурной струей Фирвальдштетское озеро; Штейнеръ бросалъ въ насъ кипящіе курсы; готическій стиль кружевѣлъ намъ изъ Страсбурга; и — прошумѣли надъ Штуттардомъ сосны въ нѣмомъ Дегерлохѣ; изъ Гельсингфорса и Кельна открылась: «Высокая Гита»; мадонна изъ Дрездена глянула, брызнулъ Берлинъ; Христіанія, Льянъ — ожидали. Перемѣнялись мѣста; неперемѣнчивый центръ оставался — работа надъ мыслью; и — мыслили мысли себя; и — кипѣла въ нихъ Нэлли; и — узнавали другъ друга — другъ въ другѣ; и — проницали другъ друга до дна; мысле-образы Нэлли представились: посѣщавшими существами души; я въ альбомѣ у Нэлли нашелъ нарисованными мысле-образы жизни моей; вотъ — распластанный голубь изъ свѣта; и—гексаграмма; и—крылья безъ главъ; и—крылатый кристаллъ; и — орнаментъ спиралей (біеніе эфирнаго тѣла); и — чаша (или горло — Грааль), бегемотъ (или — печень); и — змѣи (кишки); знаю я,

что рисунки лишь символы ритмовъ живѣйшаго импульса, перерѣзавшаго насъ струей мысли.

Садился въ разлапое кресло на шаткой терраскѣ, торчащей надъ соснами, толщами камня и плесками фьорда; сосредоточивалъ волю къ вниманію; чувства и импульсы мысль принимала въ себя; и, покрытое ритмами мысли, не слышало косности органовъ — тѣло мое: все во мнѣ отлетало чрезъ черепъ — въ огромности космоса, живоперяяся ритмами, какъ крылами (расположеніе ангельскихъ крылій, ихъ форма, число, — эвритмично); я былъ многокрыліемъ; прядали искры изъ глазъ, сопрягаяся; пряжею искръ мнѣ творилися образы: распинаемый голубь изъ свѣта, безглавыя крылья, крылатый кристаллъ, завиваясь спиралями, развивались спиралями (и — полюбилъ я орнаментъ спиралей въ альбомѣ у Нэлли); однажды сложился мнѣ знакъ: треугольникъ изъ молній, поставленный на свѣтлѣйшій кристаллъ, разсыпающій космосы блеска: и «око» — внутри.

Этотъ знакъ вы увидите въ книгѣ у Якова Беме.

Образовались во мнѣ, какъ... спираль: мои думы; закинь въ этотъ мигъ свою голову я, не оттѣнокъ лазури я видѣлъ бы въ небѣ, а грозный и черный проломъ, разрывающій холодомъ тѣло; проломъ — меня всасывалъ (я умиралъ въ ежедневныхъ мученіяхъ); былъ онъ — отверстіемъ въ правду вещей, пріоткрытую мнѣ: становился онъ синею сферой (синюю сферу впослѣдствіи видывалъ: въ томъ же альбомѣ — у Нэлли; тянула меня — сквозь меня;

изъ себя самаго излеталъ я кипѣніемъ въ жизни; и — дѣлался сферою, многоочито грядущей на центръ, находя въ немъ дрожащую кожу мою; точно косточка сочнаго персика было мнѣ мое тѣло; безъ кожи, разлитый во всемъ, — Зодіакъ.

Зодіакальныя схемы въ альбомѣ у Нэлли меня убѣждали, что наша работа вела насъ единымъ путемъ.

Вставала терраса съ верхушкой сосны; поворачивалъ голову Нэлли; и видѣлъ ее: точно струночка, въ бѣленькомъ платьицѣ, съ блестками глазъ, разрывающими все лицо и ліющими ясность здоровья на весь ее обликъ, — смѣялась мнѣ радостно; взявшись за руки, мы шли на прогулку; глядѣться въ плесканіе струечекъ фьорда; слѣдить за медузами.

Роемъ сквозныхъ звѣздо-пчелъ сочетались въ одну мы систему вселенной; и, разставаясь, летѣли назадъ: къ... куполамъ тѣльныхъ храмовъ; мы вѣдали: призваны мы поработать надъ храмами тѣла; мы призваны: вырѣзать въ деревѣ чувственныхъ импульсовъ великолѣпныя капители канюновъ сознательной жизни; я знаю, что Нэлли, бывая во храмѣ моемъ, надо мною работала тяжеловѣснѣйшимъ молоткомъ и стамезкою; вырѣзала въ моемъ существѣ — воспоминанія о дорожденной странѣ, изъ которыхъ сложился впослѣдствіи «Котикъ Летаевъ».

Когда мы потомъ заработали (въ Дорнахѣ) надъ деревянною формой порталовъ Іоаннова Зданія, — во-

оруженной стамезкой срѣзая душистыя щепки, отчетливо пахнущія то миндалемъ, а то яблокомъ (отъ присутствія въ деревѣ ароматичныхъ эфировъ), я вдругъ узнавалъ по градаціи граней — градаціи ритмовъ космической мысли; страну живомыслія я узнавалъ: Іоанново Зданіе стало мнѣ образомъ феоретическихъ путешествій; и оплотненіемъ мыслелетовъ, слагающихъ тѣло духовной культуры. Іоанново Зданіе вырѣзается изъ деревянныхъ массивовъ, чтобъ изойти въ вышину архитравомъ каноновъ сознательной жизни; путь нашей истины вырѣзанъ въ формахъ; любили мы куполъ, построенный изъ черепицы норвежскаго камня; подъ снѣжнымъ покровомъ разбросанъ былъ онъ недалеко отъ Бергена; мы его видѣли въ цѣльныхъ массивахъ, покрытыхъ пурпуровымъ мохомъ.

Вагонъ нашъ бѣжалъ къ ледникамъ; гребенчатая линія пиковъ сверкала осколками; вѣяли воздухи въ лица; лазурные камни подкинулись къ льдамъ —въ ослѣпительномъ небѣ; и дверь отворилась: вошла она — та, кто стояла на граняхъ духовнаго міра, звала за собой: та именно, о которой сказать я сумѣю, быть можетъ, лишь въ будущемъ; и, сіяя глазами, мнѣ съ Нэлли сказала:

— «Да, Ибсенъ героевъ своихъ бросалъ въ пропасть; онъ — Солнца не зналъ.

Мы глядѣли втроемъ на пурпуровый мохъ и на камни; узнали потомъ, что учитель рѣшилъ: изъ лазурно-зеленаго камня построить два купола Іоаннова

Зданія; переживаніе духовнаго мига отмѣтилось, запечатлѣлось; и — потрясаетъ сердца: съ восхищеніемъ созерцаютъ измѣнчивый, точно море, оттѣнокъ норвежскаго камня на куполѣ Зданія.

Странно отмѣтились эти летучіе миги; о нихъ не сумѣю сказать ничего; эти миги продолжались... въ Дорнахѣ; горныя переживанія стали терновыми; все началось съ Христіаніи, поведя черезъ Бергенъ (черезъ горы) къ распятію: въ Дорнахѣ!

Но эти терніи принимаемъ; и не кончена сказочность странствій; нашъ путь — впереди.

До войны еще чувствовалъ я, что насъ съ Нэлли выслѣживаютъ: послѣ огромныхъ духовныхъ событій, совершившихся съ нами; о нихъ говорить очень трудно; едва понимаю я ихъ; подготовлялись они цѣлой жизнью: они начались еще въ Тульской губерніи; былъ еще юношей я; повторялись въ усиленной степени: въ Брюсселѣ, въ Бергенѣ, въ Лейпцигѣ, въ Дорнахѣ.

Между «мигами» Тульской губерніи и повтореніемъ въ Бергенѣ ихъ — протекло десять лѣтъ.

ПАМИРЪ: КРЫША СВѢТА

Съ 1899 года по 1906 годъ проживалъ я въ имѣніи: въ Тульской губерніи; девятью стеклоглазыми

окнами старый, коричневый домъ изъ подъ кронъ тополей глядѣлъ въ дали пространства, съ бугра; а бугоръ обрывался къ серебряной, чистой рѣченкѣ, полузакрытой ольховыми купами; мнѣ казалась терраса стариннаго дома высоко-высоко-высоко приподнятой; а аллея шла въ бокъ отъ нее; высоковерхія липы шумѣли; — надъ желтымъ песочкомъ метались раскидисто; перпендикулярно къ аллеѣ горбато бѣжала дорожка на холмъ; и, раздвигая суки изломавшихся яблонь, съ нея попадали въ обширный квадратъ, образованный съ трехъ сторонъ серебристыми тополями; между ними юнѣли зеленыя яблоньки; верхъ же квадрата, взбѣгающій по пологому склону, обсаженъ былъ только-что: тополечками; приподымали вершинки подъ небо шепча тополечки; и тутъ раздавалися лепеты, трепетанія и вздохи; и — обрывался нашъ садъ узкой, вырытой, дождевою канавою; за ней, непосредственно сверху, гдѣ горбился склонъ, приближая всю линію горизонта (казалось, что онъ былъ шагахъ въ сорока отъ канавы), метаясь, бѣжала усатымъ наливистымъ колосомъ рожь; весь бугоръ шумно сыпался, заливаясь колосьями и какъ будто стекая въ канаву взволнованнымъ шумомъ; а надъ пространствами ржи (непосредственно рядомъ, шагахъ въ сорока отъ канавы) глядѣли закаты; бугристая мѣстность въ обманчивомъ морокѣ приближала зарю; за канавой глядѣла на насъ необъятность.

Переживанія тутъ подымались во мнѣ; начинались во мнѣ какъ бы игры; я думалъ, что тамъ, за ка-

навой, кончалась исторія; стоило перепрыгнуть черезъ крутую канаву и кануть во ржи, пробираясь по ней еле видною тропкою, — все затеряется — въ золотѣ, въ блескѣ и въ хаосѣ этихъ бушующихъ волнъ; буду я — внѣ исторіи; буду я — внѣ пристанища, внѣ ежедневныхъ занятій, безъ тѣла, охваченный шумами Вѣчности, и — вознесенный въ невѣроятность безумно открытыхъ сознаній, незнаемыхъ ближними.

Зналъ я: поднимаяся вверхъ, попаду я на высшую точку пологаго склона, гдѣ отовсюду откроются шири, просторы, пространства, воздушности, облаки; подъ ноги тутъ опускаются земли; и — небо здѣсь падаетъ; буду я, небомъ охваченный, вѣчный и вольный — стоять; разыграется жизнь облаковыхъ громадъ вкругъ меня; если мнѣ обернуться назадъ, то увижу и мѣсто, откуда я вышелъ (усадьбу); оно — подъ ногами; и отъ нея мнѣ видны: только кончики липъ (а усадьба стояла высоко-высоко надъ рѣчкой).

Спускаяся въ противоположную сторону отъ плато, приходилъ я къ дичайшимъ оскаламъ старинной овражной системы, сгрызающей плодоносную землю и грозно ползущей на насъ; кругозоры сжимались по мѣрѣ того, какъ я, прыгая по размоинамъ внизъ, углублялся; и небо оттуда казалось широкою щелью межъ кручъ, на которыхъ скакали, играя съ вѣтрами, — татарники, чертополохи, полыни; здѣсь нѣкогда перечиталъ Шопенгауера; я опускался туда, перерѣзая слой лѣса, слой глины — до рудобурыхъ желѣзистыхъ каменныхъ глыбъ (величиною съ ар-

бузъ), вымащивающихъ водотекъ; было влажно и холодно. Стоя по серединѣ плато, я не видѣлъ овраговъ; какъ взоръ, по равнинамъ текли мои мысли въ разбѣгахъ исторіи; стлались они надо мной. Всѣ «Симфоніи» возникали — отсюда, изъ этого мѣста: въ лазури небесъ, въ шумномъ золотѣ ржи (а впослѣдствіи написался и «Пепелъ»—отсюда).

«Серебряный Колодезь» былъ проданъ: но измѣнился отъ этого стиль моихъ книгъ; архитектоника, фразы тяжелаго «Голубя» замѣнила летучіе арабески «Симфоній».

Останавливаюсь не случайно на описаніи этого мѣста; со второй моей біографіей я навѣки отсюда связался; возникли здѣсь именно всѣ источники знаній; пріоткрывались: Кантъ, Риккертъ; продумывалъ я здѣсь «Символизмъ»; приходилъ «Заратустра» ко мнѣ: посвящать въ свои тайны. Казалося: не въ равнинахъ Россіи вдыхаю я воздухъ; «Памиръ» — крыша свѣта — мнѣ служитъ подножьемъ; бьютъ тутъ струи: истоковъ арійской культуры; и имъ пріобщаюсь; казалось: оврагъ, угрожающій намъ, есть обрывъ, упаденіе, гибель арійской культуры; и—въ глубочайшій оврагъ ожесточенно я сбрасывалъ камни, прислушиваясь, какъ они ударялись о каменистое... дно водотека; я сбрасывалъ камни боряся съ востокомъ (смѣетесь?)... Порою я чувствовалъ, что настала пора — бросить все; и безъ шапки изъ дому украдкой бѣжалъ по дорожкѣ, къ плодовому саду, пересѣкалъ квадратъ яблонокъ, пе-

репрыгивалъ черезъ крутую канаву; и — углубившися въ рожь, достигалъ я п л а т о: осмотрѣть кругозоры; по цвѣту небесъ, по оттѣнкамъ свершавшихся нѣмо событій раскиданныхъ тучъ, узнавалъ я: в р а г ъ — близокъ; уже изъ о в р а г а пытается онъ приподняться на насъ; опускался тогда я съ п л а т о къ надовражному верху; и — сбрасывалъ камень за камнемъ: на дно водотека; мое кандидатское сочиненіе «О б ъ о в р а г а х ъ» (посмѣйтесь опять!) обусловлено многолѣтнею моею игрою: борьбою съ в р а г а м и, таящимися въ оврагахъ; статья Соловьева (какъ кажется «В р а г ъ с ъ в о с т о к а») играла не малую роль въ этомъ выборѣ; въ странной статьѣ описуется: ростъ овраговъ въ Самарской губерніи, и движенье песковъ отъ востока на западъ (въ связи съ размываньемъ овраговъ); статья обрывается: указаніемъ на буддизмъ и востокъ.

Мои игры казались мнѣ вѣчными; здѣсь исходилъ я въ символикѣ жестовъ, казавшихся необходимыми мнѣ; въ этихъ играхъ вставали главнѣйшія литературныя темы; и, разумѣется, были строгою тайной они; мнѣ таинственной родиной служитъ п л а т о за усадьбой; и — строй топольковъ: надъ крутою канавою; лепетъ ихъ внятно разсказывалъ: о событіяхъ времени, не относящихся лично къ моей, ограничен ной, жизни; я чувствовалъ здѣсь: времена налетали на нашу усадьбу вѣтрами событій; и — небомъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ я ощущалъ свое «я», исчезло оно; въ его мѣстѣ былъ синій пролетъ неприсущаго неба

средь облакъ душевности; то, что вставало оттуда во мнѣ, не относилось ни къ «я», ни къ душѣ; топольки лепетали; и если бы уплотнить эти лепеты, можно бы было услышать:

— «Ты — все: Ты и вѣтеръ, и травы, и мѣсяцъ».

— «И мысли о мірѣ, и міръ»...

— «Ты — еси: мiровой».

— «Ты — Возлюбленный»...

— «Нѣтъ ничего, что не Ты».

— «Тебя нѣтъ: растворенъ и разъѣденъ въ объятiяхъ вѣчности».

Роковой безотвѣтной тайной изъ ржи подымался: пророческiй смыслъ моей личности; плакалъ отъ нѣжности я, содрогаясь отъ ужаса тайны, что я есмь Единственный; въ лепетахъ тополя къ небу протягивалъ руки; и серпъ-полумѣсяцъ чуть видной полоской клонился: склонялся; и — пригонялся закатъ, упадая густой леопардовой шкурой (шагахъ въ сорока отъ меня) надъ потоками шепчущей ржи, у канавы, гдѣ все обрывалось (исторiи — не было); строки мои возникали — отсюда:

Надо мною небесъ водопадъ,
Вѣчно грустной спадая волной,
Не замоетъ къ былому возвратъ.
Навсегда просквозивъ стариной.

Старина — открывалась: я чувствовалъ, что впервые рождаюсь, что мѣсто рожденiя — крыша свѣта: Памиръ!

И сквозь зовъ непрерывныхъ вѣковъ
Что-то снова коснулось меня;
Тотъ же грустно-задумчивый зовъ:
«Объявись — зацѣлую Тебя».

Мнѣ казалось: отъ жестовъ моихъ въ эти миги зависятъ: и судьбы мои, и — исторія міра; все то протекало не въ мысли: въ домысліи; и—упадая въ цвѣты, я любовью ко всѣмъ исходилъ въ эти миги; знакомыя души людей въ ихъ неявленномъ обликѣ, всеобъясняющемъ, — видѣлъ; и — зналъ, что при встрѣчахъ словами не выдамъ имъ тайны, отчетливо видимой.

Переживаньями этими разрѣшались: переживанья пылкой любви — къ «я» въ себѣ («Ты — еси» безусловно лишь въ духѣ: тамъ — равенство; братство же — здѣсь, на землѣ), понялъ внятно, что «Ecce homo» описанъ былъ Фридрихомъ Ницше, какъ фактъ бытія; продолженіе факта закрыто отъ Ницше; оно — только въ жемчугѣ слезномъ любви и восторга («Я — все»); боддисатвою Ницше не сталъ: можетъ быть станетъ имъ: въ своихъ будущихъ странствіяхъ онъ.

Переживаніемъ «слезъ» умягчалась минута гармоніи; тутъ перепрыгивалъ я чрезъ крутую канаву, перемогая исторію; и — всходилъ на вершину плато; что-то мягкое-мягкое подступало изъ краснаго воздуха:

— «Жди меня».

Кто «Онъ»? Двоился (впослѣдствіи, въ Бергенѣ, понялъ — кто «Онъ»); мои жесты въ поляхъ, весь ихъ чинъ не былъ сходенъ съ церковнымъ, я думалъ не разъ: «Онъ» — Антихристъ. И все же Ему говорилъ: «Кто бы ни былъ — иду за Тобой». И — возвращался назадъ; за спиной потухали закаты; шумѣли колосья; и — выростали откуда-то снизу вершины раскидистыхъ липъ; перепрыгивалъ черезъ канаву (обратно): и уплотнялъ *безвременность во временность*, переводя языкъ лепетовъ (топольковъ) въ свои мысли; огромнѣйшій міръ, прикрывая заботами дня мои мысли, сжималъ мнѣ до точки вторую дѣйствительность; и ничего, кромѣ *радости тайны* не чувствовалъ я; но старался казаться угрюмымъ.

Угрюмые люди таятъ много *радостей*.

Переживанія лѣтнихъ закатовъ во мнѣ вызывали: чинъ службы; справлялъ литургіи въ поляхъ; и отъ нихъ то пошли темы болѣе позднихъ «Симфоній»; онѣ мнѣ пришли отъ «*Него*» (но я ихъ исказилъ). Кто былъ «*Онъ*», какъ зародышъ во мнѣ обитавшій?

— «Онъ — «Я» (съ большой буквы), живущее въ «я».

Въ эти годы внимательно я изучилъ всѣ оттѣнки закатовъ; на полотнахъ художниковъ безошибочно я указывалъ годъ написанія ихъ, если видѣлъ *закатъ*, изображенный на нихъ, потому что я зналъ, что въ годахъ измѣнялись закаты: до 1900 года свѣтили одни; послѣ — вспыхнули новые. Рудольфъ

Штейнеръ отмѣтилъ явленіе это; и — Неттесгеймскій Агриппа указывалъ еще въ XVI вѣкѣ, что съ 1900 года мы вступимъ: въ иную эпоху.

Ее наблюдалъ изъ полей въ годы юности: зорями; послѣ погасили мнѣ зори; они засвѣтили — изъ Бергена; съ «мига», когда поѣздокъ бѣжалъ въ горы; и гребенчатая линія пиковъ сверкала осколками; вѣяли воздухи въ лица; лазурные камни, впослѣдствіи принесенные Штейнеромъ на купола Іоаннова Зданія, протянулись, покрытые пурпурнымъ мохомъ, къ стремительнымъ льдамъ; а мы съ Нэлли смотрѣли на женщину; женщина улыбалася темносиними взорами; оправляла пышнѣйшіе волосы цвѣта лучей, говорила она, что мы Солнца не знаемъ; я вспомнилъ — далекіе «миги», пережитые когда-то.

ВОСХОДЫ ЗАРИ НЕВОСШЕДШАГО СОЛНЦА

Если-бы чувствовать «миги», разъединенные другъ отъ друга годами и чрезъ года объясняющіе себя, то мы многое бы поняли; наше грядущее, крадучись Духомъ къ намъ въ душу, свершается еще задолго до срока: задолго до бергенскихъ образовъ жили во мнѣ эти образы: «Мигами» юности, пережитыми во ржи — подъ нападшимъ закатомъ. И

голосъ: «Ты жди меня» — былъ непреложенъ; дождался его; это онъ разсказалъ обо мнѣ: повернулъ на себя самаго.

Этотъ Голосъ во мнѣ подымался въ поляхъ. «Онъ», впослѣдствіи, выслалъ мнѣ Нэлли. Онъ велъ насъ въ Египетъ: ко Сфинксу; оттуда — ко Гробу Господню; и этотъ голосъ раздался изъ голоса Штейнера (въ Кельнѣ, на лекціи, озаглавленной на афишахъ: «Христосъ и нашъ вѣкъ»). Этотъ голосъ во мнѣ подымался въ вагонѣ, когда, полный счастья и радости слезъ, быстро выбѣжалъ я на площадку вагона, вперяясь глазами въ лазурно-зеленые камни, покрытые мхомъ, между Христіаніей и ослѣпительнымъ Бергеномъ. Вдругъ вздрогнулъ: и — поднялъ глаза; я увидѣлъ стоявшаго на площадкѣ вагона, сосѣдняго съ нашимъ, учителя, — въ мигъ, когда Голосъ во мнѣ моимъ бреннымъ голосомъ внятно во мнѣ произнесъ:

— «Времена — исполняются».

Строгимъ, отчетливымъ, незабываемымъ взглядомъ — въ упоръ на меня, посмотрѣлъ Рудольфъ Штейнеръ; гременье летѣвшихъ вагоновъ, пересѣкающихъ ледники, блески солнца и камни — слилось это все въ одинъ голосъ, излитый изъ строгаго, грустнаго, нѣжнаго, вѣчнаго взгляда:

— «Уже времена — исполняются».

На площадкѣ вагона, сосѣдняго съ нами — никто не стоялъ: я увидѣлъ лишь стекла, блиставшія солнцемъ; летѣли мы къ Бергену...

Какъ описать мнѣ лицо моего дорогого учителя?

Неуловимо оно, какъ... небесный просторъ; то оно — старина, изсѣченная четко морщинами; углубленія, складки морщинъ перечерчены тѣнями, изъ которыхъ глядятъ два внимательныхъ глаза, способныхъ то сжаться до точки, а то, расширяяся, выбросить снопъ обжигающихъ душу огней; я сравнилъ бы ихъ лишь съ бриллiантами (будто, слетая на васъ, двѣ звѣзды расширяются въ солнца); но — солнца исчезнутъ: останутся два внимательныхъ черныхъ зрачка; а лицо? Безбородое, четкое, твердое, кажется издали принадлежащимъ, конечно же, девятнадцатилѣтнему мальчику, а не мужу; и отъ него разлетаются токи невидимыхъ вихрей и бурь, сотрясающихъ васъ; безпредѣльному нѣтъ выраженія; и мятежность лица — только въ васъ, если вы его видите, переживая душевный разладъ: оно тишь и покой; пусть оно, поглядѣвши на васъ, совершаетъ надъ вашей душевной косностью дѣйствія, напоминающія взрывы бомбы; взрывается въ васъ г л у б и н а, раня въ васъ вашу видимость; взглядъ, что васъ встрѣтитъ, горитъ за предѣлами человѣческихъ представленій; ужасенъ въ безсмертности онъ, обрывая въ васъ «д н о», открывая въ васъ «б е з д н у».

И вмѣстѣ съ тѣмъ то лицо выражаетъ потоки восторговъ страданія; бриллiанты — глаза — двѣ слезы, обращенныя не на васъ, а отъ васъ — въ свою собственную глубину; освѣтленнымъ страданіемъ мі-

ра посмотритъ на васъ Рудольфъ Штейнеръ; тотъ взглядъ не забудете; изъ него подымается голосъ:

— «И Радости вашей никто не отниметъ у васъ».

На лицѣ этомъ вписаны тайны: послѣднихъ судебъ и послѣднихъ культуръ; но смѣющимся видѣлъ я это лицо — дѣтски мягкимъ, простымъ и доступнымъ; и — расцвѣла, какъ роза, улыбка, на сжатыхъ устахъ.

. . . .

Неописуемой важности дни пережили мы въ Бергенѣ; ихъ коснусь черезъ десять лишь лѣтъ: и — теперь я молчу; я былъ выхваченъ изъ обычнаго тѣла; быть можетъ, пережилъ я себя, совершающимъ дѣйствія міровыя (въ далекихъ моихъ воплощеніяхъ, когда люди перестанутъ, какъ люди, и — отношенія ближняго будетъ, какъ обращеніе высокаго Будды: къ высокому Буддѣ).

Казалося: отъ ежедневныхъ поступковъ зависитъ исторія; мелочи жизни текли, какъ обряды, во мнѣ; ежедневныя встрѣчи казались перстами; горѣли огромные шифры на всемъ: и стекольными глянцами бергенскихъ оконъ, и стаей закатовъ; старинное пріоткрывалось во всемъ; и не камни, а горные кряжи Памира — уже попиралъ; былъ я всѣмъ, что я видѣлъ: вѣтрами, деревьями, мѣсяцемъ; и, заливаясь слезами, старался я что-то такое сказать моей маленькой Нэлли, но Нэлли шептала испуганно мнѣ:

— «Затаись... и молчи»...

Мы, таяся, молчали.

Потомъ, въ Копенгагенѣ (переѣхали мы въ Копенгагенъ), я встрѣтилъ однажды на улицѣ нищаго; остановившись передъ нимъ, былъ охваченъ приливомъ любви передъ этой убогою жизнью.

И — плакалъ (не знаю о чемъ); и раздавались слова мнѣ изъ краснаго воздуха:

— «Я — это Ты».

Въ эти дни я поймалъ на себѣ взглядъ учителя: взглядъ мнѣ сказалъ:

— «Остановись: отступи... Преждевременно».

Строгость прочлась: двѣ звѣзды излетѣли изъ взора въ меня; въ то мгновеніе взмахами маленькихъ рукъ докторъ Штейнеръ, пройдя мимо насъ, насъ привѣтствовалъ съ Нэлли.

. . . .

Въ Базелѣ, въ Лейпцигѣ, въ Дорнахѣ — все повторялось.

И Базель стоитъ предо мной, какъ знакомецъ; здѣсь въ урнѣ покоится прахъ близкій мнѣ: Христіанъ Моргенштернъ здѣсь былъ преданъ сожженію; руку пожалъ я ему; и — на пожатіе руки онъ отвѣтилъ мнѣ взглядомъ, котораго до сихъ поръ не могу я забыть; повстрѣчались мы въ Лейпцигѣ, на курсѣ лекцій, разоблачающихъ тайну Грааля; и — въ городѣ, гдѣ получили свое посвященіе въ жизнь Рихардъ Вагнеръ и Гете (во время болѣзни); былъ мнѣ Моргенштернъ — старшій братъ, соединенный со мною любовью къ учителю.

Около Лейпцига я посѣтилъ и того, что пришелъ ко мнѣ радостный вѣстью о солнцѣ (въ поляхъ, въ годы юности): Фридриха Ницше.

— «Не «я», а Христосъ во мнѣ «Я»...

Это знаніе есть математика новой души: въ ней запутался Ницше.

Когда относилъ я цвѣты на могилу его и припалъ, лобызая холодные камни, почувствовалъ явственно: конусъ исторіи отъ меня отвалился; я сталъ — Ессе Homo; но тутъ же почувствовалъ: невѣроятное Солнце въ меня опускалось; я могъ бы сказать въ этотъ мигъ, что я — свѣтъ всему міру; я зналъ, что не «Я» въ себѣ — Свѣтъ, но Христосъ во мнѣ — Свѣтъ всему міру.

Впервые во мнѣ во весь ростъ надъ исторіей всталъ Человѣкъ въ то мгновенье; въ эти дни произошла безсловесная встрѣча моя съ Моргенштерномъ; воистину: звѣзды новаго утра горятъ — надъ зарею Второго Пришествія.

Переживанія на могилѣ у Ницше во мнѣ отразились приступами невѣроятной болѣзни: подъ Базелемъ, въ Дорнахѣ, я безропотно ихъ выносилъ.

Христіанія черезъ Бергенъ вела къ увѣнчанію моей бѣдной, больной головы: вѣнцомъ терній.

Мнѣ Дорнахъ сталъ «Dorn»'омъ.

ПИСАТЕЛЬ И ЧЕЛОВѢКЪ

Чувствую недоумѣніе читателя; и — подозрительный взглядъ, на себя устремленный; и, главное, не могу ничего возразить.

Знаю, знаю, читатель мнѣ скажетъ, прочтя безпорядочно нагроможденныя фразы:

— «Что же это такое вы намъ предлагаете? Это — ни повѣсть, ни даже дневникъ, а какіе-то не связанные кусочки воспоминаній и — перепрыги...»

Все — такъ...

Покушеніе разсказать о событіи, бывшемъ со мной — покушеніе съ «негодными средствами»; но «негодныя средства» всегда подстилаютъ подобранный для печати разсказъ.

Здѣсь событіе внутренней важности обыкновенно кладется въ основу романа; событіе внутренней важности не укладывается въ сюжетъ; архитектоника фабулы, архитектоника стиля обыкновенно обстругиваетъ подоснову сюжета, которая есть священное переживанье души; отъ него попадаетъ клочекъ; а «романъ» преподносится; критика ищетъ «идею», вытаскиваетъ ее не оттуда, гдѣ скрыта она.

Я напомню читателю, что великія драмы Софокла пришли изъ мистерій; ихъ центры — «событія внутренней важности», происходящіе съ потрясенной душой; но исторія драмы показываетъ, какъ членятся первоначальные импульсы драмы, вы-

вѣтривая сокровенные смыслы свои и рождая пошлѣйшіе фарсы; исторія возникновенья театра отъ драмы до фарса — исторія возникновенія любого романа въ душѣ у писателя.

Если нѣтъ у писателя той таинственной точки, откуда, какъ паръ, поднимается лучеиспусканіе миѳа, то онъ не писатель, хотя бы стояла предъ нами огромная серія великолѣпныхъ романовъ его; если же онъ закрѣпитъ не сюжетъ, а лишь точку рожденія сюжета, непроизвольно положенную въ основу сюжета, — передъ читателемъ пробѣгутъ лишь «негодныя средства»: обрывки, намеки, потуги, исканія; ни отточенной фразы, ни цѣльности образа не ищите вы въ нихъ; косноязычіе отпечатлѣется на страницахъ его дневника; насъ займутъ не предметы сюжета, а — выраженіе авторскаго лица, ищущаго сказаться; и — не могущаго отыскать никакихъ выраженій.

Такъ — всякій романъ: игра въ прятки съ читателемъ онъ; а значеніе архитектоники, фразы — въ одномъ: отвести глазъ читателя отъ священнаго пункта: рожденія миѳа.

НАЗНАЧЕНІЕ ЭТОГО ДНЕВНИКА

Назначеніе этого дневника — сорвать маску съ себя, какъ съ писателя; и — разсказать о себѣ, человѣ-

кѣ, однажды на вѣкъ потрясенномъ; подготовлялось всю жизнь потрясеніе. И — разразилось однажды ужаснѣйшимъ вулканическимъ взрывомъ.

Предупреждающихъ толчковъ я не слышалъ; вѣрнѣй — полуслышалъ ихъ я, не понимая реальности ихъ священнаго дѣйствія на событія жизни моей; выскажись я о нихъ — и они показались бы сказкой. Я ихъ бралъ, какъ сюжетъ, для своихъ фантастическихъ повѣстей (разумѣется, соотвѣтственно прибирая, гофрируя образомъ, стилемъ, — присочиняя къ событіямъ, бывшимъ со мной, и событія, не бывшія никогда).

Легкомысленное отношеніе къ своей собственой жизни явилось отсюда.

Моя жизнь постепенно мнѣ стала писательскимъ матеріаломъ; и я могъ бы года, изсушая себя, какъ лимонъ, черпать миѳы изъ родника моей жизни, за нихъ получать гонораръ; и — спокойнѣйшимъ образомъ совершенствовать свои рифмы и ритмы; историки литературнаго стиля впослѣдствіи занялись бы надолго моими страницами.

И вотъ — не хочу.

Обрываю себя самаго, какъ писателя:

— «Стой-ка ты: набаловался ты, устраивая фокусы съ фразой».

— «Гдѣ твоя священная точка?»

— «Нѣтъ ее: перламутровой инструкціей фразы закрылъ ты лучи, блещущіе изъ нее тебѣ въ душу»...

— «Такъ разорви свою фразу: пиши, какъ... сапожникъ».

Пишу, какъ сапожникъ.

О чемъ пишу? Не понимаю еще.

Пишу о священномъ мгновенiи, перевернувшемъ на вѣки всѣ прежнiя представленiя о жизни; какъ будто бы бомба упала въ меня; моя прежняя личность — разорвана; а осколки ее изорвали грунты отношенiй съ людьми; бытъ всей жизни — иной.

Проистекающiя отсюда послѣдствiя (въ нихъ я живу до сихъ поръ) еще мнѣ не понятны; безсвязность теченiя жизни, какая-то абракадабра — «л ѣ с а» для постройки безъ самой постройки — преслѣдуютъ съ той поры мои дни; да, я знаю: привычки и навыки, воспитанiе, груды фальшивыхъ прочитанныхъ нѣкогда книгъ заставляютъ меня называть обстающiя происшествiя вытверженными и невѣрными именами.

Шрифтъ, при помощи котораго я читалъ книгу жизни, разсыпанъ; безсвязныя буквы его мнѣ слагаютъ теперь ерунду; новый шрифтъ новой азбуки вылился; и отдѣльныя буквы его вдругъ упали въ сумятицу старыхъ, создавши при чтенiи шифровъ грубѣйшiя опечатки.

Я знаю, что розсыпь шрифтовъ свела съ ума Ницше; сошелъ бы съ ума; но не сойду съ ума, потому что во мнѣ развилась предприимчивость быстро прочитывать е р у н д у, происходящую отъ смѣщенiя шрифтовъ, и — говорить себѣ:

— «Да, — я знаю, что новая истина нѣкогда мнѣ прорѣжется; слѣдуетъ терпѣливо смотрѣть на ее выхожденіе изъ пробитыхъ брешей отжившаго міра»...

Такъ, видя на стѣнкѣ изображеніе тѣневого чорта, соображаемъ мы, что эта тѣнь принадлежитъ только намъ: наши пальцы слагаютъ ее; такъ я знаю: работа надъ шрифтами выправитъ зрѣніе; я — прочту правильно: напечатлѣнье событій духовныхъ на жизнь.

Я — съ ума не сойду.

УСТОИ

Потрясеніе перевернуло во мнѣ представленія объ истинахъ жизни.

Устои обычной дѣйствительности для меня — ерунда; а устои грядущаго — неотчетливо видны: запылены еще клубами только-что бывшаго взрыва они; еще пыль разлетѣвшейся почвы стоитъ предо мною; и проступающіе духовные контуры, опыленные остатками жизни, предстали, какъ рядъ парадоксовъ, нелѣпицъ, невѣроятнѣйшихъ совпаденій и — удивительныхъ случаевъ, которыми осыпаетъ судьба; та судьба теперь — я; да, мнѣ отданы въ руки поводья коней, увлекающихъ колесницу дѣйствительности; нѣтъ возницы въ ней: я образую дѣйствительность въ мѣстѣ, разрушенномъ взрывами.

Стало быть погружаю себя въ первозданные хаосы и описываю матеріалы сознанія; въ моемъ бытѣ душевномъ издѣлія старыя износились; а новыхъ издѣлій изъ взглядовъ, понятій, сюжетовъ, отчетливо образованныхъ чувствъ еще нѣтъ.

Тамъ, гдѣ искрененъ я, какъ писатель, читатель увидитъ теперь лишь сплошныя «негодныя средства»; считаетъ навѣрное лишь «негодными средствами» проявленія русской дѣйствительности, которую онъ упразднилъ (упразднивъ въ нихъ... Россію!); и въ дневникѣ своемъ я предлагаю вниманью «лѣса для постройки»; «постройки» (романъ иль повѣсти) нѣтъ въ немъ.

Не скрою: могу до сихъ поръ обмануть я читателя; и — въ прежнемъ стилѣ преподнести ему утонченія контрапунктовъ изъ образовъ и красиво отдѣланныхъ фразъ; но ничего не узнаетъ о подлинно бывшемъ со мною изъ этихъ художественныхъ издѣлій; моя повѣсть недавняго прошлаго есть кустарный музей изъ разставленныхъ по порядку и ритмомъ блистающихъ фразъ, представляющихъ собой: пѣтушка, бэби, барышню и овечку; вотъ «кузнецъ и медвѣдь», вотъ Пьерро...

И не скрою: быть можетъ я завтра же снова примусь за старинное укрывательство истины, которымъ такъ заняты искони утонченнѣйшіе стилисты Европы; но хоть разъ мнѣ читателю крикнуть: орудіе нашей работы — нашъ шрифтъ — ложь и фальшь: онъ — разбитъ для меня.

Моя истина — внѣ писательской сферы; могу я коснуться ее — однимъ способомъ: выбросить изъ себя въ видѣ повѣсти этотъ странный дневникъ моего состоянія сознанія, пребывающаго въ недоумѣньи и не умѣющаго недоумѣнье выразить обычными средствами писательской техники.

Въ нагроможденіи «негоднѣйшихъ средствъ» и «лѣсовъ» вмѣсто зданія повѣсти — новизна моей повѣсти; я — писатель - стилистъ — появляюсь предъ вами сапожникомъ стиля; и я, «столь умѣющій» переживанья души облагать ритмомъ словъ, предстаю предъ вами въ безритмицѣ этихъ клочковъ: то — клочки моей собственной жизни, которая взорвана.

Событія, упразднившія предъ вами писательскій ликъ, не со всѣми бываютъ; и пусть я обыденнѣйшій человѣкъ; да, но я — человѣкъ; профессіональные литераторы — часто не люди мы.

Знаю это по прежнему опыту я.

ЛЕОНИДЪ ЛЕДЯНОЙ

Парадоксальности моего состоянія сознанія мнѣ рисуютъ меня парадоксально стоящимъ въ дѣйствительности; и я думаю:

— «Вотъ удивились бы люди, меня обстающіе, если бы я показалъ имъ кусочекъ себя»...

Знакомые обыкновенно усердно выискиваютъ предметы общенья со мною; «предметы» — какая-нибудь культурная тема: проблемы исторіи, философіи стиля, иль мистики; это — «почтенныя темы»; и я умѣю «почтенно» касаться «почтенныхъ» предметовъ; «почтенныя отношенія» незамѣтно слагаются между нами; строится видимость «почтеннѣйшей жизни», въ которую я погруженъ, какъ дѣятель опредѣленной эпохи; и захоти я, какъ дѣятель, увѣковѣчить себя для эпохи, мнѣ стоило бы отдаться спокойному углубленію мной же затронутыхъ темъ, признанныхъ въ настоящее время «почтенными темами».

Таковыми являются: философія и психологія творчества, поэтическій ритмъ, словесная инструментовка, исторія и теорія символизма; я знаю: отдайся всецѣло любой изъ затронутыхъ темъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ напечаталъ бы я полновѣсный кирпичъ спеціальныхъ изслѣдованій; нѣсколько написанныхъ кирпичей, — и вотъ я, академикъ, опочиваю: я — въ славѣ.

У меня есть другое еще, заслуживающее уваженіе, «profession de foi»: я — поэтъ, романистъ; романы мои хоть крутые и трудные для любительскихъ чтеній, но — почтенные по размѣрамъ и темамъ; отчего бы мнѣ не написать и еще, и еще взявъ почтенную тему («Россія», «Востокъ или Западъ»).

Могъ бы быть драматургомъ я, вообще, могъ бы я написать еще нѣсколько поэтическихъ книгъ, мо-

жетъ быть, оцѣненныхъ; и даже — переведенныхъ; можетъ быть, кое-что я изъ этого всего напишу.

И я могъ бы быть профессоромъ (біологіи или... химіи); области микробіологической техники до сихъ поръ занимаютъ меня. Но я знаю, что знаю: въ области, гдѣ оцѣнка людей совершается по профессіямъ ихъ, — убѣжалъ я отъ собственныхъ, настоящихъ профессій: стиль сонатъ, мнѣ звучащихъ, пожалуй бы былъ оригинальнѣй романовъ, написанныхъ мною; стиль не созданныхъ мною полотенъ, — мнѣ вѣдомъ; былъ рѣзчикомъ я по твердому американскому дубу; и въ этомъ занятіи провелъ — годъ; даже разъ я попалъ, невзначай, въ музыканты: игралъ на второмъ барабанѣ (вообще занимаетъ меня роль турецкаго барабана въ оркестрѣ: здѣсь можно сказаться; и — выразить свою душу не хуже, чѣмъ въ повѣсти).

Моя настоящая дѣятельность лишь случайность дорожнаго происшествія, жертвой котораго я палъ; произошла юмористическая пертурбація путей моей жизни: человѣка отправили въ Петербургъ, снабдивъ адресами и солиднѣйшими рекомендаціями, а по досадной оплошности сѣлъ онъ не въ тотъ вовсе поѣздъ; и — попалъ въ Нижній Новгородъ; по дорогѣ же былъ обокраденъ; случайно расторговавшійся спичками, онъ оказался владѣльцемъ солиднаго дѣла, умѣло ведущимъ его.

Такъ и я: я — случайный писатель.

«П о ч т е н н ы я» отношенія на почвѣ «п о ч т е н н ы х ъ» литературныхъ занятій моихъ мнѣ смѣ-

шны; они — фикція; я позволяю развиться ей, какъ ей угодно; печатаю книги и засѣдаю въ комиссіяхъ, будто бы я — литераторъ, и будто бы литература моя — моя «точка». (Почему же не музыка, не біологія, не коммерція, не рѣзьба, не второй барабанъ, не литавры?).

Оттого, вѣроятно, въ моемъ поведеніи литератора и есть что-то, подчасъ заставляющее «профессіоналовъ» любимаго дѣла на меня озираться; многіе мнѣ боятся довѣриться; я кажусь перемѣнчивымъ, хамелеономъ, невѣрнымъ; оттого-то и братья-писатели зачастую измѣриваютъ мою дѣятельность подозрѣвающимъ окомъ:

— «Нѣтъ, не братское въ немъ».

Да, я врагъ «профессіональнаго братства»; но я могу быть «товарищемъ»; понятія «товарищества» и «братства» — понятія несоизмѣримыя.

Да, и я — спеціалистъ: но моя спеціальность не отразилась въ моей спеціальности.

Моя спеціальность — изслѣдовать возникновеніе спеціальностей; потенціально «я» — все, и активно — ничто.

Потенціальное «все» моей жизни мнѣ долго осталось не вскрытымъ; я не разъ съ удивленіемъ останавливался передъ какою-то точкой въ душѣ, и наблюдалъ, какъ изъ этой невскрывшейся точки души, точно молніи, мнѣ блистали возможности быть чѣмъ угодно; возможности многообразнѣйшихъ жизней вставали во мнѣ.

Осуществленная моя жизнь — жизнь писателя — лишь одна изъ возможностей, такая-же, какъ другія; и оттого, что я видѣлъ другія возможности для себя, я къ себѣ, какъ къ писателю, относился разсѣянно, нехотя, съ юморомъ; иногда — съ явной злостью; мельчайшія событія моей человѣческой личности отвлекали надолго меня отъ долга: печь книги (я пекъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, но, признаюсь, могъ бы печь ихъ въ удвоенномъ темпѣ безъ ущерба для ихъ содержанія); года я провелъ, не напечатавши ни единаго тома, надъ рѣшеніемъ личныхъ задачъ.

Казалось мнѣ: человѣка и нѣтъ въ человѣкѣ; и все, что называемъ мы «человѣческимъ», обнимаетъ лишь частности, черточки, спеціальности человѣческой жизни; «человѣка» въ себѣ ощущалъ я той точкою, изъ которой блистали многообразія человѣческихъ жизней моихъ (лишь случайно избралъ я одну); ощущалъ я въ себѣ столкновеніе многихъ людей; многоголосая стая — мои двойники, тройники! — перекричала во мнѣ спеціальность поэта, писателя, теоретика; искалъ я гармоніи неосуществленныхъ возможностей; и приходилъ къ представленію «человѣка», котораго нѣтъ въ человѣкѣ; мы всѣ «человѣки» (лишь съ маленькой буквы) — футляры Его, Одного.

Инстинктивное желаніе бросить бомбу въ футляръ человѣка, въ «футлярныя» книги писателей, въ «футлярныя» книги себя самого, — произво-

дило, должно быть, во мнѣ впечатлѣніе, будто я — перемѣнчивъ, измѣненъ; «писатели» подозрѣвали меня.

Я имъ всѣмъ заговаривалъ зубы; не будучи въ состояніи вскрыть своей подлинной точки, я сталъ заговаривать зубы себѣ самому.

Тутъ меня и постигли серьезныя затрудненія въ моей внутренней жизни.

Себѣ самому поперекъ своей жизни я всталъ, какъ писатель, входящій въ извѣстную моду.

«Леонидъ Ледяной» (мой писательскій псевдонимъ) превратился изъ тѣни въ меня самого; повторилась сказочка Андерсена о тѣни; судебныя слѣдствія тѣни надъ обстоятельствами моей собственной жизни, ея тиранія, сперва угрожала тюрьмой: заключеніемъ въ футляръ, а потомъ и лишеніемъ жизни.

Со стиснутыми зубами я видѣлъ, какъ «Леонидъ Ледяной», столь радушно воспринятый себя уважающимъ обществомъ, оклеветываетъ меня, и — отстраняетъ отъ жизни; онъ таскаетъ меня за собою, голоднаго, нищаго, заставляетъ ложиться подъ ноги себѣ, на торжественныхъ, литературныхъ собраніяхъ выступаетъ съ рѣчами и адресами; отнимаетъ ѣду отъ меня; протяни только руку за пищей, и — «Леонидъ Ледяной» съ удивительной жестокостью броситъ подъ-ноги неутоленнымъ, голоднымъ — меня.

Голосъ мой — человѣческій голосъ — сталъ голосомъ тѣни: безгласно я ротъ раскрывалъ подъ нога-

ми у тѣни, укравшей мой голосъ; «почтенныя личности», расточающія комплименты «тирану», меня убивавшему, не обращали вниманія на меня; я — сталъ фикціей, оклеветанной литературною тѣнью, пользовавшейся моими руками, ногами и голосомъ для появленія своего на подмосткахъ публичной арены.

Замыслилъ ей месть.

По отношенію къ почтеннымъ хвалителямъ «тѣни» отлагался во мнѣ просто діавольскій планъ: свергнувъ «тѣнь», появиться предъ ними въ своемъ собственномъ, человѣческомъ видѣ, и удивить ихъ собраніе «непочтенностью» своихъ стремленій, манеръ, вкусовъ, стилей, увы, нарушающихъ традиціонное одѣяніе «Ледяного» — скроенный хорошо, длиннополый сюртукъ.

По отношенію къ «Ледяному» тогда я предпринялъ суровую мѣру: литературную честь я старался отнять у писателя взрывами боли и злости, порой ему портившими литературный языкъ (это я пробираясь украдкою, въ великолѣпную сферу его благородно отточенныхъ фразъ, переставлялъ эти фразы и вкраивалъ въ нихъ просто уличныя словечки).

По мнѣнію критиковъ, сталъ «Леонидъ Ледяной» отдаваться полемикѣ самаго низкаго сорта, его недостойной; и въ поведеніи «Ледяного» подчасъ проступали черты, нарушающія величіе его стиля и темъ: его видѣли пьянымъ.

То я, извиваясь въ немъ, рвалъ достоинство поэтической позы.

Наконецъ, я рѣшился на крайнюю мѣру: убрать его вовсе; эта крайняя мѣра сперва приняла искривленныя формы во мнѣ: знаю явственно, что онъ — паразитъ, что безъ жизни моей существовать онъ не можетъ, рѣшилъ я себя лишить жизни; и — этимъ поступкомъ прикончить гнуснѣйшее существованіе «паяца» и «клоуна» человѣческихъ устремленій моихъ.

Можетъ быть, этимъ бы я и кончилъ, если бы не появленіе «странной звѣзды» на моемъ горизонтѣ, заставившей меня бросить все, что обстало меня; и — итти за «звѣздою».

Не странно ли: «Леонидъ Ледяной», обнаружившій силу въ борьбѣ съ моей волей, тутъ какъ-то смякъ, какъ надутая воздухомъ кукла, изморщился, сплющился, переходя изъ трехмѣрнаго состоянія въ двухмѣрное, какъ подобаетъ приличной и не забывшей себя плоской тѣни, темнѣлъ; и — покорно легъ подъ ноги мнѣ, когда сталъ я воистину «странникомъ», шествующимъ за звѣздою своею: звѣзда привела меня къ яслямъ; тамъ, въ «ясляхъ», младенецъ лежалъ.

Событіе неописуемой важности заключалося въ томъ, какимъ образомъ я убѣдился, что этотъ «младенецъ» есть «я», мое, — «т о ч к а» моя, до которой коснуться не могъ я; во мнѣ, человѣкѣ, родился теперь

человѣкъ. Былъ онъ, правда, младенцемъ еще, но я няньчился съ нимъ, я любилъ его.

Я его никому не отдамъ.

Я — сталъ «Я» (съ большой буквы).

А «Леонидъ Ледяной», водворившійся прочно въ салонахъ Москвы, къ моему великому счастью былъ объявленъ предавшимся бреднямъ и истощившимъ свое дарованіе (я впослѣдствіи вновь подшутилъ надъ провидцами литературной стилистики, написавъ не отъ имени «Ледяного», отъ себя въ стилѣ барокко: они ее приняли).

Я теперь убираю стилистику, и — объявляю вамъ всѣмъ: отнынѣ я стану писать, какъ... сапожникъ, «негодными средствами» не оттого, что я въ бредняхъ моихъ истощилъ дарованіе, а оттого, что «дарованіе», которое чтите вы — фальшь, обычная фальшь; этой фальшью себя мы обманываемъ и закрываемъ возможность въ себѣ стать людьми: убиваемъ младенца въ себѣ, точно воины Ирода. Этимъ воиномъ, гнавшимъ младенца, былъ я. Ослѣпительное Видѣніе на пути со звѣздой меня обратило: и я ухожу отъ васъ — пышные, сильные и богатые мертвецы обреченной на гибель дѣйствительности, къ новорожденнымъ побѣгамъ грядущей Весны; не Фарисеи, а Мытари видѣли свѣтъ; не патриціи великолѣпной культуры, — а чернь вынесла своей кровію «становленіе» христіанства.

Полюбите насъ черными: не тогда, когда въ будущемъ вывѣтвимъ мы на поверхность земли велико-

лѣпные храмы культуры: полюбите насъ — въ катакомбахъ, въ безформенности, воспринимающихъ не культуру и стили, но... созерцающихъ безъ единаго слова Видѣніе Бога Живого, сходящее къ намъ.

ДВА «Я»

Восхожденіе новой звѣзды и мечты о «младенцѣ» насъ вырвали съ Нэлли изъ прежней, густой атмосферы; и оказались: перерожденіемъ нашей внутренней жизни; событія перерожденія этого, если измѣривать ихъ въ мелкихъ атомахъ распыленнаго прошлаго, образуютъ отчетливо при сложеніи вновь этихъ атомовъ: невѣроятнѣйшій миѳъ.

Зарисовать не возможно его; только тысячами проэкцій, многообразьемъ подходовъ — несовершенно,неявственно вычертится грунтъ с о б ы т і я, на который и предлагаю я встать, какъ на почву; но съ этой почвы откроется: п р а в д а о б у д у щ е м ъ.

. . . .

Второе пришествіе началось.

Этой правдой и былъ я исполненъ, отчетливо не сознавая ее; образовала она въ душѣ моей точку, отталкивающую отъ себя всѣ п о ч т е н н ы е виды занятій для поддержанія благоустроенной жизни, которая безвозвратно проходитъ; во взрывахъ, въ катастрофахъ и въ пожарахъ развалится старая жизнь;

эти «взрывы» уже совершаются въ тѣхъ, кто себя начинаетъ готовить къ событіямъ Новой Эпохи, которой, какъ Солнцемъ, освѣщены наши души.

Внѣ насъ — еще сѣрая, вихремъ крутимая, пыль (передъ ливнемъ — изъ тучи потянетъ вдругъ вѣтеръ: и — крутятся пылевые смерчи; мы — въ ихъ зонѣ).

И изъ нее, этой пыли, приподнялись на мгновенье — Нэлли и я потомъ снова упали; мы знаемъ размѣры событій: и настоящее наше, желающее отвертѣться отъ миссіи, шлетъ своихъ призраковъ: и господинъ въ котелкѣ, высылаемый сэромъ, старается оклеветать мои дѣйствія.

Самое бытіе мое есть неприличнѣйшій крикъ передъ жизнью, уже обреченной на гибель; и оттого-то я страшенъ, я властенъ не страхомъ и властью, а — полной безпомощностью; печать вѣрнаго знанія, вынесенная, какъ воспоминаніе о странномъ событіи, бывшемъ со мною, — навѣрное проступаетъ, для нихъ, какъ бы я ни упалъ.

Оттого-то они ненавидятъ меня: за безпомощность; и за то, что меня необходимо убить (сопротивляться не стану я); ихъ мечи — клевета и инфекція моихъ состояній сознанія ядами, разлагающими мнѣ душу; мой мечь — беззащитность; и — гибну душою моей; но я гибну, любя.

. . . .

Началъ я съ описанія посѣщенія консульства, гдѣ сидѣлъ, весь охваченный странной болѣзнью своей: и — продолжилъ вотъ чѣмъ; но, чтобы стала по-

нятна болѣзнь, надо вникнуть въ приливы здоровья, которыми преисполнилось все существо: до войны; вѣдь болѣзнь — только слѣдствiе жизненной силы, меня пронизавшей (а сила спустилась во все существо).

Передо мною восходитъ моя несравненная Нэлли, какъ звѣздочка утра, предвозвѣщая явленiе Солнца; но явленiе Нэлли — подготовлялося жизнью моей; сказать странно: я чувствовалъ Нэлли, когда былъ ребенкомъ (межъ нами лежитъ десять лѣтъ); еще мальчикомъ, четырехлѣтнимъ, порою я чувствовалъ: нѣжность и зовъ; будто теплые играли лучи; это Нэлли, еще нерожденная, опускалась на землю; и — замышляя планъ жизни своей, увидала оттуда меня, посылала ко мнѣ свои лучики; лучики грѣли.

Впослѣдствiи, лѣтъ черезъ двадцать, мы встрѣтились, мы узнали другъ друга: нашли; и оттого только Нэлли могла меня вывести изъ подполья, въ которое засадилъ «Ледяной», расположившiйся надо мною въ великолѣпной душевной квартирѣ, гдѣ онъ, натирая паркеты, надъ головою моею стучалъ каблуками. Чтобы мнѣ описать узелъ фактовъ, слагающихъ невѣроятности бытiя, и — слѣпительный центръ между нами («младенца» во мнѣ), вижу я — мнѣ придется опять отступить и провести вереницу изъ лѣтъ, образующихъ пьедесталъ: для другой моей жизни.

Разыграется ли «Я» во мнѣ въ нынѣ данномъ моемъ воплощенiи, или «Я», теперь ясное мнѣ, — толь-

ко «Я» воплощеній грядущихъ, и въ н и х ъ о н о скажется, — этого я не знаю; но знаю одно: я — умершая оболочка для «Я»; я — футляръ Человѣка; и этому Человѣку служить буду я; что случится съ моей оболочкой? Вѣрнѣе всего, что погибнетъ она; въ настоящемъ о н и не позволятъ вскормить мнѣ «младенца» (условія исторической жизни еще не созрѣли для этого); и потому: ощущаю себя я щитомъ, подставляемымъ подъ удары судьбы — для защиты с в я т ы н ь.

Я себя ощущаю корявымъ, мозолистымъ гномомъ, исполненнымъ нечистоты и порока, передъ которымъ поставили чашу, наполненную драгоцѣннымъ виномъ; все мое назначеніе, можетъ быть, осторожно поднять надъ собой драгоцѣнную чашу; и до священнаго мѣста ее донести, передать ее р ы ц а р я м ъ; одно время я вѣрилъ, что я — удостоюсь: Причастія; отъ причащенія этого закипитъ моя кровь; можетъ быть вся б о л ѣ з н ь — въ перемѣщеньи сознанія, отъ подсознательно снѣдающей мысли, что еще здѣсь на землѣ, преображеніе совершится, и я, Парсифаль, искуплю свою страшную а м ф о р т а с о в у рану. Происшествія мои напоминаютъ мнѣ эпизодъ изъ легенды: я принятъ случайно на Монъ-Сальватъ; и уже совершилъ кощунство (убилъ лебедя); рыцари Монъ-Сальвата меня удалили насильно изъ священнаго мѣста. Все-таки въ будущемъ (черезъ два или три воплощенія) состоится мое посвященіе: въ рыцари!

. . . .

Воспоминанія о священнѣйшихъ мигахъ моихъ (Христіанія, Бергенъ и Дорнахъ) — мнѣ чаша: несу ее; въ чашѣ — «младенецъ»; а прежняя жизнь — облетѣвшій цвѣтокъ; наливается въ настоящемъ въ немъ плодъ; моя жизнь въ настоящемъ — корявыя коросты: оболочка живѣйшаго сѣмени: лишь послѣ смерти моей изъ растресканныхъ створокъ сухой оболочки (изъ тѣла) въ «міры» побѣжитъ длинный стебель; и листья на немъ будутъ мнѣ измѣреніемъ пребыванія моего въ сферахъ: Солнца, Луны и Меркурія: стебель выкинетъ чашечку; мнѣ окажется чашечкой материнскій покровъ моего воплощенія въ будущемъ; а изъ чашечки развернется вѣнчикъ (или жизнь моя въ будущемъ); расцвѣту я не здѣсь (я — отцвѣлъ); но я вѣнчикъ цвѣтка голубого въ себѣ уже знаю; онъ — Грааль; я его, надъ собой приподнявъ, понесу.

Происшествія перемѣщенья сознанія, происходящія со мною повсюду, во мнѣ отдаются, какъ проницающіе лучи странной жизни; то жизнь моя въ будущемъ; вотъ ее то подчасъ переношу я въ событія этой жизни моей; я порою приписываю себѣ совершенства, которыя принадлежатъ Человѣку; то есть оскверненіе Чаши.

Послѣ каждаго перемѣщенья сознанія, послѣ каждой ошибки въ умѣніи отмежевать «я» отъ «Я» — нападаетъ Клингзоръ, или сэръ, неизвѣстный доподлинно мнѣ въ своемъ временномъ обликѣ (можетъ быть, — онъ владѣлецъ коттэджа въ Шотландіи,

а можетъ быть — п р і о р ъ почтеннѣйшей іезуитской Коллегіи): но его знаю я хорошо — т а м ъ: въ душевно-духовныхъ пространствахъ; въ свои прошлые годы его попытался отчетливо я изобразить въ «Петербургѣ»; онъ есть — Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, извѣстнѣйшій бюрократъ; «бюрократъ» началъ мстить за попытку дать ликъ его міру; онъ всюду таскался за мною, порой разливая гнетущую атмосферу тоски въ нашихъ комнатахъ; Нэлли замѣтила это; однажды сказала шутливо она (это было давно, подъ Парижемъ):

— «А знаешь ли, намъ пора уѣзжать; я замѣтила въ комнатахъ нашихъ опять твоего «бюрократа».

Видѣлъ его я отчетливо (въ подлинномъ видѣ) — передъ отходомъ ко сну; и мнѣ бросился образъ: кровавая, красная комната; посрединѣ нея, весь отдѣланный чернымъ, стоялъ аналой; а на немъ возлежала старинная книга; надъ книгой склоняяся въ пламенной мантіи и въ беретѣ, стоялъ — ОНЪ, мой врагъ: я узналъ его мертвыя уши, огромный, желтѣющій лобъ и провалы холоднѣйшихъ глазъ; любопытно, что въ это же время за окнами мы услышали съ Нэлли шумъ вѣтра (гроза начиналась); еще любопытнѣе: вскрикнула Нэлли; къ ней прыгнула, запищавъ, на постель: обнаглѣвшая мышь.

Нѣсколько дней донимали насъ мыши; мышата переползали по комнатѣ, освѣщенные солнышкомъ.

Но непростительно я отвлекаюсь: мнѣ надо вернуться; я сѣлъ уже въ дорнахскій поѣздъ; черезъ

мгновеніе долженъ я соскочить; и — очутиться передъ горбатымъ холмомъ, сверху донизу густо заросшимъ зелеными вишнями; изъ-за вишень, оттуда я долженъ былъ снова увидѣть: два купола Зданія.

СНОВА ВЪ ДОРНАХѢ

Дома не было Нэлли. Я зналъ, гдѣ она; и я къ ней побѣжалъ — туда, кверху: на холмъ; по дорогѣ, спускаясь съ холма мнѣ навстрѣчу попались друзья, молодые люди въ широкополыхъ, заломленныхъ шляпахъ, одѣтые въ бархатныя рабочія куртки и въ короткіе панталоны: вотъ Б***; онъ — голландецъ; и онъ сочиняетъ прекрасную музыку; вотъ — Д ***; онъ — норвежецъ, художникъ; и тотъ, и другой, остановивши меня, восклицали:

— «Какъ, Б***, не уѣхали вы? Или не отпустили?»

Обоимъ пришлось разсказать о происшествіи въ консульствѣ:

— «Возмутительно, гнусно, цинично... вѣдь вы — русскій подданный: что же молчитъ ваше консульство? Почему допускаетъ оно?»...

Я пожалъ лишь плечами; и — побѣжалъ отъ нихъ вверхъ.

Попадались навстрѣчу мнѣ дамы и барышни; въ лѣтнихъ, лепечущихъ туникахъ; и разноцвѣтныя столы отъ нихъ разлетались по вѣтру; у этой — лиловая; и блѣдно-розовая — у той; снова мнѣ, на мгновеніе задержавшись, пришлось передать неудачу, постигшую въ консульствѣ.

Покраснѣвши, миссъ М *** (молодая цвѣтущая барышня въ розовой столѣ), сказала:

— «Если вамъ, monsieur Б *** нужно что либо, я для васъ постараюсь»...

Но я бѣжалъ вверхъ, потому что я зналъ, что и П *** и Д ***, какъ миссъ М *** уже кончили, вѣроятно, дневную работу; и вѣроятнѣе всего, что я встрѣчу мою ненаглядную Нэлли идущей домой; между тѣмъ, мнѣ хотѣлось ее непремѣнно застигнуть врасплохъ: во внутренности портала; выхвативъ молотокъ и стамезку изъ маленькихъ ручекъ ее, прикоснуться къ работѣ; послѣ гнуснаго дня мнѣ хотѣлось: бездумно стучать среди щепокъ, ведя деревянную плоскость гигантской изогнутой формы, которую подготовлялъ я для Нэлли все это послѣднее время.

Вотъ уже — на холмѣ; освѣщенный косыми лучами заката, гигантскій порталъ, выступая подъ куполомъ, розовѣлъ перламутрово-желтою, крутолобою формою, видною за нѣсколько километровъ отсюда; этотъ странный порталъ поднимался съ широкой, бетонной площадки дичайшаго сѣраго цвѣта; мнѣ зіяли, какъ странныя дыры, и окна, и входы въ Іоанново Зданіе; эти послѣдніе состояли изъ ряда бетонныхъ

колонокъ, напоминающихъ колоссальные зубы огромнаго, черною пастью разъятаго, рта; первый этажъ былъ бетонный; образовалъ онъ площадку; съ нее то вотъ и поднялася деревянная масса, граненая формами, образуя два круга, входящихъ другъ въ друга; а линія соединенія куполовъ образовала воздушный и легкій зигзагъ; та манера, съ которою купола осѣдали на Зданіе, была чудомъ строительныхъ достиженій: объ этомъ писали въ швейцарскихъ журналахъ.

Ужъ я средь привычнаго лабиринта угловъ, косяковъ, коридоровъ и комнатъ бетонныхъ пространствъ, вызывающихъ каждый разъ воспоминаніе о забытыхъ мистеріяхъ, совершившихся нѣкогда; находя себя здѣсь, въ этихъ комнатахъ, ты не вѣришь, что выйдя отсюда наружу, очутишься ты: средь ландшафтовъ XX вѣка въ Швейцаріи; кажется: какъ сюда ты попалъ? Представляются явственно: дичайшіе коридоры, углы, косяки, дуги арокъ (и все изъ бетона) своимъ сочетаніемъ цвѣтовъ (черно-сѣрыхъ) суть выдолблины сокровеннаго подземнаго храма; вотъ-вотъ ты увидишь: навстрѣчу блеснутъ факелы; и появятся птицеголовые мужчины съ жезлами — вести тебя: къ посвященію.

Но попавши на лѣстницу, подпираемую каменноногими глыбами допотопныхъ формъ жизни, взбѣжавши оттуда наверхъ въ круглый залъ (въ область дерева) — все измѣнялось: и впечатлѣніе, что въ недалекомъ ты прошломъ, въ будущемъ человѣчества: охватывало стремительно.

Уже я пробѣжалъ это все: и вотъ я — въ колоссальномъ порталѣ, загроможденномъ лѣсами; откуда-то сверху посыпались щепки; одна угодила мнѣ въ лобъ, поднялъ голову вверхъ:

— «Нэлли, Нэлли.»

Откуда-то сверху межъ досокъ и бревенъ просунулась торопливо головка; и — засмѣялася радостно: Нэлли моя.

По приставленной кверху расшатанной лѣстницѣ сталъ я взбираться наверхъ; мы стояли подъ формами; и — улыбались другъ другу; въ огромныя прорѣзи оконъ смотрѣли окрестности; и — распахнулся отчетливо воздухъ; и синіе гребни Эльзаса смотрѣли оттуда; тамъ — бухала пушка.

ІОАННОВО ЗДАНІЕ

Я стою посрединѣ огромнаго круглаго зала; и проницая тяжелую толщу лѣсовъ, представляю себѣ этотъ залъ, какимъ будетъ онъ выглядѣть по окончаніи постройки.

Представьте четырнадцать гранныхъ и мощныхъ колоннъ (въ поперечникѣ каждая — занимаетъ не менѣе полутора метра); колоннада обходитъ пространство отчетливымъ кругомъ; ассиметрично стоитъ пятигранникъ колонны, на шестигранникѣ цоколя; всѣ четырнадцать цоколей, какъ колонны изъ де-

рева; и отношеніе угловъ пятигранниковъ къ шестигранникамъ перемѣняется всякій разъ; по отношенію къ цоколю ассиметрична колонна, какъ бы образуя капризнѣйшій сдвигъ; сумма сдвиговъ слагаетъ гармонію; кажется — кругъ изъ колоннъ завертѣлся; и хочется ухватиться рукой за что-нибудь; головокруженіе нападаетъ въ летающихъ стѣнахъ отъ впечатлѣнія пляски колоннъ; пьедесталы колоннъ прихотливо изсѣчены; перемѣняется тема орнамента формы; такъ: всѣ капители — мѣняютъ орнаментъ; орнаменты — безсюжетны; неизъяснимая прелесть ихъ въ этомъ; они образуютъ градаціи странныхъ кристалловъ, кристалловидныхъ растеній и чашъ; пересѣкаются подъ углами ихъ плоскости.

Явственно, четко распались четырнадцать стройныхъ гигантовъ на два полукружія (по семи колоннъ въ каждомъ); и каждая пара мѣняетъ орнаментъ: седмижды мѣняются орнаментальныя линіи; и седмижды мѣняется самое качество дерева: семь цвѣтовъ — семь породъ: бѣлый букъ, чуть желтѣющій ясень, кровавая вишня, отчетливо бронзовый дубъ, темный вязъ, бѣлый кленъ, перламутрово-нѣжные тоны березы.

И опираясь на нихъ, на размашистомъ шагѣ крутыхъ и косыхъ полудужій — построена: великолѣпная фантастика архитравовъ, прыгучихъ и гранныхъ, соединяющихъ съ куполомъ; многограніе ихъ образуетъ во мнѣ фугу Баха; простой лейтмотивъ надъ колоннами бѣлаго бука — гранится, сложнится, змѣ-

ится; попарно взлетѣли граненыя архитравныя формы: между колоннами вишни и дуба; и — далѣе, далѣе: между березой и кленомъ — невѣроятныя сложности все того же простого мотива: такъ тема въ варіаціяхъ осуществляетъ себя: истеченіемъ формъ; точно стѣны, срываяся съ мѣстъ, начинаютъ кидаться по всѣмъ направленіямъ; перепружились, заходили на дугахъ ихъ мускулы; п л я с к а колоннъ, и летаніе стѣнъ — кружитъ голову намъ; съ чѣмъ не справился геніальный Родэнъ, здѣсь достигнуто въ архитектурномъ заданіи; именно: явлена форма въ движеніи.

И оттого то, вступая въ пространство огромнаго зала, котораго полъ — подъ угломъ, начинаетъ казаться, что стѣны разорваны; неизмѣримости отовсюду глядятъ чрезъ разрывы.

То — зрительный залъ; пересѣкается кругъ его съ меньшей окружностью сцены, которая, какъ и зрительный залъ, состоитъ: изъ живыхъ полукружій колоннъ (по шести колоннъ въ каждой); градація дерева здѣсь берется въ обратномъ порядкѣ; орнаментальный мотивъ капителей иной; и — болѣе раскидалися въ гранностяхъ архитравныя формы: они притекаютъ, сплетаяся въ изощренья кристалловъ къ простершейся пентаграммѣ, напоминающей Человѣка, раскидывающаго двѣ руки; и подъ нею теперь, безъ меня уже высѣкли деревянную статую: здѣсь стоитъ самъ Христосъ, изсѣченный изъ дерева.

Остановившись посерединѣ круглѣющей залы, увидите вы, когда вставятся стекла: изъ-за колоннъ

проницають ее отовсюду цвѣтные, невѣрные свѣточи, пропускаемые рядами оконныхъ триптиховъ — изъ очень толстаго цвѣтного стекла: фіолетоваго, ярко-краснаго, розоваго, зеленаго, синяго; въ стеклѣ врѣзаны линіи посвященія; эта свѣтопись (то-есть живопись на стеклѣ) образуеть искусство, изобрѣтенное Штейнеромъ; ярко-красные, синіе и зеленые блики, колеблясь лягуть на гранные полукруги колоннъ; будеть днемъ разливаться здѣсь красочный полусумракъ, сверкая зигзагами прорѣзей свѣта; и архитравныя формы, и куполъ, утонуть въ мерцающемъ красочномъ кружевѣ полусумерокъ; вечеромъ, при электрическомъ свѣтѣ погасятся стекла; и вспыхнуть гигантскія архитравныя формы; и вспыхнеть кровавая, красная краска изъ купола: тамъ, въ бурныхъ высяхъ, изъ урагановъ огней — Элогимы творять: свѣть и звукъ.

Я стою посрединѣ огромнаго, круглаго зала и созерцаю всѣ формы: вонъ — «Марсъ», вонъ — «Юпитеръ» (колонны и архитравы посвящены здѣсь планетамъ; мы, рѣзчики, называли ихъ попросту — «Марсъ», «Сатурнъ», «Солнце»; и — говорили другъ другу: «На чемъ вы работаете?» — «На Юпитерѣ»); и «Юпитеръ» и «Марсъ» — архитравы, которые добросовѣстно мы вырѣзали подъ руководствомъ жены моей Нэлли; на «Марсѣ» мы начали нашу работу по дереву; помню: когда-то разлапыя, архитравныя формы, какъ допотопные носороги, стояли еще на землѣ — подъ навѣсомъ сараевъ; мы цѣлое лѣто, съ утра и

до вечера взгромоздившись на нихъ, выбивали изъ нихъ изощренныя плоскости: «Марсъ» и «Юпитеръ» мы вырѣзали непосредственно предъ объявленіемъ войны; эти формы на длинныхъ, тяжелыхъ цѣпяхъ были вздернуты кверху, укрѣплены надъ колоннами; осень военнаго года работали мы надъ наружными, надоконными формами; зиму же, взгромоздившись подъ куполъ и облѣпивши нашъ «Марсъ», дорѣзали его; всю весну и все лѣто 1915 года — оканчивали «Юпитеръ»; «Юпитеръ» и «Марсъ» — наши формы; люблю ихъ, какъ малыхъ дѣтей своихъ; эти формы, какъ знать, — не увижу я болѣе: если увижу, — увижу въ иной обстановкѣ; увижу ихъ снизу: не поднимусь вновь подъ куполъ.

Прощайте же «формы», въ которыя я вколотилъ часть моей жизни: теперь она — тамъ, высоко-высоко-высоко; часть души моей выше меня самаго!

Какъ же могли это все мы создать? Я не знаю. Я знаю навѣрное: если бы насъ предупреждали заранѣе, что мы ѣдемъ вырѣзывать именно эти огромныя формы, мы не пріѣхали-бъ въ Дорнахъ; показалось бы просто безуміемъ приниматься за тяжелое дѣло; мы ѣхали въ Дорнахъ, чтобы быть тамъ полезными,не представляя себѣ, чѣмъ же именно; мнѣ казалось, что если-бы поручили мнѣ подметать только щепки, и то я считалъ бы себя очень счастливымъ. Какъ же случилось, что мы это все вырѣзали?

Пріѣхали въ Дорнахъ мы перваго февраля 1914 года; все первое время чертили и красили планы; по-

томъ, уже въ мартѣ (насъ было еще человѣкъ двадцать пять: послѣ съѣхались сотни работниковъ), насъ собрали въ полуотстроенномъ помѣщеніи изъ бетона: предъ капительною формою; Штейнеръ, вооружившись стамезкою и наблюдая модельку изъ гипса, сталъ быстро вырѣзывать Сатурнову капитель, давая намъ объясненія: мы, собравшися кучкой, слѣдили внимательно за штрихомъ его острой стамезки; такіе сеансы не разъ повторялись; впослѣдствіи мы разбились на кучки; образовалось четырнадцать кучекъ изъ насъ (по числу капителей); за каждой присматривалъ рѣзчикъ-художникъ (членъ нашего Общества); быстро освоились мы; черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ, мы были разбиты на новыя группы; и выбрали руководителей; каждая группа взяла архитравъ; намъ досталась дубовая масса для «Марса»; насъ было четверо: я, Нэлли, сестра ея, мужъ сестры; руководителемъ архитрава назначили Нэлли; она — провѣряла работу, она вычисляла, какое количество сантиметровъ дубоваго дерева нужно оставить; какое количество — снять; докторъ Штейнеръ, слѣдя за работой, почти ежедневно насъ всѣхъ обходилъ; онъ очерчивалъ плоскости углемъ; и объяснялъ все, что нужно.

Начальства же не было. Іоанново Зданіе строилось анархическимъ принципомъ: былъ оркестръ инструментовъ; и былъ — дирижеръ; указанія давались, какъ импульсы, какъ посвященіе въ планы работы, но выполненіе было — свободно.

Іоанново Зданіе убѣждаетъ меня въ томъ, въ

чемъ я сомнѣвался всю жизнь: въ коллективномъ строительствѣ; коллективное творчество осуществило Іоанново Зданіе.

Мы работали съ девяти до двѣнадцати; ровно въ двѣнадцать веселыми толпами мы опускались къ кантинѣ, подъ холмъ, гдѣ готовился вкусный обѣдъ; послѣ мы отдыхали до двухъ въ животечныхъ бесѣдахъ, и въ смѣхѣ порою или же забирались въ густую траву; а въ два часа шли на холмъ; далѣе, проработавши приблизительно два часа, шли пить кофе;съ пяти до семи съ половиной опять мы работали; послѣ — шли ужинать; по субботамъ и воскресеньямъ въ сараѣ читалъ Рудольфъ Штейнеръ намъ лекціи: но бывали періоды, когда онъ читалъ каждый вечеръ.

По вечерамъ начиналася новая жизнь: репетиціи «Эвритміи» и эвритмическихъ постановокъ; дневныя работницы, облекаясь въ легчайшія туники, изображали жизнь звука — въ движеніи; репетиціи «Эвритміи» чередовалися съ репетиціями оркестра и хора; густая, прекрасная, странная, но извнѣ непонятная жизнь.

И надо всей этой жизнью блистали въ зорю бирюзовые, ясные купола; на нихъ глядя, я чувствовалъ нѣжность любви: ни къ чему, ни къ кому...

Ночью же караулили мы Іоанново Зданіе; какъ любилъ эти вахты я.

Ночь: подъ тобою изъ зелени ясно горятъ огонечки; вокругъ — ни души; позади — торчатъ гребни отвѣснаго Гемпена. Фосфорическимъ блескомъ луна на-

ливаетъ пространства; и блескомъ мерцаютъ два купола: ты идешь съ фонаремъ, въ переходахъ, въ слѣпыхъ закоулкахъ бетоннаго перваго этажа; вотъ и лѣстница, подпираемая каменноногими глыбами, и колонки съ зіяющей между ними дырою темнѣйшихъ пространствъ: коридоры, углы, косяки, дуги арокъ своимъ сочетаніемъ цвѣтовъ (темно-чернаго съ сѣрымъ) напоминаютъ какія-то выдолблины сокровеннаго храма; и кажется, что навстрѣчу блеснутъ факелы, что появятся люди съ жезлами.

Ты — вотъ въ залѣ; повертываешь электричество; и — предъ тобою возникаютъ міры изъ лѣсовъ, перекладинъ и балокъ съ едва проступающимъ контуромъ формы; неповторяемы кривизны этихъ стѣнъ, неповторяемы архитравы колоннъ этихъ входовъ: точенныхъ, оскаленныхъ ртовъ; смутно кажется, что ты крошечный — внутри черепа; тамъ въ глубинѣ — будто Кто-то, Кого ты всю жизнь смутно ждалъ: по ночамъ Онъ проходитъ по этой нѣмѣющей залѣ.

Вотъ выходишь наружу; и — ты на верандѣ; съ веранды открыты просторы; окрестности мирны и тихи; спускаешься и обходишь сараи; передъ тобою два купола... изъ фосфорическихъ блесковъ; оттуда слетаетъ къ тебѣ дуновенье — т о с а м о е; а к а к о е — н е з н а е ш ь; оно отдается въ душѣ: н е з а б ы в а е м ы м ъ н и к о г д а.

Обходя съ фонаремъ полукружія Зданія я вспоминалъ, что два купола эти увидѣны мною давно еще, въ юности.

ХРАМЪ СЛАВЫ

Переживаніе, о которомъ хочу здѣсь сказать, произошло въ тихой церкви; я былъ гимназистомъ тогда.

Церковь я посѣщалъ по обычаю; мнѣ тамъ нравилось пѣніе, золотая парча, облака фиміама; и нравилось мнѣ наблюдать, какъ хромающій діаконъ, выпячивающій перекошенную, большую губу, отъ которой висѣли рѣдчайшіе, жесткіе волосы, громоносно гласилъ «п а к и, п а к и»; казалось, онъ — жрецъ, мнѣ связавшійся съ воспоминаніемъ объ идоложертвенномъ мясѣ; любилъ наблюдать я дьячка въ полосатенькихъ, синенькихъ брючкахъ, всегда разводившаго хрипоту своимъ возгласомъ: «Іисусѣ Сладчайшій».

Я въ церковь ходилъ, какъ въ театръ: воспоминаніемъ о какихъ-то забытыхъ обрядахъ, по существу очень страшныхъ, вставала мнѣ церковь; и если бы я уплотнилъ переживанія, возбужденныя діакономъ, въ образы, — получился бы образъ пустынной кремнистой страны, прозіявшей глубокими дырами черныхъ пещеръ, изъ которыхъ бѣжали жрецы, оставляя сухой истощенный, покрытый кровавыми струпьями людъ и отдавая его во власть демонамъ, обитающимъ пещерныя дыры; средь кремнистыхъ уступовъ стоялъ тамъ престолъ съ опрокинутой, идоложертвенной чашею; жители этой страны изнывали въ ужасныхъ, чу-

довищныхъ формахъ душевной болѣзни, происходящей отъ въ души вгрызавшихся демоновъ, соединенныхъ съ несчастными душами пассами прежнихъ, бѣжавшихъ жрецовъ, полагавшихъ, что пассами этими вводятъ они Божество въ души смертныхъ; но ужъ столѣтія были оборваны проводы между ними и Богомъ; при всякой молитвѣ за душу, чудовищный бѣсъ опускался въ ту душу; и — мучилъ ее; переполнилась бѣсноватыми мѣстность: жрецы перепортили все населеніе этой страны: и — сбѣжали; съ тѣхъ поръ въ каменистой странѣ нѣтъ жреца.

Такъ во мнѣ уплотнялся блистающій образъ, иконостаса съ двумя боковыми дверями, задернутыми ярко-краснымъ атласомъ, когда изъ дверей на амвонъ съ «п а к и, п а к и» выхрамывалъ діаконъ, выпячивая перекошенную большую губу, отъ которой свисала щетина; нашъ діаконъ съ дьячкомъ отображались жрецами, соединяющими души смертныхъ съ бѣсами; и пребываніе въ церкви скорѣй тяготило меня; г о в ѣ н і е представлялось мнѣ дѣломъ опаснымъ; не то, чтобы я отрицалъ, происходящее таинство; скорѣе во мнѣ подымалися подозрѣнія, что э т о в с е т а к ъ, д а н е т а к ъ; это — было когда то; потомъ — измѣнилось оно; но про то не узнали священники; и съ тѣхъ поръ превратились они просто въ жреческое сословіе; мнѣ казалось всегда: а быть можетъ есть гдѣ-то и н о е служеніе, если есть оно, съ нимъ то я связанъ.

Переживанья эти однажды во мнѣ разыгрались: говѣлъ я; стояла страстная недѣля; то было, мнѣ кажется, въ среду; стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ; и — сотрясъ меня образъ: какъ будто бы стѣны судебъ моей жизни раздвинулись вмѣстѣ съ упавшей стѣною столѣтій (церковной стѣною); какъ будто бы церковь оборвалася одною стѣною въ н и ч т о; я увидѣлъ к о н е ц ъ (я не знаю чего — моей жизни, иль міра?) , но будто: дорога исторіи упиралсь въ два к у п о л а: Храма; и — толпы народа стекались туда; будто выборные отъ всего человѣчества, облеченные въ блескъ и виссонъ, простирались сквозь звуки и краски въ н и ч т о, обрывавшее все.

Я впослѣдствіи понялъ: н и ч т о былъ обрывъ моей собственной жизни — лѣтъ въ тридцать; и — сломъ всѣхъ путей, совершившійся въ тайнахъ души;за обломомъ вставалъ новый путь, меня ведшій къ двумъ куполамъ Іоаннова Зданія; только я видѣлъ два купола золотыми, а не лазурными вовсе; надъ ними вставало огромное Солнце.

Концепція невѣроятнѣйшей ясности осѣнила меня; понялъ я, что кончалась исторія: драма судьбы моей — драма, которую переживетъ скоро весь міръ; увидѣнный храмъ я назвалъ про себя «Храмомъ Славы»; и мнѣ показалось, что этому Храму уже угрожаетъ Антихристъ; я выбѣжалъ, какъ безумный изъ церкви: пошелъ — я не знаю, куда; я опомнился на обрывистомъ склонѣ... у моста; и образы ослѣпительной ясности проносились во мнѣ, отцарапывая

отъ души слой за слоемъ: то были видѣнія Апокалипсиса, воплощенныя въ современную жизнь; понялъ я, что огромныя судьбы приблизились.

Вечеромъ въ своей маленькой комнаткѣ набросалъ я планъ драмы-мистеріи; и его озаглавилъ: «Пришедшій»; и скоро потомъ набросалъ я весь первый отрывокъ (несовершенный до крайности); въ 1903 году Леонидъ Ледяной окончательно этотъ отрывокъ испортилъ, приготовивъ къ печати его; драмы я не окончилъ; въ душѣ моей драма-мистерія приняла очень сложныя формы.

Теперь только понялъ: не напишу никогда моей драмы-мистеріи потому, что самъ ужъ вступилъ въ ея сферу; я самъ ужъ участникъ событій, ведущихъ къ катастрофѣ; что есть «Храмъ Славы»? Я думаю — «Солнечный Градъ», опускаемый въ сердце, намекъ на него — есть то зданіе, которое высѣкали мы съ Нэлли: Іоанново Зданіе.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ

Владиміра Соловьева я видывалъ и до событія, бывшаго въ церкви; изъ сумрака лѣстницъ, въ подъѣздѣ сутуло качалась навстрѣчу фигура его; мѣха пышной шапки топорщились; поднимался въ квартиру М. С. Соловьева, съ семействомъ котораго свя-

занъ былъ я, и который до смерти своей проживалъ въ нашемъ старомъ подъѣздѣ; и вотъ: приходя къ Соловьевымъ, порою, встрѣчалъ я Владиміра Соловьева за шашками: не удѣлялъ я вниманья ему въ это время: я былъ убѣжденнымъ буддистомъ; онъ мнѣ представлялся теологомъ; не уважалъ теологіи я; называлъ теологію изжитой и скучной схоластикой; хаживалъ къ Соловьевымъ я часто; читалъ имъ отрывки стиховъ; между прочимъ прочелъ имъ «Пришедшаго»; этотъ набросокъ понравился.

А черезъ два съ половиною года отецъ мой однажды сказалъ оживленно:

— «Владиміръ Сергѣевичъ, знаешь ли, прочиталъ свою повѣсть; представь себѣ, что она называется «Повѣстью объ Антихристѣ»; странная тема. . .»

Заколотилось, забилось усиленно сердце, какъ у влюбленнаго; чувствовалъ, что я что-то сейчасъ долженъ скрыть отъ отца: пробѣжали въ сознаніи образы драмы-мистеріи; и — проблистали откуда-то, издали купола Храма Славы.

Стояла весна: задышали закаты; уже издышалася тайною грудь; и судьбины послѣднихъ годинъ замаячили въ воздухѣ; помню: О. М. Соловьева не разъ посылала за мной; говорила она про набросокъ «Пришедшій», про «Повѣсть» В. С. Соловьева, про то, что мнѣ надо съ нимъ встрѣтиться.

Вѣяли майскіе жаркіе дни; Дорогомилово загрохотало возами: переѣзжали на дачи, тащилися конки; и — дребезжали звонками; я вдругъ получаю за-

писку; въ ней сказано было, чтобъ я поскорѣй приходилъ къ Соловьевымъ: къ вечернему чаю пріѣдетъ В. С. Соловьевъ и прочтетъ свою повѣсть; заколотилось, забилось усиленно сердце; судьбины годинъ замаячили въ воздухѣ. Я — пришелъ; я съ волненіемъ пожималъ неестественно длинную и безсильную руку Владиміра Соловьева, съ благожелательною быстротою протянутую; мнѣ отчетливо показалось: я принятъ въ сознанье Владиміромъ Соловьевымъ; перемѣнился его проницающій взглядъ: онъ съ довѣріемъ поглядѣлъ на меня: потому что О. М. Соловьева теперь посвятила его въ мои чувства; все это мелькнуло во взглядѣ его; и — сказалось въ пожатіи руки; и сказалось въ неловкомъ молчаньи; оно наступило: В. С. Соловьевъ поглядѣлъ на меня вопросительно; заговорили о Ницше; раздался звонокъ; Соловьевъ законфузился: кто-то некстати пришелъ; и я видѣлъ, съ какой добродушной безпомощностью, потирая свой лобъ, онъ нашелся:

— «Нельзя ли сказать, что сейчасъ будетъ скучное, неинтересное чтеніе?»

Помню: за чаемъ раскладывалъ онъ пожелтѣлые листки рукописи; невѣроятно шуршалъ, перебирая за листикомъ листикъ, кидаясь на нихъ близорукимъ лицомъ; я сидѣлъ передъ нимъ, закачавшимся надъ листами бумаги — переутомленнымъ, сожженнымъ, снѣдаемымъ мыслью; уже стеклоглазыя окна багрясь, переполнились зорями: окна ломились отъ

грохотовъ; дребезжали звонки громкихъ конокъ; и колотилося сердце.

По мѣрѣ того, какъ читалъ онъ намъ повѣсть, опять пробѣжали во мнѣ затаенные образы драмы-мистеріи; и проблестали откуда-то издали купола Храма Славы.

О, если бы помнить всѣ миги, разъятые временемъ, черезъ года возвращенные, многое прояснилось бы: голосъ услышалъ бы я:

— «Жди Меня».

Онъ потомъ исходилъ изъ душистыхъ полей; и впослѣдствіи выслалъ навстрѣчу мнѣ вѣстника о приближеніи мистеріи: Нэлли и я, мы внимали потомъ проходившему вѣстнику: въ громыхающемъ Брюсселѣ; въ Кельнъ за собою онъ велъ; мы его услыхали на лекціи Рудольфа Штейнера; и этотъ самый же голосъ во мнѣ произнесъ «времена накопляются» въ мигъ, когда я, выходя на площадку вагона, уставился восхищенно въ лазурно-зеленые камни, покрытые мхомъ (подъ Бергеномъ); вздрогнулъ тогда я и поднялъ глаза; и увидѣлъ: вонъ тамъ на площадкѣ вагона, сосѣдняго съ нашимъ, лицо неописуемое, какъ пустыня, покрытое четко морщинами, перечерченное тѣнями; два глаза, мгновенно расширившись, бросили огненный снопъ: посмотрѣли въ меня бриллiантовымъ свѣтомъ своимъ, поднимая въ душѣ вихри жизненныхъ силъ и горя освѣтленнымъ страданіемъ міра; принадлежали глаза невысокаго роста брюнету въ широкополой, отчетливой шляпѣ; то былъ докторъ

Штейнеръ; я взгляда его не могъ вынести; отвернулся къ окну — въ блески солнца, въ пурпуровый мохъ: «Времена накопляются: жди меня»... Вновь повернулся; и невысокаго роста брюнета тамъ не было.

Все то впервые возстало мнѣ въ тѣ далекія времена, въ миги чтенія Соловьева; стояло, вперясь въ меня, за словами, которыми мы обмѣнялись; Владиміръ Сергѣевичъ просилъ поскорѣй принести мой отрывокъ мистеріи-драмы—«Пришедшій»: хотѣлъ его выслушать (былъ уже первый часъ ночи); и мы отложили до осени чтеніе; и прощаясь, пожалъ онъ мнѣ ласково руки:

— «До осени».

Лѣтомъ угасъ онъ; но разговоръ —неоконченный—продолжался: въ годахъ моей жизни; онъ длился въ Норвегіи, при постройкѣ Іоаннова Зданія; и при закладкѣ его, совпадающей часомъ и днемъ съ днемъ и часомъ открытія нашего Московскаго Общества, въ помѣщеньи котораго я пишу эти строки; портретъ Соловьева глядитъ на меня; и лицо дорогого учителя, высказавшаго о Соловьевѣ такія большія слова.

Онъ продолжился, — неоконченный разговоръ съ Соловьевымъ: онъ длился всю жизнь; путь велъ меня: отъ Соловьева къ... Іоаннову Зданію.

Здѣсь, въ куполахъ Іоаннова Зданія, узнаю я и видѣніе куполовъ... Храма Славы; бирюзовой любовью овѣяли насъ они съ Нэлли; надъ безплодною и каменистою мѣстностью пролились благодатные лив-

ни; и мѣстности эти исходятъ юнѣйшими всходами; впечатлѣнья отъ церкви продолжались въ образѣ: изъ кремнистыхъ нагорій, просохшихъ пещерами, жрецъ бросивъ все, вдругъ стремительно бросился въ бѣгство; измученный бѣсами людъ, собираясь къ пустымъ алтарямъ, ждалъ жреца: жрецъ, испуганно опрокинувъ алтарь, вдругъ стремительно бросился въ бѣгство: но издалека-далека пришелъ Кто-то новый на смѣну жреца; и посмотрѣлъ на болѣзненный людъ бриллiантовымъ взглядомъ любви; былъ онъ принятъ за Бога; и приведенъ къ алтарямъ; но отъ нихъ отказался онъ:

— «Алтари нынѣ пусты; и «боги», которые не были Богомъ, а бѣсами, нынѣ покинули ихъ» — проговорили такъ взоры его; проговорило лицо, неописуемое; два глаза мгновенно расширились, бросили снопъ бриллiантовъ, угасли; что-то, блеснувши, стремительно опускалось на солнечныхъ крыльяхъ; и громкая вѣсть разошлась: Человѣкомъ сталъ богъ.

Такъ бы я уплотнилъ впечатлѣнiе отъ Iоаннова Зданiя: впечатлѣнiе выростало на вахтахъ: отъ гранныхъ, извивистыхъ змѣй и угластыхъ цвѣтовъ выростало во мнѣ впечатлѣнье тепла: будто кто-то глядѣлъ въ мою душу своимъ бриллiантовымъ взглядомъ; въ полуночи, съ фонаремъ, я, бывало, стою посрединѣ колоннаго круглаго зала; и — проницаю мiры перекладинъ, лѣсовъ легколетнымъ лучомъ фонаря, мечущимъ свѣты туда и сюда; окидываю капители колоннъ, ассиметрично стоящихъ на шестигран-

никахъ цоколей; хоры хораловъ, поющихъ кристаллами дерева, разсказываютъ, бывало, себя: и допотопныя брони животныхъ — вотъ, свѣсились; послѣ, бывало, скрипя въ темнотѣ переносными досками, я поднимаюсь подъ куполъ, гдѣ море кровавыхъ фонтановъ огромною кистью изобразила мадамъ Перальтэ: гдѣ Элогимы творятъ свѣтъ и звукъ; остановившись на уровнѣ архитравовъ и направляя на нихъ свой фонарь, я бывало слѣжу, какъ, срываяся, гранныя стѣны летаютъ огромными змѣями, какъ граненныя, архитравныя формы отчетливо прыгаютъ на крутыхъ полудужіяхъ, упадая на рядъ капителей.

Летающій лучъ фонаря озаритъ, остановится; подо мною сквозь щели — обвалъ: бездна мрака; смотрю себѣ подъ ноги; вотъ — оступишься, грохнешься и — умрешь на бетонномъ полу.

Длится ночь: посрединѣ пространства нѣмыхъ архитравовъ (и — на одномъ съ ними уровнѣ) тихо стою, затушивши фонарь; слышно — вѣтеръ, слетая въ отверстія оконъ (внизу, подо мною) наполнитъ пространство рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападаетъ на бревна: безвѣщность летающихъ визговъ.

Откуда то снизу — шаги; кто-то грузный, тяжелый заходитъ внизу; знаю: это — Рюдинъ, ночной сторожъ; а вдругъ — не Рюдинъ? Скрипитъ балками старый Рюдинъ на коротенькихъ ножкахъ, держа предъ собой круглоглазый фонарикъ; мелькнутъ въ струѣ свѣта мнѣ прочертни балокъ, колонна, привод-

нятый край капители; опять темнота; а въ пространствахъ бетоннаго пола плыветъ надъ щагами фонарикъ.

Я скрипну — шаги остановятся: старый Рюдинъ, — на чеку:

— «Wer ist dort?» прохрипитъ мнѣ фонарикъ.

— «Ich — Basel...» — откликнется снизу мнѣ.

— «Basel...»

— «Basel» — пароль: на сегодняшній день; надъ фонарикомъ — вздохи:

— «Ia!»

— «Herr B.*.*.»

— «Die Nacht...?»

— «Ia...»

— «Ist ruhig...»

Рюдинъ, повстрѣчавшись на вахтѣ, слегка покряхтитъ; и — разразится все тою же фразой:

— «Die Nacht... ja... ist ruhig!»

Мигнувшій фонарикъ уходитъ, мелькнутъ въ полосѣ неживого какого-то свѣта мнѣ прочертни балокъ, колонна и край капители; шаги — отгремятъ; никого; слышно вѣтеръ, влетая въ отверстія оконъ, наполнитъ пространство рыдающимъ гудомъ: взлетитъ, прошуршавши пустая бумага, да крякнетъ плаксивая балка: безвѣстности темени; открываю фонарь: деревянная пентаграмма распластана передо мной деревяннымъ объятіемъ.

И начинаетъ казаться: врѣзаяся въ стѣны Іоаннова Зданія, не деревянныя формы гранилъ я стамез-

кой, а — жизнь мою: врѣзана жизнь моя въ куполъ, отвалились — только щепки.

Я, здѣсь, передъ вами стоящій — лишь множество щепокъ, моею стамеской отколотыхъ отъ прирѣзанной формы; на засѣданіяхъ, на публичныхъ собраніяхъ, въ кругѣ друзей — нѣтъ, не «Я»: мои павшія щепки. Не здѣсь «Я», а — тамъ: высоко-высоко — повисаю рѣзной пентаграммой подъ куполомъ храма. . .

. . . .

Припоминается храмъ; на амвонъ съ «паки-паки» проходитъ хромающій діаконъ (какъ старый тяжелый Рюдинъ). Я стою, прислонившись къ стѣнѣ (въ моемъ прошломъ); и — вдругъ: точно стѣны судебъ моей жизни — разорваны; и — н и ч т о налетѣло: рыдающимъ гудомъ; дорога моя обрывается: падаю въ Храмъ; мнѣ мистерія-драма «Пришедшій» — исполнилась.

Кто же «Пришедшій»?

Пришло ко мнѣ «Я».

«Я» во мнѣ не есть «Я», а . . . — Христосъ: то — Второе Пришествіе! . . Жизнь пролетѣла, обвѣясь; возвысились смыслы въ объемы огромнѣйшихъ истинъ — до дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; высѣкалъ здѣсь не стѣны, а Храмъ просвѣтленный судьбы, мнѣ встающей въ грядущемъ: въ пространствѣ межъ мощныхъ колоннъ, подымался подъ куполомъ вѣрный водитель въ круглѣющей шляпѣ съ полями, надѣвши пенснэ, застегнувши сюртукъ; со ста-

мезкой въ рукѣ проходилъ я за нимъ; онъ — училъ меня рѣзать граненныя плоскости въ комьяхъ и массахъ моей мутной жизни; я — самъ себя вырѣзалъ; болью щепилась, слетая въ провалы безпутная жизнь; но вперенный въ меня взглядъ учителя улыбался.

— «Не я, а — Ты самъ такъ поволилъ! . .»
— «Врѣзай же себя въ эту высь. . .»
— «И — спадай съ себя щепками!»

. . . .

Самъ подозвалъ я Судьбу. Мои игры сказались мнѣ: вѣщими играми; и «Памиръ» — Крыша свѣта! — пришла: — припоминалась бугристая мѣстность, закаты, суки раздвигаемыхъ яблонь, пространства взволнованной ржи, топольки, лепетавшіе мнѣ въ девятьсотомъ году о событіяхъ времени; «Я», мое прежнее «Я» исчезло въ пролетъ неприсущаго неба, откуда гласило:

— «Ты — все: Ты и вѣтеръ, и травы, и мѣсяцъ. . .»
— «И мысли о мірѣ. . .»
— «И міръ!»
— «Ты — еси міровой».

Здѣсь, подъ куполомъ Іоаннова Зданія мнѣ повторялись — старинныя дѣтскія строки о томъ, что

«Сквозь зовъ непрерывныхъ вѣковъ
«Что-то снова коснулось меня,
«Тотъ же грустно-задумчивый зовъ».

Какъ и тамъ, среди тульскихъ полей, исходилъ я любовью: знакомыя души спускались ко мнѣ въ ихъ неявленномъ обликѣ; и Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ — воскресалъ: здѣсь, подъ Куполомъ; я вспомнилъ, какъ съ волненіемъ я пожималъ неестественно-длинную руку его, какъ я слушалъ грохочущій голосъ его, извѣщавшій, что — судьбы приблизились:

— «Жди Меня!»

Штейнеръ, блистающій Моргенштернъ, Экхартъ Б *** мнѣ вернули Владиміра Соловьева; соединеніе Востока и Запада совершилось подъ Куполомъ Зданія!

Полный священнаго трепета, я осторожно спускался межъ балокъ, держа предъ собою фонарикъ; окидывая капители колоннъ, хоръ рѣзныхъ архитравовъ, поющихъ кристаллами дерева; и — углублялся въ подземный этажъ: къ тому мѣсту, гдѣ высился гранный массивъ надъ заложеннымъ камнемъ.

— «Grundstein'омъ».

Его — цѣловалъ я; и кто-то, поднявшись надъ міромъ развѣянныхъ мыслей моихъ, точно Куполъ, — глядѣлъ въ мое сердце: какъ я, преклоненный, прикладывалъ губы къ Grundstein'у; я видѣлъ Его отраженье во мнѣ; и къ себѣ самому припадая, касался Его: — мысли міра спускались до плечъ: лишь до плечъ; «Я» — свой собственный; съ плечъ поднимается Куполъ Небесный — Іоанновымъ

Зданіемъ; ветхій же черепъ я, снявъ съ головы, какъ фонарь — поднималъ: и — выходилъ на веранду.

Стояла холодная ночь: подо мной трепетали огни Арлесгейма и Дорнаха: гасли и гасли, и все — погружалося въ мраки; лишь старый Рюдинъ, мнѣ не видимый, издали проходилъ между грудами щепокъ; увидѣвъ фонарикъ съ веранды, похрипывалъ издали.

— «Ho, ho, ho!»

— «Ho, ho, ho!» — откликался я.

— «Basel. . .»

— «Ja, Basel. . .»

Звѣзда фонаря приближалась:

— «Die Nacht. . .»

— «Ja?»

— Ist ruhig. . .»

Какое тамъ «ruhig» — летали пространства рыдающимъ гудомъ; я, кончивъ обходъ, брелъ къ товарищу (мужу сестры моей Нэлли) — въ дощатую будочку, гдѣ на печкѣ давно уже онъ кипятилъ мнѣ жестяночку съ кофе.

И мы вспоминали московскихъ друзей, годы юности, Соловьева, покойнаго Трубецкого, соединяя любимыя имена съ Моргенштерномъ и съ Б.*.

Послѣ: товарищъ, напяливши плащъ и зажегши фонарь, шелъ въ обходъ; я-жъ сидѣлъ надъ раскрытою книгою, въ будочкѣ: слушалъ холодные посвисты вѣтра въ горахъ, дожидался разсвѣта.

. . . .

Свѣтало: мы шли сырымъ утромъ съ холма; и — дрожали отъ холода; намъ попадались навстрѣчу работники; Арлесгеймъ просыпался; надъ Дорнахомъ вился дымочекъ.

Ночные часы въ Іоанновомъ Зданіи мы коротали съ товарищемъ — разъ въ двѣ недѣли!

ПОСЛѢДНЯЯ ПРОГУЛКА!

Вернувшися въ Дорнахъ, забылъ я о томъ, что меня впереди ждетъ мой путь; мнѣ казалось: исполнилъ свой долгъ я — меня не пустили, прогнали обратно; тѣмъ лучше! Казалось: навѣки вернулся я къ Нэлли — и горе и радость дѣлили мы вмѣстѣ; казалось: опять, какъ и прежде, мы завтра же побѣжимъ на нашъ холмъ, чтобы тамъ, на площадкахъ, внутри, подъ лобастымъ порталомъ — смѣясь, громоздясь на лѣсахъ, громоздя на лѣса пирамидою ящики, забираясь на нихъ съ рискомъ рухнуть, сломавъ себѣ шею, но — отдаваясь капризамъ стремительныхъ линій, сшибая съ нихъ щепки, врѣзаяся вглубь деревянной, свисающей массы, — перепрокинувшись, свѣсившись внизъ головой, а то — вытянувшись и едва доставая руками до мѣста работы, — казалось, опять, какъ и прежде, мы будемъ размахивать: пятифунтовымъ молоткомъ; Нэлли дастъ мнѣ работу.

— «Снеси эту плоскость; да осторожнѣе — не заруби...»

— «Тутъ вотъ снять сантиметръ...»

— «Тутъ вотъ врѣзаться до шести сантиметровъ...»

— «Тутъ линія сходитъ на нѣтъ...»

— «Понялъ?»

. . . .

— «Понялъ: все понялъ!»

Кипѣлъ въ нашей комнаткѣ чай, — какъ и прежде; разбросаны чемоданы; градація разноцвѣтныхъ бумагъ; среди нихъ — планъ портала.

Вертя карандашъ, я чертилъ, перечерчивалъ плоскости формы, которую Нэлли вела скоро восемь ужъ мѣсяцевъ.

— «Нэлли, смотри-ка: а если бы тутъ вотъ мнѣ взять сантиметровъ на восемь; вести плоскость здѣсь!»

Нэлли, хмуряся, щекоча мнѣ лицо золотѣющимъ локономъ, силилась долго понять мою мысль, разрѣшить контрапунктъ плоскостей въ гармоничную тему, какъ будто бы въ линіяхъ пересѣченія плоскостей этой формы рѣшалась проблема всей жизни ея; вдругъ понявъ, что напуталъ я, засмѣялась она, нападая шутливо, переживая живѣйшую радость — о чемъ? — десятью лепестками двухъ ручекъ, зацвѣтшихъ багрянцами вечера:

— «Ай, ай, ай!»

— «Чтожъ получится?»

— «Ну и путаникъ же!»

— «Погоди-ка!»

— «Постой!»

И упавши на столъ — грудью, ручками, золотѣющей вѣей кудрей, морща лобъ, — начинала она перечерчивать плоскости формы; два глаза лучистыхъ и добрыхъ мягчили ея неуклонную думу чела; какъ оса, въ бѣломъ платьицѣ, перепоясанномъ чуть бряцающей цѣпью, сіяя лимонною столой, дымя папиросой, — напомнила мнѣ: молодого монашка, иль — вѣстника:

— «Милая, милая, милая!»

— «Погоди!»

— «Нэлли, брось: все равно — ничего не пойму!»

Но она, вся уйдя въ игру линій, меня поучала:

— «Вотъ тутъ — сантиметръ. . .»

— «Полтора сантиметра — вотъ тутъ!»

— «Пять — вотъ тутъ!»

Но, смѣяся, напалъ я на Нэлли: и потащилъ ее въ горы. . .

. . . .

Я помню тотъ вечеръ: я помню послѣднюю нашу прогулку; схватившись за руки, весело прыгали мы чрезъ продолбины, трещины, ямы — по направленію къ. . . Ангенштейну: съ лобастаго камня — на лобъ головастаго камня; подъ нами катился стремительный Бирсъ; и далекія прочеркни горъ, и далекія ясности тучекъ въ душѣ отлагались здоровьемъ и стойкостью; жмурилась Нэлли отъ солнца; и — закрывала лицо такой маленькой ручкой, напоминающей стебелечекъ цвѣтка: о пяти лепесткахъ; заиграли лука-

вости, будто она позабывши глубокія думы подъ солнышкомъ переживала живѣйшую радость — о чемъ? Ни о чемъ, можетъ быть: моя Нэлли — мудренная, сложная, строгая — показалась въ тотъ вечеръ мнѣ фейкой надъ водами.

Подъ ногами хрустѣли сухіе, корявые прутья; на облакѣ яснились просвѣтни; просвѣтни проговорили о томъ, — вотъ о чемъ!

Голосила далекая пушка: забѣгали многіе говоры: пушекъ Эльзаса: и Нэлли нахмурилась; вспомнилъ и я, что... — что эта прогулка моя — (я же — ѣду уже), я не здѣсь: я — отрѣзанъ войною; и послѣ, завтра нѣтъ, нѣтъ...

Невыносимая боль поднялась; но ее задавилъ я въ себѣ — не спугнуть бы мнѣ Нэлли!

— «Смотри!»

— «Что?» — откликнулась Нэлли, не глядя.

— «Смотри, какой воздухъ...»

Пролаяла пушка.

— «Ну что-жъ: воздухъ воздухомъ!»

— «Вотъ и чудесно!»

— «Совсѣмъ не чудесно, а — грустно...»

Пролаяла пушка.

— «Смотри, если ты у меня будешь раненъ, то...»

— «Нэлли, оставь...»

— «То... я...»

И она, повернувшись спиною ко мнѣ, какъ-то странно мотала головкой; темнѣло въ глазахъ у меня; мнѣ свѣтила она, мое солнышко, шесть съ лишнимъ

лѣтъ: — тридцать лѣтъ моихъ жадныхъ исканій свершалось въ Арбатскомъ квадратѣ; меня Нэлли — вырвала: страны летѣли на насъ; рой народовъ встрѣчалъ насъ; закаты, моря, цвѣты осыпали насъ блесками; вѣяла солнечнымъ воздухомъ Нэлли; — теперь обрывается все! Но блистающій, испытующій взглядъ оборвалъ мои мысли; она ужъ не плакала; этотъ сверкающій взглядъ, точно твердый рѣзецъ въ глубинѣ моей вырѣзалъ:

— «Вспомни Египетъ: мы вмѣстѣ глядѣли на Сфинкса!»

— «Мы вмѣстѣ взошли надъ пустыней: глядѣли въ пространства пустыни съ Хеопсовой Пирамиды!»

— «Мы вмѣстѣ склонялись предъ Гробомъ Господнимъ!»

— «И вспыхивалъ въ нашихъ рукахъ Святой Огнь!»

— «Помни — Брюссель!»

— «Фицнау!»

— «Берлинъ!»

— «Христіанію!»

— «Бергенъ!»

— «Нѣмой Дегерлохъ!»

— «Нюренбергъ!»

— «Копенгагенъ!»

— «Весеннюю Вѣну!»

— «И — Дорнахъ!»

— «Мы все это встрѣтили вмѣстѣ!»

— «Люби!»
— «Не забудь!»
— «Жди меня!»

Такъ сказалъ мнѣ блистающій взглядъ; но — словъ не было. Нэлли не плакала. Я ей отвѣтилъ безъ словъ!

— «Никогда, никогда, никогда не забуду!»

И вотъ, повернувшись спиной къ озлащеніямъ облаковой гряды, возводившимъ окрестности въ негасимые просвѣтни, — мы опускались: два Купола Зданія, бирюзѣвшихъ внизу, подъ ногами, сравнялися съ нами, возвысились; и — убѣжали наверхъ:

— «Навсегда!»
— «Не забуду!»

. . . .

Въ бѣлѣвшемъ плащѣ, опустивъ низко голову, будто ведя меня, — внизъ: предо мною сошла посвятительнымъ вѣстникомъ Нэлли — въ кудрявыя яблони, къ огонечкамъ; вотъ — тотъ огонечекъ, знакомый: онъ — въ комнатѣ доктора Штейнера; Нэлли строжайше блеснула глазами — на огонекъ, на меня:

— «Не забудь: никогда!»

Я — отвѣтилъ глазами:

— «Нѣтъ, нѣтъ!»
— «Не забуду!»

. . . .

На перекресткѣ дорогъ — силуэтъ: черноусый брюнетъ въ котелкѣ. — Поджидаетъ меня; онъ — подъ окнами нашего домика.

. . . .

Вотъ — моя комнатка (нѣтъ, не моя уже!), въ ней мои лишь одни чемоданы: меня уже нѣтъ!

ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ

Цѣлый день я пробѣгалъ межъ Дорнахомъ и Арлесгеймомъ; водилъ меня Э-ертъ; стояли въ «Gemeinde» мы: старый швейцарецъ, «Gemeinde-Rat», кряжистый, жилистый, сипло свистѣлъ, открывая огромный свой ротъ, въ желтозубіе:

— «Будьте увѣрены, да...»

— «Жена ваша можетъ спокойно здѣсь жить...»

— «Мы — васъ знаемъ здѣсь всѣ...»

— «Слава Богу: антропософы вы, — мирные люди!»

— «Чудаки англичане: такихъ бумагъ нѣтъ...»

— «Придираются...»

— «Если имъ нужна во что бы то ни стало такая бумага — то вотъ я написалъ ее».

— «Вотъ еще вамъ бумага!»

Хрипя, добродушный совѣтникъ «Gemeinde» прочелъ имъ составленное оповѣщеніе, что онъ, представитель «Gemeinde», рекомендуетъ меня всѣмъ чиновникамъ всѣхъ посѣщаемыхъ странъ, какъ человѣка достойнаго, добрыхъ общественныхъ правилъ —

бѣдняга: не зналъ онъ, что англичане лишь фыркнуть на эту бумагу:

— «Прощайте же, В***!»

— «Добрый путь...»

— «Возвращайтесь назадъ!»

— «О женѣ не тревожьтесь...»

Я крѣпко пожалъ закорузлую руку «совѣтника»; и «совѣтникъ», оправивши брюки, сутуляся, поплелся въ сарай ворошить свое сѣно...

. . . .

Послѣднее впечатлѣніе отъ «Зданія» — ослѣпительный, громкій ударъ: прямо въ лобъ!

Я бѣжалъ вдоль веранды (то было въ послѣдній мой дорнахскій вечеръ): въ послѣдній разъ бросить прощальный тоскующій взглядъ — на то мѣсто, гдѣ долго работали мы; и налетѣлъ на бревно:

— «Бацъ!»

Посыпались искры: посыпались «миги», сверкнувшіе въ Дорнахѣ; будто стремительно оборвался въ ничто; я увидѣлъ конецъ! Сломъ путей, иль... сломъ черепа... — скоро очнулся: лежалъ на спинѣ; еле-еле поднялся; казалось, что я — безголовый, что отъ удара скатилась моя голова:

— «Гдѣ она?»

— «Подобрать бы ее?»

Но сильнѣйшая боль разливалась подъ черепомъ: стало мнѣ — дурно.

Не помню, какъ сползъ я съ холма, какъ, шатаясь, доплелся я до дому; Нэлли, склонясь надо мною

съ компрессомъ, — тихонько ласкала меня; я же былъ — безголовый!

А — можетъ быть сотрясеніе мозга?..

Забылся...

. . . .

Вотъ утро!

Да, — я безголовый, безчувственный: голова моя — съ Нэлли, а туловище безголово покатится — дальше и дальше, и дальше — куда?

Голова моя пухнетъ — какъ куполъ Іоаннова Зданія!..

Постучали къ намъ съ Нэлли — сестра и товарищъ... Пора уѣзжать!..

. . . .

Помню: Нэлли стояла — вонъ тамъ, подъ окошкомъ вагона; махала платочкомъ; и — плакала; помню стоялъ я въ окошкѣ вагона; махалъ ей платочкомъ и — плакалъ; то было во снѣ; мнѣ казалось, что все позабыто...

Очнулся: вагоны стучали, вагоны бѣжали; мелькнули въ окнѣ купола; и — пропали; и — нѣтъ ихъ, какъ... нѣтъ ничего, ничего!

. . . .

Набѣжали туманы; ихъ прокипи ниспадали; вотъ-вотъ оборвутся холодными каплями; я — безголовое тѣло — сидѣло, уставившись глазъ остеклянною впадиной въ дыры и пасти грядущихъ судебъ моихъ.

Старый пиджачникъ съ вонючей сигарой въ слюнявыхъ губахъ проскрипѣлъ убѣждающимъ тономъ кому-то напротивъ:

— «Io, jo! ..»
— «Meine Herren!»
— «Война есть великое зло. . .»
— «Io, jo, jo!»

. . . .

— «Нэлли!»
— «Гдѣ ты!»
— «Спаси!»
— «Помоги!»
— «Я — разбился. . .»

. . . .

— «Io, jo!»
— «Ничего не подѣлаешь!»
— «Подорожали продукты. . .»
— «Война!»

ДО ГРАНИЦЫ

Наконецъ, всѣ экзамены кончились; мы на вокзалѣ. Перроны кипятъ гулкимъ людомъ; уже сундуки, чемоданы, р у л о — плавно ѣдутъ надъ оголтѣлыми кучками; черезъ головы прыгая, перекидныя картонки уплясываютъ по направленью къ вагонамъ на

бронзовыхъ ихъ пинкомъ прошибающихъ кулакахъ; всѣ бросаются съ мѣстъ; протестуетъ какая-то дама; желаетъ добиться хотя бы малѣйшаго толка вонъ тотъ загорѣлый усачъ; вонъ и пять малышей, прижимаяся къ траурной дамѣ, испуганы — плачутъ; бросаемся мы: занимаемъ мѣста; въ шумѣ, въ грохотѣ, въ пантомимѣ локтей проскочила сквозь все неживая фигурочка, сопровождавшая насъ на вокзалѣ повсюду.

Вагонная толкотня разрѣшилась; и мы — уплотнились, уплющились съ кѣмъ-то; полковникъ, весь блещущій, въ алыхъ штанахъ, дребезжа ясной шпорой, стрѣляя глазами летитъ мимо оконъ вагона.

И — тронулся поѣздъ; поѣхали въ противоположную сторону отъ Россіи — въ Россію, черезъ моря, черезъ рядъ чужихъ странъ; невѣсомыя плоскости стѣнъ тихо тронулись и — замелькали за стеклами оконъ; Бернъ дрогнулъ; роями домовъ, точно стадомъ сгорбаченныхъ допотопныхъ животныхъ, бѣжалъ мимо оконъ вагона; ругаяся дымомъ, летѣли дома по холмамъ; и сжималися въ домики; линіи крышъ сжались въ грязную, отбѣжавшую кучу; очистились холмики, проступивъ своей зеленью. Бернъ, точно спугнутые съ водопоя рои носороговъ, оттопталъ, пропалъ, сгинулъ...

. . . .

И — нѣтъ больше почвы: вѣдь Дорнахъ былъ мнѣ тѣмъ кусочкомъ земли, на которомъ я могъ стоять крѣпко до той поры, когда рухнуло все: міровая война заревѣла пустотами міра, проѣла стальны-

ми зубами — тѣла, души наши: казалось, что Нэлли и я, — мы, прижавшись на этомъ послѣднемъ клочкѣ, ужасаяся, свѣсились надъ пустотой, куда рухнули: Англія, Франція, Сербія, Турція, Австрія, Пруссія и Россія; такъ, — вмѣсто Европы, на насъ набѣгаетъ н и ч т о; впечатлѣнье кошмара охватывало зачастую меня; и вотъ я теперь самъ ѣду рушиться — въ никуда!

Изъ меня — въ никуда! — что-то тронулось; все снялось съ мѣста; и все отъ меня поотстало; я, ѣдущій отбывать м і р о в у ю в о й н у — ужъ не я, я какой-то пустой, просквозившійся несчастьемъ міра, мѣшокъ съ совершенно случайною надписью (имя рекъ) и — безъ всякаго содержанія.

— «Кто тутъ — я?»

— «Кто же такъ?»

— «Неужели я, Имрекъ, поѣхалъ, чтобъ стать тамъ убійцею?»

— «Что же это такое?»

— «Куда ѣду я?»

— «По какому закону?»

Отвѣчали колеса вагона:

— «Ру-ру! Никакого закона! .. Ру-ру! Отмѣняется все... Ру-ру-ру: законъ крови».

Казалося: путешествіе протягивалось; есть разъятіе почвъ, на которыя я наступалъ; упаданіе міра въ неизмѣримости; и не Франція, Англія, Швеція пересѣкутъ мою орбиту, а Луна, Солнце, Марсъ повстрѣчаются мнѣ въ обреченной на неудачу попыт-

кѣ, перескочить пустоту, разстояніе отъ земли до созвѣздія Пса, возвратиться въ Россію...

А Нэлли еще оставалась въ томъ мірѣ, который навѣки, быть можетъ, ушелъ отъ меня.

. . . .

Вспомнились мнѣ мои вечера въ Дорнахѣ: легкими веснами строились легкія вечеровыя фантазіи въ воздухѣ; мы преклонялись къ приступочкѣ нашего домика; мы наблюдали безмолвно, какъ тамъ, надъ раскинутымъ куполомъ, таяли бѣлыя облака; и тихимъ голосомъ Нэлли мнѣ вѣяли вздохи:

— «Слушай, кто знаетъ, что будетъ...»

— «Нѣтъ, Нэлли, о — нѣтъ: я безъ тебя не могу провести двухъ недѣль; помнишь, какъ я, бросивши все, къ тебѣ бросился изъ подгорій Лозанскаго озера!»

— «Знаю: кто знаетъ... Нашъ путь — черезъ міры, черезъ планеты. Нашъ путь — въ тысячелѣтіяхъ времени... Мы еще множество разъ разойдемся... И снова сойдемся... Мы долгія воплощенія проведемъ другъ безъ друга...

— «Нѣтъ, нѣтъ: никогда, ни за что!»

Припоминался мнѣ сонъ: мнѣ приснилось, что я уѣзжаю; ужъ близится осень; послѣдніе листочки взвизгнули въ воздухѣ; руки свои я протягиваю, а Нэлли подхватываетъ; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ руки касаются рукъ, образуется раздѣленіе; почвы падаютъ; я — рушусь съ ними отъ Нэлли, назадъ. Въ моихъ пальцахъ не пальчики Нэлли, а — эдельвейсы, которые прижимаю я къ сердцу. Тутъ я просыпаюсь.

Мы юными веснами вспоминали туманные сны; и глядѣли на дали: луна поднималась грустнѣющимъ кругомъ — надъ лугомъ; настойная ночь приближалась (она — настоялась на днѣ)... а въ изгибѣ чуть-чуть розовѣющихъ Нэллиныхъ губокъ прорѣзывалось, будто память, о тягостномъ горѣ, которое гдѣ-то мы съ ней пережили, или, можетъ быть, переживемъ еще въ будущемъ: поникая, сидѣла она безъ кровинки въ лицѣ; и сырые туманы — окрестности тмили; и — ухала пушка; а на лугахъ голубѣли цвѣты.

Наступало цвѣточное лѣто. И снова сидѣли — на той же приступочкѣ; въ бѣлоглавыхъ громадахъ плясали безгласыя молніи; я, наклоняясь, шепталъ ей о томъ, что ужасныя силы вцѣпились въ меня, что мнѣ душно и страшно: когда я одинъ, кто-то, тихо, подкравшись, подсматриваетъ въ еле видную скважину двери сѣрѣющимъ мертвымъ лицомъ, собираясь меня уличить, приглашая свершить непонятныя вещи: поймать въ этомъ.

— «Нэлли!»

— «Молчи!»

— «Я съ тобою еще!»

— «Я тебя защищаю!»

— «Наступитъ вотъ время, когда...»

Наклонялась она бирюзовой сестрой надо мной; пробѣгала улыбкой, какъ солнечнымъ зайчикомъ по душѣ; мнѣ смѣялась; и мы — отдыхали; и пряные

запахи сѣна мы нюхали. Нэлли со мною была; не наступило еще... Но — ухала пушка.

Октябрь! Облагали окрестности вѣтрища мокраго пара. Слетали сады; у ручья, отдыхая на камнѣ, я сиживалъ, свѣсившись въ пропасти; я горевалъ о минувшемъ: мы такъ одиноки! — Сутулымъ бродягой шатался близъ Дорнаха; хладени водъ, кипятки водотековъ слетали подъ ноги. Я возвращался; и Нэлли встрѣчала меня:

— «Ну, чего ты нахмурился»...

— «Я вѣдь съ тобой еще»...

— «Будетъ время, когда»...

(Наступило: бездомный шатунъ, я сутуло блуждаю по міру).

А зимами — въ перетопленной комнатѣ читывалъ я ей отрывки изъ повѣсти: «Котикъ Летаевъ»; она — поправляла; намъ выли вѣтры; гололедицей падали крутни; изъ Нэллиной грудки, тепломъ вырostая и облекая, какъ солнцемъ меня — всходило о н о: мое счастіе; предо мной, проницая улыбкой луча, освѣтленная Нэлли сіяла безгласными смѣхами; — вспыхивалъ свѣтъ!..

Это были лишь отблески; въ тяжелой болѣзни (о ней — скажу ниже) терялъ воспріятіе свѣта, который восходитъ изъ сердца; переполняетъ глаза, изливается блесками глазъ, и переплавляя дѣйствительность — грѣлся отъ Нэлли: она мнѣ, больному, смѣясь, отдавала свой свѣтъ.

До болѣзни во мнѣ прилетаніе **умнаго** свѣта усилилось (а впослѣдствіи, потерявъ умный свѣтъ, я набросился съ жадностью на теорію Гетева Свѣта; ее невозможно понять безъ умѣнья свѣтиться); огнелеты въ глазахъ высѣкаемыхъ искръ, вылетавшихъ изъ глазъ ослѣпляли; я понялъ слова:

— «Онъ ушибся до искры изъ глазъ»... Эта «искра» бываетъ дѣйствительно; я стоялъ, какъ осыпанный градомъ ударовъ, порою разорванный взрывами мыслей, влекущихъ меня и туда и сюда, проницающихъ все существо и терзающихъ все существо, точно Гарпіи, низлетавшія свыше, чтобъ выхватить, точно Гарпіи душу изъ тѣла: отдать ее Духу.

Въ мигъ **выхвата** — сотрясалась душа; и отъ нее — мое тѣло; — и вѣяло тысячеградуснымъ жаромъ, какъ изъ плавильнаго горна; и ароматы сластили мнѣ губы мои; въ головѣ возникалъ муравейникъ; по темени, — какъ струи кипятка! а изъ глазъ — точно гейзеръ; и Нэллиныхъ глазъ я не видѣлъ: два гейзера! Я постигалъ:

— «Я есмь Ты!»

Галлюцинаціей я не могъ бы назвать изліяніе пламени изъ меня: —

— Не придавалъ
имъ значенія,
сознавая, что —

— ясности

искры, быть мо-

жетъ, — явленія физіологіи: увеличеніе угольной кислоты въ моей крови отъ перемѣны дыхательныхъ ритмовъ: —

— подсматривалъ прощупи Духа подъ кровомъ сознанія.

Да: —

— одно время я былъ, какъ сожженный ниспадавшимъ огнемъ; а — внѣ этихъ огневыхъ прилетовъ, себя ощущалъ: пропаленной колодою; вспышки во мнѣ начались за два года (еще до войны); были рѣдки сперва; учащаяся ритмами, прерывая мнѣ рѣчь, такъ что я потерялъ всякій даръ выражаться (меня въ это время не видѣли русскіе: вѣрно сказали-бъ они — «Леонидъ Ледяной превратился въ болвана!»)

Я сталъ замѣчать соотвѣтствіе между цвѣтомъ мелькающихъ искръ и своею моральной фантазіей; въ пору душевной работы отчетливо мнѣ высѣкалися индиго-синія пятна; въ періодъ упадка цвѣтъ вспышекъ изъ индиго-синяго зеленоватыми тонами переходилъ въ цвѣтъ оранжево-ржавый; по вспышкамъ справлялся о собственномъ состояньѣ сознанія:

— «А!»

— «Дѣло плохо».

— «Покрылся ты ржавчиной...»

— «Палъ. . .»

Эти возгласы не доходили до сферы сознанія; я замѣчалъ, что морально читаю цвѣта; но еще удивительнѣй: сталъ замѣчать я, что нѣкоторые изъ сестеръ и изъ братій А. О-ва, въ миги оранжево-ржавые, съ явной враждебностью отъ меня сторонились, не обнаруживая въ словахъ, обращенныхъ ко мнѣ, своего отношенія; наоборотъ же, когда я синѣлъ, то съ довѣрчивой лаской встрѣчали; я строилъ свой выводъ: да, нѣкоторымъ изъ меня окружавшихъ дано яснозрѣніе, которое обнаруживаютъ не въ словахъ, а въ поступкахъ они; среди нихъ моя Нэлли, ласковая и упрекавшая молча; испытывалъ стыдъ, ощущая себя грязно-ржавымъ; я зналъ, что меня проницаютъ, читаютъ цвѣта мои; Нэлли, почувствовавъ это, насильно тащила на люди меня:

— «Да иди же! . .»

— «Вѣдь экая, подумаешь, цаца! . .»

— «Желаетъ ходить, развернувши павлиній свой хвостъ. . . »

— «Походи и вороной въ общипанныхъ перьяхъ. . .»

— «Не проведешь: да и кому нужны ему твои ауры!» смѣясь и ударяя шутливо меня своимъ маленькимъ, но стальнымъ кулачкомъ, нахлобучивъ мнѣ шапку съ опущенными полями на голову и набросивъ на плечи пальто, моя Нэлли преважно вела за пустой мой рукавъ черезъ стогны Берлина, — на засѣданіе, гдѣ ждалъ позоръ: былъ я — ржавый.

Ахъ, гдѣ это?

Съ начала войны, образовалася грязнорыжая муть, отрѣзавшая отъ источника Свѣта; подкрадывались припадки болѣзни; цвѣтъ индиго-синій смѣняля зелеными, желтыми вспышками; ржавыя красно-зубчатыя стрѣлы и зубрины отъ меня разлетались; потомъ все — закрылось; мгла жизни предстала: обстала; и въ свѣтѣ дневномъ сталъ мнѣ мглою во мглѣ дневной свѣтъ.

Вспоминаю я: долгими вечерами меня согрѣвала тепломъ моя Нэлли, сплошное и неживое «оно», я часами просиживалъ, не отрывая тоскующихъ глазъ отъ нея, какъ... больная собака; вокругъ, разливая улыбки лучей, освѣтленная снѣгомъ, лазурью и пурпуромъ, Нэлли прозрачнилась и вмѣсто глазъ обдавали тепломъ закипѣвшіе гейзеры: вѣяло — тысячеградуснымъ жаромъ — стоялъ, какъ осыпанный градомъ ударовъ, разорванный взрывами мыслей, терзающихъ все существо безконечною силой любви: любилъ Нэлли!

Куда это все отошло? И гдѣ Нэлли?

— «Куда ѣду я?»

— «По какому закону?»

Но отвѣчали колеса вагоновъ:

— «Ру-ру: никакого закона... Ру-ру... Законъ крови».

Я — выхваченъ; вырванъ: больной, неживой, угасающій ввергнутъ въ ничто, проговорившее пушка-

ми: милый клочекъ земли, на которомъ сидѣлъ — онъ оторванъ. Вспомнилъ слова Нэлли:

— «Съ тобой еще! . .»

— «Я тебя защищаю. . .»

— «Наступитъ вотъ время, когда. . .»

И оно наступило!

Пустое усталое тѣло сидѣло: не плакало; а пассажиры смотрѣли: и — безучастно кивали, шепчась про меня. . .

Протуманилось бѣлесоватое Невшательское озеро; мы вотъ — надъ нимъ; нападаетъ туманная сырая ночь; изъ туманной ночи огоньками границы оскалилась Францiя.

Вотъ и — осмотръ! . .

Мы — становимся въ очередь; пробѣгаютъ по грязненькой комнатѣ ощупи чьихъ-то внимательныхъ глазъ, прилипаютъ къ глазамъ, прилипаютъ къ рукамъ, прилипаютъ къ карманамъ; и рыщутъ, и убѣгаютъ: это — стаи мышей; проѣзжала тамъ куча р у л о, сундуковъ, чемодановъ, какъ странная черепаха, — надъ головами галдящей, а то притихающей предъ осмотромъ испуганной кучки, навѣрное, э м и г р а н т о в ъ, а, можетъ быть, и шпiоновъ; и — побѣжали картонки, запрыгавши намъ черезъ головы, на пинкахъ перекидывающихъ кулаковъ, принадлежащихъ горластымъ французамъ.

Во Францiи — мы!

РУБИКОНЪ ПЕРЕЙДЕНЪ!

Впечатлѣніе перемоганія стаи мышей, неожиданно юркнувшей на толпу пассажировъ изъ многонорныхъ отверстій, иль глазъ черноусиковъ, чернобородиковъ — вотъ чѣмъ встрѣтила Франція! Я былъ — пустое пальто съ суетливо болтающимися рукавами и съ прихлопнутой къ воротнику широкополой шляпой; я — подлинный «я» — оставался у Нэлли; она — пустое пальто, тоже вставшее въ очередь; обращали вниманіе: оборотень, переодѣтый, шпіонъ...

— «Отъ чего «онъ» такой?»

— «Обратите вниманіе»...

— «Странно!»

— «Да, да...»

Оболочка (иль низшее «Я»), просидѣвши два года въ Швейцаріи и два года водимая Нэлли, хватавшей ее, оболочку, два года, за хлопающій въ пространствѣ два года рукавъ, и тащившей два года работать подъ куполъ Іоаннова Зданія — оболочка не подозрѣвала, какой совершился чудовищный маскарадъ и какія ужасныя маски таскались на станціяхъ, роясь на границахъ; теперь же, наткнувшись на гвозди вгоняемыхъ въ душу ее пригвождающихъ глазъ, оробѣла она и на проткнутыхъ ребрахъ повисла.

Уже горбоносыя лица протискивались въ толпу пассажировъ, протиснутыхъ; справа — полиція; слѣ-

ва — полиція; выросшій сербъ, освѣдомлялся на ломанномъ русскомъ нарѣчіи, есть ли тутъ русскіе.

Толстаго господинчика повели раздѣвать, и ощупывать; онъ — не пугался; онъ былъ — контръразвѣдка; его уводили для вида, чтобъ послѣ втерѣть его въ насъ; онъ втирался въ довѣріе.

Первый осмотръ! Предстоитъ впереди еще множество точно такихъ же; во что превратимся?

Остановили кого-то: укушенный взглядами, кто-то бросалъ разъяренные взгляды въ агента, который зашарилъ въ карманахъ его.

— «Ну-ка?»

— «А?»

Тамъ кого-то вели къ деревянному столику; и — задавали вопросы, которые не касались осмотра:

— «У васъ кто въ Бретани?»

— «Скажите, а чѣмъ занимался братъ дѣдушки вашей жены?»

— «Какимъ мыломъ?»...

— «Какія вы курите папиросы?»

Хотѣлось смѣяться.

Но вдругъ черноусый чиновникъ выстрѣливалъ отъ деревяннаго столика — въ душу:

— «А вы — изъ Германіи?»

Хвостъ пассажировъ тутъ вздрагивалъ (сидѣли когда-то въ гимназіи мы; и подъ партой крестили свои животы).

— «Такъ вы говорите, что — нѣтъ?»

— «Вы — свободны!»

— «Идите!»

И — принимался за слѣдующаго; а отходящій отъ деревяннаго столика у барьера (границы) за столикъ и за границу себя ощущалъ побѣдителемъ: тотчасъ же чувствовалъ онъ: кто-то крадется; чувствовалъ въ положеніи укротителя звѣря себя; не на то бросишь взглядъ; были тайные кодексы правилъ контроля; не такъ поглядишь — появившійся агентъ полиціи воровскими ухватками, нѣмо возводитъ свое обвиненіе въ позорномъ поступкѣ, совершенномъ во снѣ, можетъ быть: не совершеннымъ нигдѣ:

— «Э, э!»...

— «Что?»

— «Эгеге!»

Ощущеніе сна охватило меня: гдѣ-то сонъ этотъ снился; брюнетъ отвратительный снился и точно такой же, съ такой же гадкой улыбкою снился:

— «Э, э!..»

— «Было, было!..»

— «Э, э!»

— «Эгеге!»

И вотъ дѣйствіе бывшаго сна, — перенеслось (черезъ вѣка) на границу Швейцаріи; чувствовалось: непоправимое совершится — вотъ здѣсь, вотъ сейчасъ; міръ явленій разсыплется; выступитъ страшная тайна: то — тайна войны; обнаружится: нѣтъ и борьбы; это — игры, затѣянныя шайкой мерзавцевъ, вылавливающихъ жертвы по списку.

— «Э, э!»
— «Эгеге!»

Внятный голосъ въ себѣ я разслышалъ.

— «Огненнаго испытанія, какъ приключенія для васъ страннаго, не чуждайтесь»... —

— Гдѣ снилось все это? мое положеніе въ мірѣ отчетливо сонъ отразилъ: въ одномъ мірѣ я —

— «Я», побѣдоносное, неизмѣняемое и узрѣвшее свѣты; въ другомъ — «я» — пустое пальто, за которымъ гоняется шпикъ, чтобы, схвативши, повѣсить его... въ своемъ шкафѣ! Не шпикъ (это — маска), а Врагъ, проходящій сквозь жизнь и затѣявшій міровую войну, чтобъ меня обвинять въ шпіонажѣ; онъ велъ свой подкопъ; пришло время взорвать меня: «Я» — будетъ взорвано; бреши и дыры проступятъ; пройдетъ изъ подземнаго міра мой Врагъ — въ потрясающемъ, въ истинномъ, въ до-человѣческомъ обликѣ!

...Когда восходилъ я къ границѣ духовнаго міра, то перевертывалось отношеніе межъ воспріятіемъ и пережитіемъ; пережитіе, излетавшее изъ глубинъ существа, становилося воспріятіемъ свѣта во мнѣ; и меня обливало изъ воздуха свѣтожарами, прыщущими, какъ орнаменты цвѣтокрыльныхъ огней; по иному я видѣлъ цвѣта; по иному я видѣлъ цвѣты; въ расположеніи лепестковъ, въ ихъ количествѣ, въ способѣ завиваться, себя объясняли мои свѣто-

крылые ритмы; растенія наши — застываніе ритма: огней.

Подобныя воспріятія учащалися съ Бергена, — въ пору, когда пережилъ изъ грядущей эпохи себя: развивались стокрылыя мощи въ моемъ существѣ; болью корчилось тѣло, ломимое духомъ, отъ рѣжущаго удара — по направленію: отъ темени къ сердцу; и — екало сердце —

охватывалъ страхъ; то, что будетъ, къ тому еще я не готовъ; —

и неизбѣжно меня ожидающій актъ отразился на тѣлѣ моемъ операціей; приподнималась задача: —

— умѣть, овладѣть:

изъ нутри — ясномысліемъ; и извнѣ — вспышкой свѣта; и чуялось: въ очищеніи тѣла приходитъ привычка: выдерживать свѣточи, привязать ихъ, какъ крылья, къ себѣ...

... Въ состояніи ясной повышенной мысли я чувствовалъ: —

— Яснится токъ свѣтовоздуха, опускаясь надъ теменемъ, вызывая въ сознаніи образъ летящаго свѣтлаго диска на двухъ крылоручьяхъ; будто бы: кто-то старинный и милый, сверга-

ясь изъ бездны временъ на меня, одѣвая душистымъ тепломъ, какъ одеждой, пронизывалъ: жилъ во мнѣ; расправлялъ и вытягивалъ вѣеры крылій во мнѣ — изъ меня; ихъ вращалъ; ритмокрылыми брызгами вскидывалъ руки: —

— разъ Нэлли меня уличила: производящимъ движенья руками; застала меня въ комнатѣ; не засмѣялась: сказала серіозно:

— «Послушай, тебѣ не мѣшало-бъ заняться теперь эвритміей; гармонизируетъ тѣло она»... Показалося дикимъ: лысому господину, отдаться вдругъ — танцамъ.

. . . .

Духовные дни истекли; тѣлесныя тяжести нападали опять; многокрыліе, обитавшее тайно во мнѣ, и меня полюбившее, — приподымалось, снималось, слетало, меня оставляя въ ущеліяхъ плоти; цвѣтокъ, расцвѣтавшій изъ сердца, рукой роковой вырывался; и корни его выдирались изъ сердца, которое ощущалъ я пустымъ; ниже сердца, которое ощущалъ я пустымъ, тамъ подъ ложечкой, просыпалось ч у д о в и щ е: начиналось кишеніе змѣевыхъ, свивавшихся массъ; по ночамъ просыпался я въ страхѣ; казалось: ползутъ на меня — обвиваютъ и душатъ;разъ видѣлъ я сонъ: —

— что вбѣгаю въ квадратную комнату, принадлежащую мнѣ; надъ постелью моей раз-

вился толстотѣлый удавъ; уронивъ на подушку мордастую голову, смотритъ онъ пристально малыми глазками; знаю я, что долженъ я лечь на постель, положивъ свою голову рядомъ съ мордастымъ удавомъ и выдержать то, что отсюда возникаетъ. Я понялъ, проснувшись: удавъ — мои страсти... —

— И вотъ переживанія сна повторялись чрезъ два съ лишнимъ года — уже на яву: это было въ Швейцаріи; въ пору ту чувствовалъ я: ниже сердца, которое ощущалъ я пустымъ, начиналось кишенье змѣевыхъ, свивавшихся массъ; разъ, въ квадратную комнату: передо мною, на столикѣ развалясь толстомордый швейцарецъ, склонивши на руку мордастую голову, пристально посмотрѣлъ на меня; и отъ этого взгляда меня охватилъ ужасъ смерти; я чувствовалъ, что я долженъ подсѣсть къ толстомордому господину и, положивъ рядомъ шляпу, прислушаться къ предложенью, которое намѣревался мнѣ сдѣлать брюнетъ; показалось, что онъ собирается, бросившись на меня, ухватиться за горло: напомнилъ онъ удава; припомнился сонъ; —

— и я вышелъ на улицу.

. . . .

. . . .

Здѣсь, на швейцарской границѣ, охватывалъ ужасъ; и вспомнились снова кафе; толстомордый

французъ мнѣ напомнилъ швейцарца; прорѣзалось явственно тѣло удава сквозь тѣло его; надлежало мнѣ тоже, какъ всѣмъ, подойти, согласиться на то, что предложатъ за столикомъ.

Удавъ — мои страсти; ну, а французъ, а граница — не можетъ же все это быть моей страстью, вдругъ повылѣзшей: ниже сердца, которое ощутилъ вдругъ пустымъ, поднималось чудовище: чувствовалось кишенье змѣевыхъ, свивавшихся массъ...

. . . .

Переползалъ хвостъ людей къ роковому барьеру: къ осмотру! И медленно передвигались мы, сжатые имъ; на спинѣ, на затылкѣ, на шеѣ своей ощущалъ я прилипшіе взгляды; и безтолочь въ ночи слагала чудовищный абракадаберный бредъ; поднималось въ душѣ что-то древнее: глухонѣмою безсонницей дѣтскихъ ночей, обнимающихъ жаромъ и заставляющихъ все существо распухать, и подсматривать, какъ за спиной обрушаться въ спину забытые ужасы.

Я — обернулся: глаза мои встрѣтились съ горбоносымъ брюнетомъ: —

— брюнетъ

въ котелкѣ!

Тѣмъ брюнетомъ онъ былъ, кто стоялъ еще въ Дорнахѣ на перекресткѣ дорогъ, наблюдая за виллою Штейнера и за окнами нашими, — присѣдая, покуривая, неподалеку отъ спуска у купы деревьевъ; бывало иду, — укрываетъ лицо свое онъ. Его видывалъ въ Цюрихѣ: поселился въ

моемъ отелѣ, — стѣна со мной въ стѣну; и велъ себя тихо; и, просиди въ своей комнатѣ я цѣлый день, я слѣдовъ за стѣною не могъ обнаружить.

Ловилъ меня въ поѣздѣ; онъ садился въ вагонѣ не рядомъ, — а наискось, гдѣ-нибудь въ уголкѣ: весь укрытый въ тѣняхъ: —

— отдавалась душа пейзажу летящихъ долинъ, деревень съ обрамляющими ихъ горами, покрытыми виноградниками, —

— прилипающій взглядъ обжигалъ мнѣ затылокъ; повертываясь обнаруживалъ я: —

— черный глазъ, кончикъ уса и сбитый на бокъ головы котелокъ.

— Я старался съ презрѣніемъ относиться къ сопровождающей личности, — обволакивалась безпокойствомъ душа; стоило невѣроятныхъ усилій, чтобы не сдѣлать сидящему спутнику маленькой гадости: проходя, не задѣть край газеты.

Лицо моего незнакомца (слишкомъ знакомаго!), спутника, я не могъ обнаружить: усы, носъ горбомъ, пуговица вмѣсто глазъ — вотъ все.

Появленіе **брюнета** сопровождалось какимъ-то особеннымъ физіологическимъ ощущеніемъ, напоминающимъ вспышку нервоза: вываливаясь изъ груди, трепыхалось на сонныхъ артеріяхъ сердце, какъ птица, — на мнѣ!

На французской границѣ, уткнувшись лицомъ въ незнакомца, я чувствовалъ, что припадокъ нервоза, которымъ страдалъ, — поднимается: въ то же мгновеніе котелокъ подлетѣлъ надъ замасленнымъ кокомъ волосъ; горбоносый брюнетъ произнесъ:

— «Честь имѣю представиться».

— «Русскій?»

— «Какъ видите...»

— «Вы въ Россію?»

— «Въ Россію».

— «Вы — призваны?»

— «Да, такъ сказать, иль, вѣрнѣе — не такъ; ну, да все таки... Докторъ я».

— «Ваше мѣсто рожденья?»

— «Одесса».

Тутъ — двинулся хвостъ: по направленію къ барьеру.

Я очутился прижатымъ къ барьеру; и — я за барьеромъ уже:

— «**Alors vous allez tuer ces sales bôches**», прошепталъ мнѣ субъектъ, подмигнувши косыми глазами; мышиные взгляды уткнулись въ меня; протянулися многія руки: шарили, перетряхну-

ли бумажникъ; и — задали нѣсколько, совершенно неважныхъ вопросовъ:

— «Service militaire?»

— «Voyons!»

— «Vous allez tuer ces sales bôches?»

Я не вздрогнулъ: я видѣлъ, — меня наблюдаетъ другой, пока первый небрежно кидалъ мнѣ вопросы; я понялъ, что выстрѣлъ летуче сорвавшейся фразой, — экзаменъ: они же вѣдь знали, что ѣду изъ Дорнаха я, и что нѣкоторые изъ знакомыхъ моихъ — ненавистные боши:

— «Vous allez tuer ces sales bôches?»

На лицѣ, за которымъ слѣдили, не дрогнулъ и мускулъ; психологическій сыскъ виртуозенъ у нихъ; нужно двадцать столѣтій развитія, чтобъ пріемы утонченныхъ романистовъ пресуществить въ контръ-развѣдку...

ВО ФРАНЦІИ

Дверь распахнулась и — выпущенъ, выпущенъ. Вижу пустая платформа; то Франція; ночь... оголтѣлый свистокъ паровоза вдали; и — безлетные силуэты вагоновъ изъ сумерокъ; иллюминація свѣтовъ.

Вздохнулъ я свободно.

Попытка работать надъ утомленными нервами охватила меня: воспріятія впечатлѣній дороги болѣзненно разрывали меня; эдакъ — думалось — не до-

ѣдешь: засадятъ. Пытался я вызвать въ себѣ образъ учителя; и — лицо, озаренное свѣтомъ, возникло: морщинки, знакомыя черточки проступали изъ сумрака, — посмотрѣли глаза на меня...

Былъ періодъ, когда себя чувствовалъ я — перерѣзаннымъ отъ головы до пяты неизливною силой тепла; ощущеніе, что въ лѣвую ногу струится источникъ тепла, переходило въ другое: казалось мнѣ, что одна нога стала короче — хотѣлось прихрамывать.

Памятны мнѣ два явленія. Внутренній свѣтъ, какъ бы вырвавшись, засіялъ внѣ меня ослѣпительной явью; галлюцинаціей это явленіе я назвать не могу, потому что событіе свѣта не увидѣло; и сила явленія сосредоточилась въ мысли, которую оно отразило во мнѣ и которой оно было отсвѣтомъ.

Я разскажу о явленіяхъ этихъ; я былъ на концертѣ; я слушалъ Бетховена; въ мощной картинѣ вставала вся жизнь; человѣкъ мнѣ особенно близкій, вдругъ всталъ и, —

— обернувшись, уткнулся глазами; не вздрогнулъ, не вскрикнулъ; все — кончилось: —

— Что это?

. . . .

Свѣтъ:

ослѣпительный

свѣтъ, —

— исходящій изъ мрака:

а ликъ принадлежалъ
мужчинѣ пятидесяти
пяти лѣтъ, въ чер-
номъ, строгомъ и чо-
порномъ сюртукѣ;
на лицѣ же мор-
щинки, знакомыя
черточки стерлись —
— Сквозное изъ свѣта лицо,
будто сотканное брил-
ліантами бѣлыхъ лу-
чей, и отверстія
невыразимаго
свѣта воткн-
нулись въ
меня
«Я» —
— Вмѣсто глазъ!!

Я почувствовалъ —
надъ глазами сво-
ими обжегъ ки-
пятка; —
— Но

сейчасъ же (явленіе длилось съ
четверть секунды) сквозное
лицо вошло въ кожу; и —

проступили — морщинки у губъ и у глазъ блѣдно-бѣлаго лика; всѣ свѣты погасли; два глаза, глядящихъ въ пространство, въ толпу, надо мной, въ ни-

куда, — черезъ пенснэ что-то остро замѣтили; и — засмѣялись кому-то; рука помахала привѣтственно; кто-то, откуда-то поклонился пятидесятилѣтнему, бритому, черноволосому господину съ лицомъ, перечерченнымъ сѣтью морщинокъ, стремительно повернувшемуся къ намъ спиной; и—сѣвшему въ кресло. . .

. . . .

— Сквозное изъ свѣта лицо, будто сотканное изъ молній и выступившее изъ знакомаго перечерченнаго морщинками лица, —

— Чѣмъ могло оно быть? .. —

— Субъективная галь-
люцинація?
Свѣтъ Ѳавора?
Внушеніе?
Свѣтъ?
Я? —

— Объ

этомъ не думалъ нисколько въ то время; можно ли было спокойно мнѣ думать? Я помню, что что-то играли (Бетховена, Шумана); видѣлись спины цвѣт-

ныя (зеленыя, синія, бѣлыя) дамъ предо мною и черныя спины мужчинъ... —

— Такъ ударилось
Свѣтомъ въ
мен-
«Я»...

. . . .

Помню: разсѣянно наклонясь надъ лимонадомъ въ фойе, непосредственно послѣ явленія,—потрясенъ, удивленъ не былъ я: необычное мнѣ казалось обычнымъ, почти прозаическимъ по сравненію съ силой мыслей, во мнѣ клокотавшихъ; и, допивая глотокъ лимонада, я слышалъ, какъ Нэлли взяла меня подъ руку, потащивши въ переднюю. Я впослѣдствіи ей разсказалъ это все:

— «Понимаешь ли? Видѣлъ я — видѣлъ же: Свѣтъ. Видѣлъ — явственно, на мгновеніе. Но — глазами».

— «Не удивляюсь...»

— «Какой это свѣтъ? Умный?»

Не удивилась: все — знала...

. . . .

Другой разъ на лекціи Рудольфа Штейнера произошло то явленіе: —

— Слушаю
разъ объясненіе объ Аполлоновомъ Свѣтѣ, который, какъ бабочка, плещетъ крылами,
садясь на чело; —

—разыгрались слова во мнѣ; вотъ,

Кто-то —
— Милый —
— во мнѣ развернулъ свои теплые ритмы; происходящее въ залѣ я видѣлъ откуда-то издали; —
—все —
— Темнѣетъ,
— Темнѣетъ,
— Темнѣетъ! . . —
— Какъ будто бы убавили электричество:
головы,
спины
и кресла —
— уже просѣдаютъ во мракъ; тамъ, откуда-то, изъ набѣгающихъ сумерокъ поднимаются руки; —
—оттуда
пытается сказать что-то, сказать
Рудольфъ Штейнеръ;но —
— Что это? —
— Чувствую: —
— голова безпокровна: нѣтъ — черепа; чаша, въ которую льются потоки тепла — голова; наливается; изъ полувидящихъ глазъ разливается жидкій живой

золотисто-летаю-
щій свѣтъ
И —
— Наполняетъ пространство
угасшаго зала... —
— Мы — море трепещу-
щихъ свѣточей про-
ницающихъ ясными
крыльями бабочекъ
наши тѣла; свѣтовая
пучина клокочетъ; —
— ударъ, какъ бы въ темя
упалъ на меня; свѣтъ, трепе-
щущій, свѣтъ живой, золоти-
сто-летающій свѣтъ, свѣтъ изъ
глазъ —
— излетѣлъ,
— растворился,
— растаялъ —
— и —
— сквозь
него проступило опять электричество лампочекъ, ка-
федра, стулья и спины; я — двинулся: —
— замеръ отъ страха: я чувство-
валъ: —
— Жид-
кая
раство-
ренная

голова
колеба-
лась моя
на
раз-
сто-
яніи
не менѣе —
— полутора метровъ
отъ... отъ... отъ чего?
отъ — головы моей?

Продолженіе себя самаго надъ собой, какъ столбъ дыма, я чувствовалъ; двинулся я —
— с
ту
де
ни
сты
мъ
зиг
заг
омъ; —
— меня изъ
меня самаго, за меня ухватившись, вытягивалъ кто-то (не самъ ли себя я вытягивалъ?) Замеръ: —
— Я чувство-
валъ, что
при движеньи

я грохнусь:
прикосно-
веніе маленькихъ, Нэл-
линыхъ ручекъ, меня ти-
хо гладящихъ, тутъ
успокоилось снова; попро-
бовалъ двину-
ться — двинул-
ся... Встали, смѣ-
шавшись въ толпѣ
пестрыхъ столъ, брил-
ліантовъ, шелковъ, пид-
жаковъ, принимая участіе
въ возгласахъ —

— «Лекція!..»
— «И какая прекрасная!»
— «Какъ хорошо было сказано объ Аполлоновомъ свѣтѣ!»
— «О свѣтѣ іонической философіи»...
— «Нравится вамъ?» —

— Улучивши минуту, до боли я стиснулъ меня согрѣвавшую руку; и — зашепталъ Нэлли на ухо:

— «Понялъ: я понялъ...»
— «Да, Аполлоновъ свѣтъ — умный...»
— «А умный свѣтъ видится...»
— «Да, для меня говорилось...»
— «Я...»

— «Я, я, я...»
— «Понялъ, видѣлъ!»
— «Я?» — «Что?»
— «Что Ты понялъ?»
— «Что видѣлъ Ты?» —
— «Свѣтъ!»...

. . . .

Промелькнуло на Нэллиномъ личикѣ тутъ выраженье холодности, строгости даже, которое я воспринялъ враждебно:

— «Да замолчи же!»
— «Молчи!»

. . . .

Да, явленія Свѣта (воочію) — не удивляютъ меня; это было тому назадъ — девять лѣтъ; десять лѣтъ ничего я такого не вижу; и не увижу.

Такъ тьма поглотила меня.

ПЛАТФОРМА

Воспоминанія эти меня охватили, когда перешли мы границу.

Пустая платформа: то — Францiя; ночь: оголтѣлый свистокъ паровоза вдали; и — безлетные силуэты вагоновъ — изъ сумерокъ; кажется — въ черный воздухъ потянутся изъ отверстія двери рои черногих тѣней — не людей, — къ ясноглазымъ ваго-

намъ, намъ поданнымъ; входимъ съ товарищемъ мы: хорошо — никого.

Расположиться бы спать.

. . . .

Трахъ. — Дверь шарахнулась: и брюнетъ (въ котелкѣ), оказавшійся русскимъ, протиснулся съ чемоданами въ дверь; онъ наполнилъ пространство купэ ерундой своихъ возгласовъ.

Объяснилъ, что былъ докторомъ изъ Одессы; прилипши глазами ко мнѣ и касаясь меня непріятными, цѣпкими пальцами, поспѣшилъ онъ крикливо намъ выяснить, что въ Швейцаріи, въ клиникѣ по сердечнымъ болѣзнямъ, три года работалъ; теперь призывается, какъ и я, на военную службу; насъ трепалъ по плечу; развалясь, задиралъ свои ноги — съ нахальствомъ, казавшимся благодушіемъ; мнѣ, москвичу, принялся объяснять онъ Москву; и—довелъ до мигрени; я вытащилъ одеколонъ; сталъ примачивать голову.

Обезьяннимъ движеніемъ цѣпкой руки вырвалъ онъ пузырекъ у меня; и, приставивъ къ моргающимъ глазкамъ, разсматривалъ:

— «Ха».

— «Пузырекъ то? ..»

— «Изъ Кельна. . .»

Блеснуло отчетливо:

— «Шпикъ».

Негодующе вырвавши пузырекъ, показалъ ему я — дополнительную наклейку съ отчетливой надписью: «Базель».

— «Смотрите-ка».

Онъ — не сконфузился.

— «Около границы Эльзаса?»

— «Что дѣлали вы столько времени тамъ?»

Отвернулся, закрылъ я глаза, сдѣлалъ видъ, что дремлю; продолжалъ наблюдать съ добродушной покорностью сыщика (переносять блоху: съ порошкомъ противъ блохъ можно даже съ комфортомъ сидѣть въ третьемъ классѣ).

Стучали вагоны; бѣжали по Франціи; вѣяло вѣтромъ въ окно; голова моя прыгала, ударяясь о доски; толкались вагоны.

Сверканія электрическихъ фонарей бѣлымъ блескомъ влетали и — вылетали.

Дневное сознаніе разъялось на части: граница сознанія передвинулась. Былъ за границей.

ЗА ГРАНИЦЕЙ СОЗНАНІЯ

Что-то старинное выплывало, какъ въ дѣтствѣ, — когда-то.

Мѣнялись предметы; вычерчивались невѣроятнымъ узоромъ; склоняли ко мнѣ черногорія головы; грязное, грузное, волосато-хохлатое что-то вонъ тамъ копошилось: —

— б р ю н е т ъ в ъ к о т е л к ѣ.

Я пытался глядѣть на его силуэтъ, отвлеченный отъ черточекъ, отъ штришковъ, отъ ужимокъ, которыми онъ себя осыпалъ, точно пудрой; и пудра слетала; подъ пудрою обнаружилось явственно: —

— онъ!

Принадлежалъ о н ъ къ чему?

Къ международному обществу сыщиковъ? Или — къ братству, подстерегающему всѣ нѣжнѣйшія перемѣщенья сознаній, чтобъ ихъ оборвать? Вѣрнѣе былъ сыщикомъ онъ международнаго общества сыщиковъ, руководимаго братствомъ, которое провѣтвясь въ среду сыщиковъ, международныхъ, вѣтвилось въ средѣ національнаго сыска; руками германскихъ, французскихъ, англійскихъ и русскихъ жандармовъ подписывало во всѣхъ участкахъ всѣхъ странъ всѣ бумаги, визировало паспорта; и — такъ далѣе, далѣе, организуя въ Парижѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ, Москвѣ, Петербургѣ общественную, кружковую и личную жизнь, пропитавъ ее ядами; мы — въ одѣяніяхъ жизни, пропитанной ядами; при попыткахъ подняться надъ этой отравленной жизнью, испытываемъ, что прилипшее къ намъ одѣяніе жизни горитъ, какъ одежды убитаго нами Кентавра: Гераклъ, убивъ Несса, убитъ былъ одеждами Несса.

Такъ Нессъ, иль Клингзоръ, руководящій таинственнымъ братствомъ, насъ держитъ въ плѣну государства; и облекаетъ лакеевъ своихъ въ ритуальный мундиръ государственныхъ дѣятелей; маріонетки

они: кто-то дергаетъ ихъ; и они начинаютъ тогда выступать въ засѣданьяхъ, парламентахъ съ оффиціальными нотами, иль съ проектами несуществующей, невозможной дѣйствительности.

Между тѣмъ, самый видъ нашей жизни, включая сюда ежедневную выставку вывѣсокъ, иль афишъ на столбахъ, организуется въ тайныхъ участкахъ агентами, неподозрѣвающими кому служатъ они.

Во мнѣ есть подозрѣніе: происшествія, бывшія со мною и съ Нэлли не поддаются обычному толкованію; жизнь наша — сказка; и пріоткрылась за свѣтлою тайною вслѣдъ намъ и черная тайна; бывало вычитывалъ черную тайну отчетливо я на берлинскихъ проспектахъ.

. . . .

Столичныя улицы — осуществленная черная месса; прохожіе — завлекаютя въ черный обрядъ; организація гадостей образуетъ отчетливо лѣстницу; отъ городской инфлуенцы до изживанія чернаго эггрегора; окованы мы, наши души, при помощи явныхъ магическихъ дѣйствій, введенныхъ въ обряды и завуаленныхъ въ сѣти привычекъ и трафареты газетной пошлятины, — души при помощи дѣйствій, вливаемыхъ въ обыденныя дѣйствія, соединяются съ демонами; чернокнижники неусыпно слѣдятъ за всѣмъ ходомъ событій; и — даже сидятъ на банкетахъ; и — произносятъ пространныя рѣчи; зе-

ленныя, синія, желтыя книги — диктуются ими; межъ тѣмъ —

— инструменты, разставленные въ астралѣ, показываютъ имъ магической стрѣлкой туда, гдѣ родится младенецъ звѣзда, чтобъ туда бросать токи, убійственные для «младенца».

Гоненія — начинаются; воины Ирода — рыщутъ:

— «А гдѣ тутъ младенецъ?»

Брюнетъ — появляется.

. . . .

Наши столичныя улицы — осуществленная, черная месса; брюнетъ въ котелкѣ здѣсь — икона; иконы свои — поразвѣсило черное братство на стѣнахъ домовъ, гдѣ брюнетъ въ котелкѣ, размалеванный нагло на бокѣ стѣны, —

— съ высоты шестиэтажнаго дома, осклабясь, показываетъ на калошу прохожимъ; и на калошѣ — священнѣйшій знакъ треугольника. —

— Что это значитъ?

Священнѣйшія фигуры — оккультные знаки — нельзя созерцать безнаказанно (опрокинутый треугольникъ — не то, что прямой; опрокинутый — самосознаніе, обращенное къ Духу; прямой — на себя); созерцаніе треугольника на калошѣ, которою топчемъ мы (знакъ божества!) есть пародія на обрядъ: и не спроста святымъ этимъ знакомъ давно штемпелюютъ калоши; и ежедневно мы топчемъ въ грязи властный знакъ божества.

Это — дѣло «и х ъ» рукъ.

Города — богохульство: горитъ надъ аптеками электрическій знакъ опрокинутой пентаграммы (кощунственной магіи); распространяется изъ аптекъ просто чортъ знаетъ что; продаются здѣсь знаки разврата.

Звѣздой Соломона клеймятъ пищевые продукты.

Кто носитъ въ душѣ отблескъ опыта, для того очевидно: подъ оболочкой здоровья, привычекъ и навыковъ прививается ядъ.

. . . .

Подсознанье наполнено жестами, изображающими жизнь духовнаго міра; что намъ происходитъ какъ жестъ, то есть тамъ, намъ событіе; черными жестами вывѣсокъ, модами, танго, кафэ, — они вводятъ насъ въ кругъ совершаемыхъ дѣйствій.

Жестъ — корень словеснаго дерева; когда вызрѣетъ жестъ — нарождается слово: дастъ плодъ; и увядаетъ; а жестъ, пробиваясь наружу, отложится въ словѣ не скоро; и болѣе позднее слово — значительнѣй; нѣмота — дѣйство жизни.

«И х ъ» жесты, вводимые въ жизнь, полны ужаса: что намъ будетъ, когда обнаружится слово на жестѣ? Оно — будетъ ужасомъ.

. . . .

Да: говорю я безъ умолку; разнообразенъ словарь моихъ словъ; но слова мои — просто ничто предъ остатками жестовъ, которые развивались въ Швейцаріи.

Человѣкъ начинается тамъ, гдѣ кончается слово; гдѣ слово свивается, — тамъ начинается оккультизмъ; и мы всѣ — оккультисты; увы, большинство заговорили въ себѣ имъ оккультно открытое; гдѣ запляшетъ языкъ, тамъ молчитъ оккультизмъ.

Оккультизмъ — это воздухъ, которымъ мы дышемъ; и изученіе оккультистовъ безъ овладѣнія жестами, безъ умѣнья ихъ видѣть, читать — есть дурная привычка.

Назвавши себя оккультистомъ, не думаю я, что — оккультистъ въ точномъ смыслѣ; тотъ смыслъ постигается въ десятилѣтіяхъ подвига упражненій: въ конкретности; и не лежатъ пути смысла въ сентенціяхъ объ оккультизмѣ; чрезъ внутренній жестъ, порожденный душою, переполненной силой раскрытаго знака — оккультное явно; «знакъ» строится ритмомъ событій; но онъ — только буква; за «буквою», можетъ быть, въ рядѣ годинъ вырастаетъ другая; чтобъ складывать буквы и слова, надо знаки читать: л, ю, б, о, в, ь; каждый знакъ есть событіе; но «событіе» нужно увидѣть въ событіяхъ жизни; — возстать надъ всѣмъ ритмомъ событій, — увидѣть: событія сами въ себѣ суть ничто; въ сочетаніи получается слово. И оккультный учитель по знакамъ насъ водитъ безъ словъ: разговаривать можно съ нимъ — только молчаніемъ.

. . . .

Происшествія моего путешествія — знакъ въ рядѣ знаковъ; они — моя прошлая жизнь; и они —

то, что ждетъ меня въ будущемъ. Можетъ быть ряды знаковъ пока еще мнѣ сложили лишь слогъ: «Лю-»; неизвѣстно, что выпадаетъ: «бовь» или «тикъ»; если первое, — сложится слово: «Любовь»; если второе, то «Лютикъ»; внимательность въ чтеніи знаковъ есть правило: забѣжать при прочтеньи впередъ, — значитъ вѣщіе символы отуманить фантазіей. Въ оккультизмѣ фантазіи нѣтъ; онъ есть правда.

. . . .

Событія путешествія — даже не знакъ, а, быть можетъ, часть знака: кружокъ буквы «ю».

Надо вѣрно прочесть, а для этого — вѣрно разсматривать; но нельзя отвертѣться отъ знака: нельзя не увидѣть его; коли видишь, — читай, перечитывай, вновь перечитывай, исправляя дефекты первоначальнаго чтенія.

Лучше вычитать ерунду, чѣмъ сказать себѣ:

— «Нѣтъ».

При явленіи знака становимся мы въ положеніе экзаменующихся; и честнѣе пойти на провалъ, чѣмъ лукаво сбѣжать отъ экзамена; отъ профессора спрячешься, а отъ знака — не спрячешься; онъ — стоитъ; онъ — судьба.

И оттого-то такъ страшно бываетъ, когда появляется знакъ: твой экзаменъ — экспромтъ; подчитать, приготовиться поздно; приготовленіе — жизнь твоихъ чувствъ и движеній до знака.

Въ прочтеніи выявляется степень; неправильность чтенія обусловлена ложнымъ путемъ; и — ошибкой развитія.

При ошибкахъ въ пути, чтенье знаковъ слагаетъ не то, что стоитъ предъ тобою; стоитъ: л, ю, б, о, в, ь; ты же видишь: л, о, в, л, ю; и прочитываешь: не «любовь», а — «ловлю»; получается ерунда; и твой шагъ, обусловленный словомъ, прочитаннымъ криво, свергаетъ тебя со ступени, гдѣ ты всѣмъ усиліемъ прошлаго всталъ. Ты стоишь на ступени уже потому, что тебѣ видны знаки; ты — долженъ прочесть; сообразно съ прочитаннымъ строится неизбѣжная поступь событій: читая, ты строишь ее — подзываешь судьбу; и читая не такъ, упадаешь; чѣмъ выше ступень, тѣмъ паденье опаснѣй...

. . . .

Событія путешествія — части огромнаго знака, построеннаго на послѣднихъ годахъ. При прочтеньи я видѣлъ: слагается мнѣ ерунда; и не могъ не читать, разъ знакъ строился; въ чтеніи падалъ; оно началось еще съ Бергена; и паденіе отъ невѣрно прочтеннаго шифра, опредѣленное роковою ошибкой развитія въ Дорнахѣ: символъ паденья — отъѣздъ; оттого-то я чувствовалъ, покидая Швейцарію, что послѣдній кусочекъ земли, на которомъ стоялъ, отвалился: я — рухнулъ... отъѣздомъ; свалился: и не свалилася Нэлли.

Невѣрно прочитанный знакъ, оторвалъ отъ меня мою Нэлли, которая оставалась на стадіи, нами до-

стигнутой вмѣстѣ, опредѣляемой именами тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы были приподняты надъ покровомъ иллюзіи: Христіанія, Бергенъ и Дорнахъ.

Но — «Дорнахъ» былъ вырванъ.

Событія путешествія — знаки впаденія въ безсознательность сна.

Можетъ быть, то — разсказы о многомъ другомъ (собираются знаки въ содружествѣ смысловъ); то, многое, возстаетъ предо мною неясно. И описаніе путешествія — описаніе не того, что случилось; оно описаніе — какъ я читалъ; и какъ путался.

Въ этомъ смыслѣ мои описанія — описанія ослѣпленнаго путника.

Свѣтъ — ослѣпилъ меня.

Я теперь сталъ слѣпымъ: ничего не вижу.

. . . .

Недавно еще, черезъ девять ужъ лѣтъ послѣ страшныхъ событій, со мной происшедшихъ и съ Нэлли, мы съ Нэлли сидѣли въ кафэ, здѣсь въ грохочущемъ городѣ; а за плечами стояла Россія; пять лѣтъ моей жизни въ Россіи есть замкнутая въ себѣ самой жизнь; то-жъ, что было до этого, — Христіанія, Бергенъ и Дорнахъ — не прошлое воплощеніе даже, а — позапрошлое (переживаю я пятую жизнь въ этой жизни); и все тамъ — чудесно; событія, необъяснимыя никакими законами логики, непрерывно свершались надъ нами; теперь — ни одного «событія» (все — понятно, все — трезво).

Спрашивалъ Нэлли:

— «Гдѣ — прошлое?»

Нэлли сидѣла передо мной съ восковымъ, милымъ: милымъ и все таки съ постарѣвшимъ лицомъ; и прислушиваясь къ фоксъ-троту, затягивалась папироской; улыбка усталая и, какъ мнѣ кажется, разочарованная, пробѣжала по милому личику (дѣвушки, женщины — въ ней не осталось почти; она — словно монашекъ); тряхнула она кудерками:

— «Ты слышалъ же, что говорили намъ о картинѣ воспоминаній; воспоминанія надо стряхнуть... Воспоминанія умерли...»

— «Какъ забыть? То, что было, — единственно...»

— «Да, переживали въ тѣ годы мы оба видѣнье Сальвата...»

— «Теперь».

— «Теперь мы спустилися съ горъ, пересѣкаемъ равнины; мы, Персевали, — которымъ видѣніе Монъ-Сальвата открылось: на мигъ. Мы должны годы странствовать, чтобы найти вновь тотъ Храмъ... Percé le vallè: Пер-се-валь. Да, мы — Персевали...»

— «Такъ стало быть будетъ?»

— «Да... если... найдемъ...»

Разговоръ тотъ запомнился; скоро Нэлли уѣхала.

— Къ Іоаннову Зданію... Нѣтъ: и Іоанново Зданіе перемѣнило названіе: Гетеанумомъ стало оно...

— «Perse le valle»...

— «Не могу, не могу: Не хочу!»

Образы воспоминаній меня обстають; настоящаго вовсе не надо. Къ будущему нѣтъ силы пройти:

— «Perse le. . .»

— «Нѣтъ: не хочу! . .

КѢМЪ Я БЫЛЪ?

Приближеніе свѣта
въ тѣ годы ко мнѣ
вызывало во мнѣ муки совѣсти —

Приближеніе мрака
ко мнѣ вызывало во
мнѣ — умиранія.

— То, что мнѣ видѣлось —
предполагало
участіе
въ свѣ-
тѣ — Мы —
— Свѣтлые, свѣтоносцы;
свѣтоносительство
— жизнь; —

— Такъ мнѣ думалось: тѣло-жъ мое, не пуская меня въ вышину и плѣняя въ ущеліяхъ плоти — разъѣло мнѣ
душу; душа — заболѣла; распалась на части,
измучила тѣло —
— Из-

мучилась въ тѣлѣ! Въ духовныхъ блаженствахъ, то — въ ѣдкихъ терзаніяхъ совѣсти, —

— такъ проживалъ!..

. . . .

Былъ періодъ, и тѣло во мнѣ растворилось, какъ соль въ кипяткѣ; и въ космическихъ образахъ, оплотнѣвшихъ изъ духа, растаяло тѣло; какъ будто бы —

— огнелеты изъ
птицъ опустились, закрыли крылами
мнѣ тѣло; и тѣло — истаяло;
стало: сплошнымъ много-
крыльемъ огней, проносившимъ
по мигамъ,
по днямъ,
по минутамъ,
недѣлямъ,
и мѣсяцамъ —

— было въ дни
Лейпцига это —

— жизнь стала мнѣ, какъ пронядный сквозной пересвѣтень; испытывалъ невыразимое чувство блаженства: сорадости съ ближни-

ми; все то казалось: и я, немногіе, —

— понимавшіе тайно, безъ словъ, — со мной связаны; насъ сплетала судьба на пути къ громкимъ цѣлямъ; межъ нами вскрывалось тепло легкосвѣтныхъ, какъ молній, блаженствъ; и —

— мельканія,
трепеты,
пляски
душистыхъ огней, увлекающихъ мысль и туда, и сюда, — учащались —

— (увеличеніе угольной кислоты отъ перемѣны дыхательныхъ ритмовъ) —

— яснѣйшіе отпечатки зданій моихъ, не влагаясь въ понятіе, рвали мнѣ логику; импульсы индиго-синяго свѣта, переходящаго въ фіолетовый, даже въ пурпурно-розовый тонъ, проницали: переживалъ самъ себя изъ грядущей

эпохи —

— въ
да
ле
ко
мъ, въ далекомъ! —

— в
с
ѣ
м
ы
— боддисатвы!
— пе-
реживалъ изъ гряду-
щаго мигъ, когда
множество предстоящихъ моихъ
воплощеній во мнѣ
увѣнчаются ясной короной любви; —
— и —
— готовый возстать на землѣ, облеченный достоинствомъ боддисатвы, — звѣздою сойду, пересѣкая круги іерархій обстающаго духовнаго міра, чтобъ снялись печати съ послѣднихъ
моихъ
вопло-
щеній, —
— и —
— Чтобы въ свѣтлѣйшую славу прояснился ихъ громовержущій смыслъ; видѣлъ образы:
— теплились ясныя ясли; младенецъ рож-
дался на землю —
— изъ
го-
во-

ра Ангеловъ, передающихъ теплотами
Слово
и
ка-
къ
бы —
— ш-
аръ
превыша-
ющій блеска-
ми солнце, при
этихъ карти-
нахъ во
мнѣ
во-
-сходилъ: —
— м
н
ѣ —

— ка-
залось: вперяли въ меня безглагольные взоры узнавшіе братья
мои:
Меня въ будущемъ
прозирали они; и тотъ громкій позоръ, впечатляяся въ настоящее, придавалъ настоящему смутный, пророческій смыслъ; и закаты, свѣ-

тившіе мнѣ, мнѣ казались яснѣй,
озареннѣй, и — воздухъ чище.
Я чувствовалъ происходящее —
— изъ —
— да-
ле-
ка-
да-
ле-
ка — я видѣлъ
всѣ вещи насквозь;
я — читалъ про про-
исшествія будней
не такъ, какъ слу-
чались они для другихъ: я ихъ
зналъ въ изнача-
льномъ; событія
— начинали терять
для меня свой слу-
чайный характеръ; и самые
мускулы увлекали меня не
случайно на улицу —
— въ наши

движенья вливается страстно судьба; такъ, бродя по берлинскимъ проспектамъ, я —

— всматривался въ про-
исшествія улицы; и происшествія эти расклады-
вались мнѣ въ узоръ пережитый, отображавшій
узоръ пережитій моихъ: становилися мною; —

— пролетки,
трамваи,
потоки про-
хожихъ — потоками шариковъ крови моей
мнѣ казалися: вмѣшивался — во все: мое «я»
выходило навстрѣчу ко мнѣ (отъ угла, пере-
крестка) знакомымъ, меня останавливавшимъ
и начинавшимъ бросаться случайными
фразами; —

— но —
— въ этихъ фразахъ тотчасъ откры-
вался мнѣ шифръ: шифръ судьбы...

Пытался въ то время объ этихъ моихъ состояньяхъ сознанія говорить съ моей Нэлли — на Нэллиномъ личикѣ всякій разъ подмѣчалъ выраженье холодности, строгости даже:

— «Да замолчи же...»

— «Молчи».

Я — молчалъ, но —

— событія эпохальныя крались
скрытнѣйшими переживаньями моихъ чувствъ; въ себѣ чуялъ я слово, дробящее камни, но слово не могъ я найти; и мой взглядъ безъ единаго слова противорѣчилъ словамъ, мной же сказаннымъ; слово мое не созрѣло; я жилъ дикой вѣтвью, оторванной отъ народа, привитой къ маслинѣ, растущей изъ неба вѣтвями въ меня; листья, блещущіе огнями, мнѣ

были сладчайшею пищею мудрости, получаемой отъ учителя. —

— Въ голосѣ мудрости процвѣтало душистое древо плодами познанія; и учитель мнѣ складывалъ космосы воздуха въ слово, перерѣзая покровы природы мечомъ языка, передающаго громы говоровъ Ангеловъ, и — вкладывая въ меня свѣты воздѣтой рукой; становились влетавшіе свѣты въ меня многообразіемъ состояній сознаній моихъ; да, я видѣлъ обставшую землю иными глазами, какъ будто бы Храмъ Лазурнаго Братства построенъ былъ; да, глава моя въ тѣ минуты казалась громаднѣйшимъ куполомъ, подъ отверстьемъ котораго самъ же я (или — сердце мое) простиралъ свои руки; и мнѣ разверзалися воздухи: видѣлъ Офейру, — страну выдыхаемыхъ свѣтовъ...

Ни разу словами о томъ не обмолвился съ тѣмъ, кто стоялъ предо мною учителемъ.

ПЕРЕЖИВАНІЯ ЛЕКЦІЙ

Часто бывалъ я на лекціяхъ Штейнера. —

— Какъ описать эти лекціи?..

Приходилъ и садился въ удобныя кресла; собиралися члены А.·. Общества; цвѣтостолыя женщины проходили по комнатѣ; — и садились у стѣнъ, утопая въ тѣняхъ; изъ тѣней выступали ихъ лица.

Казалося: —

— Многолицая линія стѣнъ зажигалась огнями-глазами, когда входилъ Штейнеръ; и начиналъ говорить: о богахъ, о мірахъ, о культурахъ, о судьбахъ людей и эпохъ, о событіяхъ іерархической и бо́жественной жизни, —

— во мнѣ развивая огни; ритмы словъ его складывались мнѣ орнаментомъ изъ меня возникающихъ образовъ, напоминающихъ лепестко-крылые и живые цвѣты; лепестко-крылые, бившіе бурями свѣта цвѣты, свѣтоперые Ангелы: —

— или мысли мои: изъ меня развивались они свѣтовыми вьюнами, и —

— на летящихъ спираляхъ, вокругъ изъ меня самаго, —

— надъ самимъ собой начиналъ я летать: —

— преображалась вся комната: ширились личики въ ясные блески развернутыхъ крылій; и —

— волны чистѣйшаго свѣта смывали ряды цвѣтостолыхъ, подъ кафедрой никнущихъ женщинъ; казалось мы — въ воздухѣ: —

— на распростертыхъ, сіяющихъ крыльяхъ несемся: сіяніемъ въ сіянье передаемся другъ другу, въ невыразимѣйшихъ состояньяхъ сознанья сво-

ихъ: нѣтъ раздѣльности; —

— нѣтъ «Я» и «Ты»:

есть любовная цѣльность: —

— надъ всѣмъ: —

— всталъ учитель: подъ нимъ, гдѣ исчезло «Я», «Ты», какъ заря, улыбается цѣльность сознаній: то — ясли; вселенная сотрясается отъ зовущаго гласа; двѣнадцать Волхвовъ, обступивши Звѣзду, къ ней воздѣли дары; вотъ — она, какъ алмазъ ослѣпительна: —

— Свѣтлые смыслы нисходятъ отъ взоровъ учителя...

Таково впечатлѣніе лекцій.

Бывало слова оборвутся: очнешься — вонъ маленькій Штейнеръ кому-то привѣтственно машетъ рукой; развѣвается шелковый бантъ вмѣсто галстука; и склонивъ свое ухо надъ сморщенной черностолой старушкой, сіяетъ улыбкой: домашній, простой.

Посмотришь на стѣны: глядятъ такъ привѣтливо, ясно, —

— А Штейнеръ, надѣвъ свою шубу, проходитъ межъ нами, бросая незабываемый взглядъ на меня и на Нэлли; и передъ взоромъ духовнымъ моимъ на мгновенье отъ этого взгляда все-все разорвется; и изъ грядущихъ столѣтій домчится:

— «Ты — будешь».

И не о чемъ спрашивать; сказано — все; и на все — данъ отвѣтъ.

МИСТЕРІЯ

Въ дѣйствіи на меня этихъ лекцій свершалась мистерія о ч и щ е н і я души: сотрясенье эфирнаго тѣла переходило въ душевное потрясенье, вырывавшее душу изъ тѣла; и о ч и щ е н і е — слѣдствіе потрясеній — подготовлялося —

—взрывами неописуемой,
чисто-духовной любви
ко всему человѣчеству;
я заболѣлъ оттого,

что не справился съ мощнымъ напоромъ любви, разорвавшей меня: —

— въ это время я понялъ величіе подвига
жизни иныхъ нашихъ членовъ:—

— покойнаго

М. и С. Ш., понялъ Б. —

— понялъ

Мистерію...

— Ритмъ Коллектива она, гдѣ участницы
души, оставивъ тѣла, вьются вѣтрами хороводовъ любви, г д ѣ е д и н с т в о

себя ощущающей личности, какъ и м н о ж е с т в о

раздѣленныхъ сознаній утрачено: но это все есть духовный процессъ.

На физическомъ планѣ мистеріи нѣтъ, или если есть, то когда происходитъ и гдѣ происходитъ она, не откроютъ непосвященныя души, будь ихъ тѣла въ самомъ мѣстѣ мистеріи.

Она совершается всюду (на лекціи, на трамваѣ, на улицѣ); или — нѣтъ ея вовсе; участники строятся въ имъ однимъ лишь открытые знаки; и — образуютъ фигуры, какъ въ танцахъ: текутъ треугольники изъ людей,

пересѣкаяся въ гексаграммы; опознаемъ размноженіе ритма пяти;

если знакъ пентаграммы есть пять, то вхожденье шестого въ обрядъ пентаграммы обогащаетъ въ шесть разъ возникающія возможности встрѣчи... —

— Но этого не поймутъ: какъ не поймутъ, о чемъ собственно говорю; обрываю слова...

. . . .

Въ то священное время насъ мускулы носятъ туда, гдѣ намъ мѣсто; и — происходятъ нежданныя встрѣчи; и пусть обыденны слова:

— «Добрый день?»
— «Вы куда?»
— «Я иду въ библіотеку...»
— «Я — на почту...»
— «Прощайте...»

Но ритмы встрѣчъ, соединенныя съ мыслями, строютъ священныя буквы: обрядъ возникаетъ.

Вдругъ видишь, что —

— твой совершенно случайный заходъ въ магазинъ за случайною розой, совсѣмъ не случаенъ; едва ты выходишь, какъ посвященная въ тайны мистерій сестра передъ тобою проходитъ по улицѣ; кланяясь, улыбнется чуть-чуть, и —

— тебѣ станетъ ясно: ритмъ встрѣчи — обрядъ: — потому что —

— вчера на концертѣ, куда ты пришелъ такой мрачный, передъ тобою въ минуту унынія надъ головами сидящихъ взлетѣлъ цвѣтокъ розы: —

— сестра, посвященная въ тайны мистерій, надъ головою своей невзначай помахала —

— той самою розой, которую только что ты купилъ, проходя по такой то трамваями громыхающей Штрассе; —

— вчера: лепестки красной розы во время мелодіи Шумана вдругъ отчего-то запали тебѣ; и отъ нихъ стало вдругъ такъ легко и такъ ясно. —

— Сегодня открылось: сестра, посвященная въ

тайну мистерій, тебѣ помогла; сверхсознаніе управляло движеніемъ твоихъ мускуловъ, чтобъ тебя подвести къ магазину цвѣтовъ; и управляло движеніемъ мускуловъ милой сестры, чтобы могъ ты отвѣтить на розу привѣта —

— привѣтомъ: такою же розою помахалъ, проходя, ты сестрѣ; и она своей ясной улыбкой тебѣ прояснила сознанье: —

— Мистерія. —

— И стоишь, изумленный посерединѣ бензиннаго запаха пролетающихъ мимо авто на фешенебельныхъ Штрассе Берлина: прохожіе, напѣвая пошлѣйшія пѣсни, идутъ мимо васъ; они видятъ: и синюю вуалетку сестры, и растерянный взглядъ господина, навѣрное, иностранца; а между тѣмъ, — нѣтъ авто, нѣтъ бензиннаго запаха; воздухъ мистеріи властно провѣялъ —

— она продолжается: —

— вечеромъ: —

— передъ лекціей ложу убрали пышнѣйшими, точно такими же розами; и —

— букетъ этихъ розъ на столѣ; —

— и берутъ со стола совершенно такую же розу, какой помахала сестра и какою отвѣтилъ сегодня ты ей —

— и бросаетъ свой взглядъ на сестру, на тебя —

— и въ тебѣ замираетъ отъ этого взгляда твое, розой ставшее, сердце. —

— А намъ объясняютъ сложеніе розовыхъ лепестковъ, и законъ, отраженный въ сложеніи: —

— лепестки этихъ розъ завиваютъ спираль пентаграммы; спираль роста листьевъ такъ сложена, что черезъ пять лепестковъ, лепестокъ занимаетъ на оси спирали первоначальное свое положеніе, отображая спираль, развиваемую такой-то планетою; по образу и подобію этой планеты располагается ритмъ человѣческихъ отношеній пяти; пять есть цѣльность; самосознаніе мое въ пяти душахъ, соединенныхъ со мною, иное; я есмь не одинъ: я — въ пяти; пять есть цѣльность... —

— Человѣческія отношенія: одни развиваются по закону сложенія розъ, а другія — по ритму цвѣтенія лилій (законъ гексаграммы)...

. . . .

Ты — говоришь себѣ: «Это снится». —
— «Нѣтъ, это не сонъ: посвящаешься въ тайну пяти, въ тайну Розы». И ясно: —

— все то, что случилось вчера на концертѣ, сегодня на улицѣ и на лекціи — буквы обряда, котораго ты невольный участникъ, котора-

го не понимаешь еще, и который останется въ памяти, чтобъ его въ наростающемъ ритмѣ событій ты могъ бы прочесть; и не знаешь: —

— когда,

г д ѣ продолжится тайна обряда, во ч т о развернется; быть можетъ настигнетъ тебя не готовымъ она; обернется — химерою; —

— и не розу увидишь ты въ мѣстѣ обряда, а — жабу: —

— не будетъ тобой точно сданъ твой экзаменъ мистеріи; но развивается предпріимчивость: ч и т а т ь ш и ф р ъ; —

— то — оккультныя письмена. —

— Такъ: —

— сегодня ты можешь прочесть библіотеку книгъ, передъ тобой пробѣжавшихъ страннѣйшими знаками жизни, а съ завтра уже, — не увидишь въ годахъ ни одной внятной буквы. Затянется зрѣніе. . .

. . . .

ВОЙНА

Въ переживаньяхъ такихъ проходила вся осень 1913 года; уже проходила зима.

Переѣхали съ Нэлли въ Дорнахъ.

Къ веснѣ закопошилось во мнѣ мое тѣло; и самое чувство духовныхъ блаженствъ перерождалось — въ роскошества, которыми я упивался чрезмѣрно: всѣ образы стали плотнѣе и чувственнѣй; свѣточи, перемѣшавшись съ мглой тѣла во мнѣ изливалися палитрою ярчайшихъ и утонченнѣйшихъ красокъ: орнаменты ритмовъ кокетливо завились; стили тайныхъ глубинъ перерождались въ сплошное б а р о к к о какое-то: —

— по себѣ знаю я: свѣтъ экстаза, свѣтъ умный, при неумѣніи справиться съ нимъ переходитъ въ цвѣтущую чувственную краску, —

— такъ точно, какъ свѣтъ Христовъ, ложно воспринятый, затемнѣется пестротою александрійскаго синкретизма, —

— чтобы позднѣе разлиться ярчайшею краскою у художниковъ италіанскаго Ренессанса: переживалъ я пиры Ренессанса; и оттого то: —

— въ минуты, когда —

— опускался въ разъятое темя мое прежній свѣтъ, я испытывалъ колкій ударъ по направленію отъ темени къ сердцу; и —

— екало сердце;

казалось: не выдержу я, — упаду: рухну
въ корчахъ.

Подкрадывалась къ сознанію мысль: вѣрно я — эпилептикъ.

. . . .

Въ разрывахъ сознанья текло предвоенное время; надъ деревянной скульптурою архитравовъ Іоаннова Зданія мы работали съ Нэлли: такъ весело было намъ въ Дорнахѣ; но я внутренно чувствовалъ душныя тучи!

Мнѣ чудились голоса голосящихъ громовъ; изъ пространства души; въ мѣстахъ ясности образовались заторы чудовищныхъ похотей; оплотнѣвали ярчайшія краски въ тѣла неуемнаго Рубенса и погружались пиры Ренессанса въ Рембрандтовы тѣни: —

— исторія живописи есть
исторія упаденія души...

. . . .

Разразилась война.

Мнѣ казалося въ первую осень войны: это я ее вызвалъ: во мнѣ начиналась она; непримиримый сознательный бой съ двойниками моими кипѣлъ ужъ съ іюня (война разразилася въ августѣ) —

— въ ту эпоху вѣдь все ощущалъ я, какъ боддисатва, изъ будущаго: при схожденьи огромнаго Я въ мое «я», мнѣ казалось, весь міръ долженъ былъ отразить происходящее въ человѣкѣ.

. . . .

Чувствовалъ я себя надъ собой страшнымъ множествомъ демоновъ, нападавшихъ на ангеловъ; одновременно: себя ощущалъ, нападающимъ ангеломъ — на себя самаго; часть души, точно чортъ, борясь съ частью души, точно съ ангеломъ, одновременно: влюблялася въ ангела; ангелъ во мнѣ, борясь съ чортомъ, въ борьбѣ — ч е р т е н ѣ л ъ: —

— уподоблялась моя голова мощной росписи Микель-Анджело: въ мѣстѣ Лба (межъ глазами) стоялъ Аполлонъ, въ видѣ грознаго судьи; и — каралъ мои похоти: нервы, артеріи, вены, изображенные, какъ тѣла, грузно павшіе въ демонскій огнь, вылетавшій изъ бьющаго сердца. —

— Страшный Судъ Микель-Анджело изображаетъ: борьбу человѣка съ собой самимъ!

. . . .

А то бренное, что таскалось по Дорнаху именно въ это тяжелое время —

— «оно» —

— неживое, казалось мнѣ трупомъ; часами я былъ — разложившійся трупъ, устремленный въ себя, точно въ ангела, а въ другіе часы былъ я ангеломъ, соблазняемымъ чортомъ; въ перемѣщеньи сознанія жизнь разрывалась: единство созна-

нья распалось: я былъ — надъ собой, подъ собой; въ точкѣ прежняго «Я» — образовалась дыра.

Тутъ-то вотъ и разразилась война: загремѣли орудія изъ Эльзаса; гремѣли два года...

. . . .

Окошко уютнаго домика выходило въ долину; весною глядѣли въ него бѣлокудрыя вишни; въ проглядныя полосы зорь проницали мохнатыя кисти лиловыхъ глициній; передъ ненастьемъ отчетливо разрывались пары; островерхіе гребни Эльзаса синѣли; оттуда болтала въ зарѣ говорливая пушка.

Такъ взрывы во мнѣ стали взрывами міра; война расползалась изъ меня — вкругъ меня.

Былъ я бомбой, начиненной кризисомъ; этой бомбою чувствовалъ сердце: носилъ осторожно его, какъ снарядъ, ненормально забитый въ меня; помню: стоило мнѣ взволноваться, какъ я начиналъ ощущать, что я выстрѣлю краснымъ, разорваннымъ сердцемъ; и грудь разсѣчется; и хлынетъ оттуда потоками кровь.

Ощущеніе гибели появилось отъ неумѣнія справиться съ свѣтомъ, упавшимъ на тѣло и вызвавшимъ бури во мнѣ подымавшихся образовъ (образуются такъ облака надъ водой въ жаркій день); бури образовъ долженъ былъ я погасить силой воли; въ томъ — суть испытанья, но — испытанья не выдержалъ; не погасилъ бури образовъ; и она — подожгла мое тѣло; и вспыхнуло тѣло; и стало оно яр-

кимъ факеломъ низшихъ страстей; и — сгорѣло; въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ человѣкъ, осталась кучка холодной золы; подулъ вѣтеръ: зола разлетѣлась, развѣялась въ воздухѣ.

Человѣка не стало.

БОЛѢЗНЬ

Я помню тотъ день и тотъ часъ, какъ «оно» — началось.

Сиротливо казалось въ нашихъ неприбранныхъ комнатахъ; осень хихикала въ окнахъ: гремѣли орудія; ночь опустилась; забарабанили капли дождя; утомленная Нэлли, забившись съ ногами въ темнѣющій уголочекъ дивана, дремала: весь день простучала она молоткомъ подъ сырыми навѣсами Іоаннова Зданія. Я — ощущалъ себя трупомъ, не могъ себя вынести: бросился къ Нэлли, схватилъ ея руки, покрылъ поцѣлуями; вздрогнула:

— «Что съ тобою?»

— «Я — не могу, не могу, не могу быть такимъ!»

— «Успокойся!»

— «Я лучше умру...»

Обнимала холодными ручками голову: щекотала волосикомъ холодѣющій лобъ:

— «Не горюй: будь къ себѣ снисходителенъ!»

Но — осѣнила огромная сила: потокъ электрической бури прошелся по жиламъ. И, глядя на черныя стекла, звенящія отъ удара орудія, вскрикнулъ:

— «Такъ пусть же умретъ о н ъ!»

Подъ о н ъ разумѣя себя.

И потокъ электрической силы, меня пепелящей, ударилъ по жиламъ; и все, что есть жизнь и тепло, сосредоточившись въ сердцѣ, его разорвало: морозъ, изливаяся въ кисти и пятки, бѣжалъ по рукамъ и ногамъ, выѣдая тепло; —

—въ то мгновеніе осѣнилъ меня образъ: —

— Огромнаго Человѣка, стоящаго въ міровой пустотѣ и, какъ пушка, ревѣвшаго страшнымъ проломомъ разъятаго темени:

— «Ааа!»

— «Ааа!»

— «Ааа!» —

— Это вскрыкнуло «Я», вырываясь изъ тѣла.

И кинувшись на середину темнѣющей комнаты, быстро схватился за воротъ: въ глазахъ помертвѣло; упалъ; слышалъ голосъ:

— «Ахъ, что съ тобой?»

— «Что съ тобой?»

Уложили меня: я лежалъ съ участившимся пульсомъ; и при попыткѣ сказать что-нибудь — задыхался.

Я чувствовалъ: умираю.

Пять недѣль послѣ этого былъ я — трупъ; трепыхавшее сердце, которое вырвалось въ тотъ ужасный моментъ и повисло на красныхъ артеріяхъ, чья-то лихая рука, его сжавъ, отрывала: когда оторветъ, я умру.

Остались лишь прежними: ноги, животъ; я казался себѣ самому животомъ, безотвѣтственно вздернутымъ на ноги; прочее —

— грудь, горло, мозгъ — ощущались сплошной пустотой; осторожно поставленный шаръ, дутый шаръ изъ стекла, на столбѣ (на тѣлесномъ составѣ) — я былъ: только громкое слово, волненіе, воспоминаніе, иль упрекъ взбудораженной совѣсти: —
— и пустой, дутый шаръ —
— грудь, мозгъ, горло —
— свергался съ подставки: съ самодовольнаго живота на ногахъ... Бился въ дребезги: сердцебіеніе начиналось.

Сердечный неврозъ — имя дикой болѣзни.

Сосредоточилась же жизнь на одномъ: на агоніи, которая притаилась во мнѣ; и — наростала во мнѣ при малѣйшемъ волненіи; женщиной, сѣвшею рядомъ, казалась, которая, схвативъ сердце, его отрывала отъ жилъ, принимая подчасъ очертанія похотливой чертовки, меня соблазняющей ужасомъ.

Все отошло отъ меня: муки совѣсти, свѣточи, образы, мысли, высоты, глубины; весь внутренній

міръ былъ изъ сердца безжалостно вырванъ; и сталъ я жующимъ, бредущимъ, безсмысленнымъ тѣломъ, сосредоточеннымъ на сохраненіи драгоцѣннаго бытія моего: —

— «Я», созрѣвши и ставъ міровымъ во мнѣ, вырвалось съ крикомъ:

— «Ааа!»

— «Ааа!» —

— Въ тотъ злопамятный вечеръ, когда барабанили капли дождя въ стекла оконъ, казалась неприбранной комната, и уставшая Нэлли моя, прикурнувъ, задремала.

Осенніе и зимніе мѣсяцы протянулись томительно: тѣнью бродилъ между грудами черепичатыхъ домиковъ Дорнаха; или, какъ кукла, теперь безучастно просиживалъ я на докладахъ и лекціяхъ Штейнера, озабоченный лишь однимъ: не почувствовать, не понять вѣщихъ смысловъ и не взглянуть ему въ строгіе проницающіе глаза; пережить, понять — значило вызвать приступъ сердечной болѣзни; и — уронить съ живота пустой шаръ —

— горло, грудь, руки, мозгъ —

— мой животъ, завалясь на ногахъ, въ это время сидѣлъ предо мною; и слушалъ самодовольно доклады —

— о судьбахъ эпохъ, о культурахъ.

Мистерія окончилась!..
Не «Я», а «О Н О» —

— роковое «оно» во мнѣ жило теперь, переживая весь міръ, опрокинутый въ агонію, «оно» воцарилось во всемъ и во всѣхъ; и гремѣло съ границы, гдѣ говоры, перебѣгая другъ въ друга, сливались въ густую, пустую, тупую, растущую ерунду:

— «Ру!..
— «Рруу!..
— «Ррруүу!..»

Протекала зима: я всю зиму, блуждая по грязнымъ дорогамъ, валился межъ грудами черепичатыхъ домиковъ; и валились изъ оконъ, изъ груды перинъ на меня толстотѣлые буржуа; иногда развлеченія ради я ѣздилъ въ тяжелый, какъ олово, Базель, чтобы блуждать по горбатенькимъ уголкамъ; бѣгали злые туманы; и — мокрые глянцы; и рыжими пятнами тускловатые фонари освѣщали дома.

Я простаивалъ передъ домами: Эразма изъ Роттердама и знаменитаго математика изъ семейства Бернулли; захаживалъ въ библіотеку; склонялся, вздыхая, надъ страннымъ твореньемъ: «Ars brevis» Раймонда («Ars magna» понять я не могъ, хоть пытался проникнуть въ него комментаріями Джордано Бруно); —

— за мною —
— невидимо, подъ фонарями, вся въ

черномъ, бродила инкогнито женщина: агонія моя.

Я разсматривалъ въ базельской галлереѣ гравюры Гольбейна; особенно серіи «смерти»: скелетъ плутовато вплетался въ событія жизни; и — плутовато подмигивалъ . . . —

— Съ этой поры привязался за мною брюнетъ: я его подцѣпилъ какъ-то разъ въ переулочкѣ; можетъ быть, передъ домомъ Эразма; прошелъ онъ за мною на «Äschenvorstadt» и на «Äschenplatz» вмѣстѣ мы ждали трамвая; его — привезъ въ Дорнахъ, который, какъ кажется, полюбился ему: онъ простаивалъ на перекресткѣ дорогъ, неподалеку отъ спуска; часами глядѣлъ въ наши окна: узнавши, что я собираюсь въ дорогу, собрался и онъ; и теперь здѣсь въ вагонѣ. . . —

Тутъ линія мыслей о Дорнахѣ оборвалась: —

—она пробѣжала въ какихъ-нибудь десять минутъ (именно послѣ духовнаго озаренія въ Бергенѣ, — долженъ былъ ждать: нападенья на насъ грязной пакости этой) . . .

ВЪ ВАГОНѢ

Стучали вагоны; бѣжали по Франціи; вѣяло вѣтромъ въ окно; голова моя прыгала, ударяясь о

доски; я поглядѣлъ на шпіона: меня посѣтила безумная мысль:

— «Вотъ сейчасъ онъ достанетъ изящнѣйшій портъ-сигаръ: защипнувъ двумя пальцами сигаретку — отравленную! — онъ предложитъ ее».

Это стало мнѣ ясно не нашею, а какой-то полусонною ясностью; и представьте себѣ: —

— мой брюнетъ, съ отвратительной ласковостью поглядѣвъ на меня, суетясь, доставалъ свой изящнѣйшій портъ - сигаръ; защипнувъ двумя пальцами сигаретку, онъ — сталъ предлагать ее; ясно: онъ мысли прочелъ; и не выкурить, значитъ выдать себя (въ чемъ же выдать?).

Я — выкурилъ: я прислушался къ начинающейся дурнотѣ; поднималась она отъ желудка; и — щекотала мнѣ горло:

— «Отравленъ!»

Стучали вагоны; бѣжали по Франціи; голова моя прыгала, ударяясь о дерево; горбоносый брюнетъ, открывъ ротъ, задремалъ; это онъ притворялся: подсматривалъ, какъ отрава меня измѣняетъ.

За что я отравленъ?

За то, что я жилъ близъ границы, за то, что я слушалъ бесѣды и лекціи Штейнера?

Да, я отравленъ: отравленъ за то, что я предалъ.

— «Вздоръ!»

— «Вздоръ!»

— «Никакого предательства не было»...

Кто - то сильный и властный во мнѣ, кого чувствовалъ, какъ инородное тѣло (неврозъ разыгрался), отвѣтствовалъ взрывами нудныхъ дурнотъ изъ меня.

— «Да, да, да!»

— «Это — было!»

Что было?

Подбросило: бѣлымъ блескомъ влетѣлъ снопъ огней; привскочилъ; привскочилъ и брюнетъ; мы едва не столкнулися лбами:

— «Что съ вами?»

— «Мнѣ — дурно»...

Двойственность моего отношенія къ доктору изъ Одессы сказалась; съ одной стороны этотъ «докторъ» былъ явно брюнетомъ, меня отравившимъ; съ другой стороны, онъ, внимательно относясь ко мнѣ въ миги болѣзни моей, во мнѣ вызвалъ естественно приступъ довѣрія: все-таки, думалъ я, докторъ онъ: и — по сердечнымъ болѣзнямъ; на разстояніи онъ казался брюнетомъ; по близости — докторомъ, можетъ быть, состоящимъ на службѣ охранки; охранника я не боялся: боялся я сыщика — высшаго смысал, принадлежащаго къ международному обществу сыщиковъ, состоящихъ на службѣ у... —

— у кого?..

Что мнѣ внушало паническій ужасъ въ брюнетѣ? Вѣдь не его я боялся: того, что глядитъ сквозь

него, что однажды, прорвавъ его видимый ликъ, изъ него на меня хлынетъ черным ъ потокомъ; тотъ черный потокъ при внимательномъ взглядѣ оказывался пустотою, отсутствіемъ какого бы ни было цвѣта; его чернота есть проломъ: въ никуда и ничто; онъ — открытый отдушникъ, въ который намъ тянетъ угарами невѣроятнаго міра, по отношенью къ которому нашъ міръ жизни ничто; и не только нашъ міръ, но и образы чисто духовной дѣйствительности, въ насъ коренящейся, суть ничто; это — что-то, въ ничто обращавшее все, что ни есть (міръ мистеріи, міръ души и міръ духа), по отношенію ко всему, что ни есть, при своемъ появленіи въ плоскость сознанія нашего обнаруживаетъ, какъ сплошное ничто, появленье свое.

И, стало быть: сыщикъ ничто, принадлежащій къ секретному братству, вводящій что-то, по существу намъ невѣдомое и стучащееся въ наши двери, какъ ужасъ ничто, — для меня былъ ужасенъ не чѣмъ-нибудь, что онъ несъ, а — ничѣмъ. Появленье его близь меня въ тѣ минуты, когда мои грудь, руки, мозгъ ощутили себя пустымъ шаромъ, поставленнымъ... на желудкѣ, обозначало: —

— тотъ міръ, гдѣ ты жилъ — міръ мистеріи — есть ничто; твое «Я», изошедшее нынѣ изъ тѣла въ міръ духа, который — ничто, есть ничто; ты мечталъ о себѣ, что когда-нибудь будешь и ты боддисатвой; но ты, богди-

сатва, — ничто; я-жъ, возникшій, какъ тѣнь твоя, — все; —

— и провѣяли подступы ужаса пустоты отъ брюнета, напоминая о сонномъ кошмарѣ; страшнѣе сонныхъ кошмаровъ опять-таки заключалося при попыткѣ войти въ ихъ нелѣпую жизнь и осознать эту жизнь, — заключалось страшнѣйшее: въ очень смутно рождавшейся памяти о первѣйшемъ кошмарѣ, въ которомъ себя нахожу я младенцемъ, до перваго воспоминанія о событіяхъ, связанныхъ съ біографической личностью: —

— не возникаетъ еще мнѣ отца, няни, матери; не возникаетъ голубенькой комнатки дѣтской, — а ужъ я сознаю: — «Я есмь я»—

— но это «Я» безпокровно приносится въ пустотѣ, одолѣвая ее невѣроятнымъ полетомъ, напоминающимъ ужасъ паденія въ пропасть и вспоминающимъ о какомъ-то опорномъ, неподвижномъ пунктѣ, съ котораго «Я» сорвалось; —

— этотъ пунктъ, какъ мнѣ кажется, — бытіе до рожденія; пропасть, куда я лечу; — мое дѣтское тѣло, въ которомъ себя ощущаю я въ слѣдующіе моменты сознанія; —

— уже послѣ, вникая въ ужасныя невѣроятности этого мига сознанія, я

подсматривалъ памятью въ «м и г ѣ» существенный, явно присущій ему, въ немъ сидящій «м и г ъ» вѣрнаго знанія, что рѣшеніе оторваться отъ твердаго пункта и рухнуть въ провалъ, или — тѣло —

— рѣшеніе воплотиться —

— принадлежитъ мнѣ, лишь мнѣ; рѣшеніе перерѣшать было поздно; непоправимое свершилось: я — вваливался, перенося̀сь по пустотамъ, въ набухшіе органы дѣтскаго тѣльца, распертые р о с т о м ъ (переживаніе «р о с т а» въ младенческой жизни сопровождается криками страха); —

— впослѣдствіи, образы страха (чертей, букъ, вѣдьмъ) воспринимаются дѣтскимъ сознаніемъ, какъ п о г о н я; но этотъ ужасъ п о г о н и — проэкція внутреннихъ переживаній младенца во мнѣ; ощущенье п о г о н и есть чувство д в и ж е н ь я п о л е т а внутри организма; вѣрнѣй: ощущеніе воспоминанія о когда-то бывшемъ полетѣ, ввергающемъ «Я» чрезъ н и ч т о въ безобразные органы тѣла; стало быть: в ѣ д ь м ы и б у к и — в р а г и! — состонье сознанія, вдругъ лишеннаго тѣла; иль вѣрнѣе: в о с п о м и н а н і е о такихъ состояньяхъ сознанья; —

— стало быть —

— мой брюнетъ лишь тоска, которую на себя набросала погоня, ее же я смутно ношу черезъ жизнь, какъ ужасную память о состояньи сознанья, оторваннаго отъ источника духа; и — еще не укрытаго подъ покровомъ тѣла; боязнь появленія сыщика есть боязнь приближенья ко мнѣ моихъ тайныхъ глубинъ; въ мигъ, когда меня схватитъ онъ и потащитъ въ тюрьму, — произойдетъ невѣроятнѣйшее: онъ низвергнется на полъ, какъ скинутое черное пальто; и безобразное, безтѣлесное, что онъ носитъ въ себѣ, иль — ничто: соединится со мною, вольется въ мое сознающее «Я»; и — погаситъ его; онъ есть встрѣча моихъ подсознаній съ сознаніемъ при нарушеніи порога сознанія при переѣздѣ черезъ границу; не даромъ же я ощущалъ, —

— что кусочекъ земли, на которомъ я могъ стоять крѣпко съ тѣхъ поръ, какъ все рухнуло въ міровую войну, оторвался: и — Франція, Англія рухнули на меня, какъ пустое ничто, какъ огромное тѣло, въ которое надлежало мнѣ воплотиться, что изъ меня въ — никуда! — что-то тронулось; прежнее все поотстало, а новое, что должно было влиться въ меня —

— пустота,

принимавшая оболочку брюнета —

— б р ю н е т ъ
былъ флакономъ съ н и ч т о, долженствующимъ мною быть выпитымъ —

— пустота, принимавшая оболочку б р ю н е т а, —

— возникла фіаломъ: —

— пока: —

— переносился я изъ одного состоянья сознанья въ другое: —

— мой путь — неизмѣримость: не Франція, Англія, Швеція пересѣкутъ мою орбиту, а чужія планеты — Юпитеръ, Луна и Венера — ударятся въ «Я», прежде чѣмъ упаду я на р о д и н у: на родную мнѣ землю; а Нэлли еще оставалась въ томъ мірѣ, который навѣки, быть можетъ ушелъ отъ меня...

Поѣздъ сталъ; мимо оконъ валили солдаты, перегруженные ношами: въ мѣдныхъ шлемахъ; они возвращались на фронтъ; вотъ толпа ихъ ввалилась въ вагонъ; мы — притиснуты въ уголъ; фляжки съ краснымъ напиткомъ (должно быть виномъ) загуляли вокругъ; все наполнилось хохотомъ, прибаутками, пѣснями; лиловатое облако задымилось на блѣдномъ востокѣ; пышнѣли лѣса; проѣзжали мы около Фонтенебло; надвигался Парижъ.

Бархатистая, лиственная глубина синей зелени лѣса —

— французская зелень — зелено-синяя зелень — шумѣла на остановкахъ; когда-то мы, съ Нэлли, здѣсь именно, около Фонтенебло провели жаркій, красными маками проговорившій, іюнь; и — вдругъ вырвалось:

— «Я мѣста эти знаю».

Насторожился брюнетъ:

— «Вы здѣсь жили?»

— «Да, жилъ».

— «Когда?»

— «Въ тысяча девятьсотъ-какомъ? .. Да... двѣнадцатомъ...»

— «А позднѣе вы не были здѣсь?»

Но я сухо молчалъ: «с ы щ и к ъ» что-то записывалъ въ книжечку...

ПАРИЖЪ

Парижъ...

Нѣтъ носильщиковъ: въ прежнее время не то; ихъ на поѣздъ проворно кидалась веселая, синеблузая стая; мы — тащились, перегруженные багажемъ; остановился нашъ поѣздъ, какъ будто нарочно — далеко, далеко.

Жара, пыль, безтолочь: наконецъ, сдавши вещи, едва мы попали въ буфетъ; переполненъ буфетъ;

тутъ — военные всѣхъ обличій и странъ; черногорцы, французы, звенящіе шпорами, въ алыхъ штанахъ, англичане, одѣтые съ блескомъ; и — исходящіе блескомъ съ нафабренными усами какіе-то черезчуръ европейцы: то сербы; отчетливо звякаютъ шпоры подъ столикомъ; лоснятся, золотѣютъ и серебрятся нашивки; малиновѣютъ штаны; вотъ отъ столика къ столику перебѣгаетъ мой взоръ: офицеры, жандармы, полковники, сабли, медали, нашивки; Парижъ ли то? Выправка, четкость, подтянутость, суетливая, дѣловитая спѣшка; ни шутки, ни пѣсни!

На улицѣ: трамъ насъ несетъ по направленію къ русскому консульству; утро; и — пусто; и — женщины подметаютъ пыль; мало мужчинъ; мотоциклеты, стрѣляя по всѣмъ направленіямъ и разрываясь бензиномъ, по всѣмъ направленіямъ носятъ вцѣпившихся въ ручку солдатъ; офицеры, опять офицеры; малиновѣютъ штаны; серебрятся нашивки; и повсюду, куда ни посмотришь: флеръ, флеръ; черный цвѣтъ доминируетъ; женщины — черноропгія, черноцвѣтныя, спѣшно проходятъ; и тѣ же: отчетливость, четкость, подтянутость. Нѣтъ ни пѣсенъ, ни шутокъ.

Мы въ консульствѣ; ждемъ; не имѣемъ мы права остаться въ Парижѣ; но не имѣемъ мы права и выѣхать безъ разрѣшенія консульства; все равно мы не знали бы, какъ намъ добраться до Гавра.

И снова на улицахъ: трамъ насъ несетъ по направленію къ вокзалу; на улицахъ — людоходъ; мото-

циклисты, стрѣляя по всѣмъ направленіямъ и разрываясь бензиномъ, по всѣмъ направленіямъ проносятъ солдатъ; пролетаютъ автомобили; военныя кэпи повсюду; повсюду — жандармы, полковники, капитаны, корнеты — французы, бельгійцы, канадцы, шотландцы, зуавы, носатые греки — все кэпи; вонъ — русская промелькнула фуражка; и вонъ — черноногая женщина въ траурной, черной, короткой юбченкѣ.

И — все: нѣтъ Парижа, который я знаю, который люблю. Этого Парижа не видѣлъ. Другой Парижъ, чуждый мнѣ, съ головокружительной быстротой промаячилъ, промчалъ насъ по улицамъ: вышвырнулъ — въ Гаврскій поѣздъ, какъ страшныхъ чумныхъ оттолкнулъ его...

Снова помчались: въ. . . ничто!

Около меня появляется вблизи Гавра бельгійскій чиновникъ; и между нами завязывается воровской разговоръ: не то — разговоръ культуръ-трэгера съ культуръ-трэгеромъ, а не то разговоръ вора съ воромъ; онъ тонкимъ неуловимымъ подходомъ вытягиваетъ изъ меня роковое признаніе, что я въ Брюсселѣ жилъ таки (р о к о в о е признаніе потому, что замѣтилъ я свойство всѣхъ агентовъ контръ - развѣдки: подозрѣвать въ шпіонажѣ тѣхъ именно иностранцевъ, которые до войны посѣщали мѣста, гдѣ впослѣдствіи разыгрались бои). Сдѣлавъ сыщику роковое признаніе, что я въ Брюсселѣ нѣкогда жилъ, получилъ завѣреніе я отъ него, что и онъ въ дни войны неоднократно живалъ въ мирномъ Базелѣ (т о н-

кій намекъ!); я старался его убѣдить, что не какой-нибудь я проходимецъ, а — русскій писатель, достойная личность, имѣвшая въ Брюсселѣ много почтенныхъ знакомствъ; я спросилъ у бельгійца о Жюлѣ Дестрэ, о де-Гру, о мадамъ Вандервельдъ и т. д.

Блѣдная женщина, сѣвшая рядомъ со мной, приложила къ губамъ своимъ палецъ и показала глазами на спину бельгійца.

Сказалъ себѣ я:

«Провокація: она дѣлаетъ знакъ, чтобы кто-нибудь изучилъ выраженье лица моего въ ту минуту»...

И я съ нарочито подчеркнутымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее; и — подставилъ ей спину.

Лиловыя тучи стояли на западѣ; вѣяло моремъ...

ГАВРЪ

И вотъ протуманились бѣлесоватыя сумерки; гаврскія улицы за плечами; сырая, туманная ночь; жуткой мутью стоитъ предо мною граница: передаютъ насъ англійскимъ властямъ.

Вновь осмотръ: то же все — перемоганіе пристальныхъ взглядовъ жандармовъ, констеблей и такъ себѣ сэровъ, непроходимой стѣной окружающихъ насъ: вмѣсто стаи брюнетиковъ — окаменѣлыя, неподвижныя лица шотландцевъ; опять ощущеніе, что

— пустое пальто, изъ котораго выкачанъ воздухъ; и оттого, оно — сплющено; въ этомъ сплющенномъ видѣ я плелся къ барьеру; того господина ощупывали, теребили и повели раздѣвать въ сопровожденіи жандармовъ (быть можетъ, ему будутъ смазывать спину какимъ-нибудь ѣдкимъ составомъ, быть можетъ, заставятъ продѣлывать позорныя дѣйствія въ присутствіи англійскихъ джентльменовъ, чтобы извлечь изъ желудка проглоченный имъ документъ, иль бумажку съ секретнѣйшимъ шифромъ; и — далѣе, далѣе); ту бѣлокурую барышню повели подъ рентгэновскій аппаратъ.

Это только второй нашъ осмотръ (предстоитъ рядъ другихъ: въ Соутемптонѣ, въ Ньюкастлѣ, и — далѣе, далѣе).

Такъ — началось вновь сраженіе: болѣе страшное, чѣмъ въ окопахъ; оно протекало съ тончайшими жестами между хвостомъ пассажировъ и длиннымъ столомъ, за которымъ сидѣло до двадцати величавыхъ исполненныхъ строгости сэровъ; и ту же систему я видѣлъ: внезапно — остановить, предложить рядъ пустѣйшихъ вопросовъ; и, усиливъ вниманіе, предложить съ ногъ сбивавшій вопросъ.

— «Вы — свободны».

И — нѣтъ: не свободны; за вами теперь вотъ, послѣ допроса, впервые начинается серьезная слѣжка; дѣйствительность сна охватила опять: подбѣгаю къ квадратному столику, за которымъ сидитъ толстотѣлый, мордастый, упитанный сэръ, — подбѣгаю, чтобы

выдержать то, что отсюда возникаетъ; а около сердца, которое ощущаю пустымъ, начинается жизнь и кишенье змѣевыхъ и вьющихся массъ; грустный сэръ, —

— уронивши мордастую голову на руку, передо мной за столикомъ, развалясь, проницательно смотритъ — не на меня, а на пуговицу моего пиджака; я подсаживаюсь къ столику и, положивъ рядомъ шляпу, прислушиваюсь къ вопросу, который намѣревается сдѣлать мнѣ онъ; онъ —

— молчитъ —

— и опять перестроился хвостъ; и опять передвигаемся мы съ чемоданами; къ новому столику; на спинѣ, на затылкѣ, на шеѣ прилипшіе взгляды; — и безтолочь словъ, скриповъ, шороховъ въ гаревѣ ночи слагаютъ чудовищный абракадаберный бредъ.

Ба!

Опять — котелокъ, но не доктора изъ Одессы, а мистера; мистеръ толкаетъ меня; онъ — мнѣ сонно знакомъ.

Тутъ со мной происходитъ, — но какъ описать?

Все равно ничего не поймете: понять невозможно: —

— мнѣ ясно: они знаютъ все; они знаютъ, что я есмь не я, а — носитель огромнаго «Я», начиненнаго кризисомъ міра; я бомба, летящая разорваться на части; и, разрываясь, вокругъ разорвать

все, что есть; э т о г о о н и не допустятъ, конечно: держать насъ въ объятiяхъ, въ морокахъ мiра, и х ъ ц ѣ л ь; они знаютъ, что теплились я с н ы я я с л и: м л а д е н е ц ъ во мнѣ опускается въ громѣ говора мiра; и — какъ бы шаръ, превышающiй блесками солнце, порою восходитъ ко мнѣ: —

— слышу явственный шопотъ вокругъ:

— «Это — О н ъ!»

Я для нихъ тотъ таинственный О н ъ, о которомъ они тайно слышали, что этотъ О н ъ существуетъ; и этого для нихъ страшнаго «óна» они не пропустятъ въ Россiю; для нихъ я есмь — Т о т ъ, к о т о р ы й... и далѣе, далѣе; что «Т о т ъ, к о т о р ы й», о т к у д а, к у д а и з а ч ѣ м ъ, мнѣ не ясно; но ясно, что знаютъ о н и обо мнѣ больше даже, чѣмъ я о себѣ; такъ: не знаю я сущности разрывавшихъ меня силъ Л ю б в и, а о н и знаютъ сущность; но ненавидя ее, ненавидятъ меня неугасимою ненавистью:

— «Да!»

— «Это — О н ъ!»

И — вперили въ меня безглагольные взоры свои два за мною стоящiе джентльмена; и — смутный пророческiй смыслъ проницаетъ вдругъ все: —

— чувствую происходящее издалека - далека; происшествiя французской границы раскладываютъ свои карты: читаю возставшiе знаки; событiе эпохальное переживается здѣсь, въ этомъ мѣстѣ—въ стоянiи «Я»

глагольными сэрами; на одномъ — бѣлыя перчатки; такія же точно перчатки употребляются при...

... Да, да!..

Ритмы пакостныхъ взоровъ во мнѣ развиваютъ —
— ужасные, змѣеногіе образы; и —
змѣеногіе образы на меня наползаютъ —
— то мысли ихъ, тайно въѣдаясь въ меня, развиваютъ во мнѣ, паразитируя —
— жизнь: жизнь чудовищныхъ безобразій —
— и
надъ собою самимъ
начинаю глумиться —
— и отемнѣется все вкругъ меня; расширяются мраками страшныя нетопыриныя крылья; и —
— волна

рокового Ничто, прорываясь сквозь все, затопляетъ во мнѣ — мое «Я»!..

«Это — Онъ!»

Онъ — Ничто...

Въ дѣйствіи на меня джентльмена въ тѣхъ самыхъ перчаткахъ свершаются ужасы отемнѣнья

души; и взрывается неугасимая ненависть ко всему человѣчеству: —

— понимаю величіе этого джентльмена, свергающаго и возносящаго Греевъ, Ллойдъ-Джорджевъ, Пуанкарэ, Клемансо и другихъ: —

— «Это — онъ».

— Дѣйствія общественной жизни — машина: участники суть тѣла, сплетенныя мощной и магической цѣпью; единство себя сознающаго «Я» угасаетъ; организаціи, общества, гдѣ производятся эти дѣйствія, если хотите и нѣтъ; но: оно — всюду, всюду; обряды chернѣйшей мистеріи этой свершаются: на трамваѣ и при осмотрѣ, на таможнѣ; но когда происходитъ и гдѣ происходитъ обрядъ не откроете вы, ежели вотъ тотъ сэръ не захочетъ; участники строютъ фигуры; и — ходятъ косыми углами; дѣйствительность распадается въ черные треугольники на тебя набѣгающихъ, пересѣкающихъ дорогу людей; мускулы въ это ужасное время несутъ на насъ ужасы: попадаются всюду уроды; картины разврата и человѣческаго паденія предстаютъ; совершенно случайный заходъ въ писчебумажную лавку за открыткою — превращается — просто чортъ знаетъ во что: предлагаютъ купить ни съ того ни съ сего порнографическую открытку невѣроятнаго содержанья; выходишь: — подстерегаетъ на улицѣ — проститутка; и —

предлагаетъ ту самую гадость, которую только что созерцалъ на открыткѣ; впервые теперь открывается гадкій, вчера еще мнѣ непонятный, увидѣнный жестъ, разыгравшійся межъ господиномъ и дамой въ трамваѣ; —

— и мнѣ уже ясно: то буквы обряда чернѣйшихъ мистерій, свершаемыхъ всюду подъ руководствомъ церемонимейстеровъ общественной жизни: —

— тогда появляется сэръ, обставляющій грязными знаками: и — даетъ мнѣ понять:

— «Да, да, да!»

— «Это — я . . . » —

— На протяженіи четверти часа прочитываешь библіотеку знаковъ. . .

И я — былъ расплющенъ, вступая на палубу пароходика, перевозящаго насъ въ Соутэмптонъ: —

— въ воспоминаніи возникаютъ стальные отливы изъ взъерошенныхъ волнъ и потушенные фонари пароходика во избѣжаніе мины, могущей прорѣшетить пароходикъ.

Ламаншъ оплотнѣвалъ сырымъ войлокомъ тучъ; и вмѣсто шири морской, неопредѣленности моего положенія въ мірѣ, какъ эфемерныя земли, подкрадывались изъ тумана ко мнѣ; мнѣ казалось: —

— саженяхъ въ полутораста отъ насъ обрывается море; развѣйся туманъ, мы бы стиснуты были землею; —

— но носъ

парохода, врѣзаясь въ прыжки сѣрыхъ волнъ и поднимая фонтанъ бѣлобисерной пѣны, бѣжалъ на туманъ —

— и туманъ начиналъ разступаться; земля впереди отбѣгала, а —

— земли, отъ насъ отстоящія саженяхъ въ полтораста, бѣжали по правую и по лѣвую сторону парохода —

— въ

разстояніи саженей полтораста...

У борта — одни! — величавый, задумчивый сэръ, созерцая медлительно хаосъ стихій, — неподвижно стоялъ, не глядя на меня; ультиматумъ его, мнѣ предъявленный въ Гаврѣ, отчетливо былъ напечатанъ чудовищнымъ шифромъ, мной читаннымъ; — шифръ же гласилъ:

— «Да, пора, сэръ, смириться!..»

Осенній вечеръ былъ. Подъ звукъ дождя стеклянный,
Рѣшалъ все тотъ же я — мучительный вопросъ,
Когда въ мой кабинетъ, огромный и туманный,
Вошелъ тотъ джентльменъ... За нимъ — лохматый песъ... [1])

---

[1]) Стих. А. Блока.

Есть игра: осторожно войти,
Чтобъ вниманье людей усыпить,
И глазами добычу найти,
И за ней незамѣтно слѣдить. [1])

. . . Постигать
Въ обрывкахъ словъ
Туманный ходъ
Иныхъ міровъ. [2])

На кресло у окна усѣлся гость устало,
И песъ у ногъ его разлегся на коверъ.
Гость вѣжливо сказалъ: «Ужель еще вамъ
мало?»
«Предъ Геніемъ Судьбы пора смириться,
сэръ.» [3])

А у борта — одинъ! — величавый, задумчивый сэръ съ безбородымъ лицомъ, мнѣ напоминающимъ Вильсона, тихо стоялъ: и — серьезной печалью сѣдыя глаза проницали сѣдое, туманное утро: мы — близились къ Англіи.

---

[1]) Стих. А. Блока.

[2]) А. Блокъ.

[3]) А. Блокъ.

МАРКОЙ ВЫШЕ

Въ это хмурое утро носились по воздуху зеленоватыя мути; неявственно принижалась земля: очертанья чудовищъ — четырехтрубныхъ, трехтрубныхъ — стремительно пронизали туманы то справа, то слѣва; и вновь уходили въ туманы, но рой грязноватыхъ тумановъ рѣдѣлъ...

Передо мною на палубѣ не вертѣлся тотъ сэръ, о которомъ забылъ я сказать и который явился на смѣну одесскому доктору въ Гаврѣ.

Стоялъ у барьера, притиснутый справа и слѣва двумя джентльменами, бритыми и безучастно вперившимися въ насъ; и казалось, что въ насъ впечатляли они безучастность столь явствено, что ихъ взглядъ на лицѣ уподоблялся вещественному прикосновенію: точно кто-то съ размаху меня по щекамъ билъ ладонью; подумалось: «Безучастіе это — глазоприкладство какое-то»...

Третій ихъ спутникъ, какъ кажется, занимался детальнѣйшимъ разъясненіемъ двумъ джентльменамъ всѣхъ данныхъ, которые могъ онъ собрать обо мнѣ, оглашая негромко пространство межъ нами невѣроятнымъ количествомъ словъ, выпускаемыхъ черезъ зубы, — въ секунду; а изъ словесныхъ потоковъ неявственно мнѣ вычеканивалось, что я — русскій писатель, что — будучи русскимъ писателемъ, я... что такое, «я, будучи русскимъ писателемъ», сдѣлалъ въ многорѣчивомъ пото-

кѣ, посыпанномъ блещущей солью насмѣшекъ и радости, что, наконецъ, уличенъ я, — все понять я не могъ.

Я, признаться, готовъ былъ бы спорить съ поклепомъ; но не увѣренъ я былъ: подлинно-ли джентльмена я понялъ.

Недружелюбно оглядывалъ джентльмена: приземистый, головастый, юлящій, но элегантно одѣтый, поставивши локти углами и задѣвая какъ будто нарочно локтями меня, онъ финтилъ и приплясывалъ рядомъ перекидными прыжочками, то склонясь къ безучастному джентльмену направо, а то — къ джентльмену налѣво, пихнувшему больно меня; и порочилъ безъ умолку; большелобая голова въ котелкѣ, круто вздернувшись вверхъ, собиралась то справа, то слѣва кольнуть мою щеку подстриженнымъ кончикомъ темной бородки; я-бъ назвалъ его эластичнымъ, подкидистымъ, пляшущимъ «мистеромъ», если бы не былъ одѣтъ такъ изящно подкидистый «мистеръ»; онъ былъ «джентльменомъ», не «мистеромъ»; въ орбитахъ глазъ, какъ ни вился, финтя, «джентельменчикъ», укрылось какое-то что-то, которое не позволяло назвать мнѣ его болтуномъ; стрѣловидные, малые, острые, черные глазки, перелетающіе отъ меня на безучастнаго джентльмена налѣво, и отъ него къ безучастному джентльмену направо—на протяженьи секунды, и успѣвающіе нарисовать росчеркъ въ воздухѣ, — эти глаза напоминали... перчатки, которые зажимаютъ въ рукѣ для приличія лишь въ фешене-

бельномъ Лондонѣ; пары глазокъ, ихъ росчерки въ воздухѣ показались лишь принятымъ тономъ, естественнымъ въ этомъ мѣстѣ и неестественнымъ для самаго джентльмена, котораго подлинный взглядъ сквозь порхающій взглядъ, мнѣ казалось, я понялъ: —

— пронизывали двѣ стальныя иглы сосредоточеннымъ холодомъ міра и мощью!

Тутъ я испугался.

То общее цѣлое, что унеслось отъ фигуры, смятенною памятью оживало во мнѣ: въ Петербургѣ, въ Москвѣ...

Этотъ лобъ, перерѣзанный тонкой морщинкой,— уставился въ крѣпкомъ упрямствѣ: сломать мою самостность; а сухой, горькій ротъ передергивался мелкой солью сарказмовъ, съ которыми «джентельменчикъ» склонялся къ нѣмому усталому сэру направо, чтобы тотчасъ переброситься къ точно такому же сэру налѣво, пихнувшему больно меня: всѣ сказали бы «полушутъ-получортикъ», — тотъ именно, кто юлитъ въ малой баночкѣ, продававшейся нѣкогда на излюбленномъ вербномъ гуляньи — подъ именемъ:

— «Морской житель!»

Но — нѣтъ: между финтящими жестами ясно подглядывалъ я, какъ сквозь щель, — другой очеркъ лица: наблюдающій очеркъ лица, благородно-таинственный, сосредоточенно-чопорный, укрывающій

подъ огромною, лобною костью желѣзную силу, которая —

— при желаньи могла бы не только расплющить огромныя толпы людей, создаваемыхъ кодексомъ quasi ясныхъ общественныхъ мнѣній, рѣзцомъ властной воли на tabula rasa души, гравируя какіе угодно ландшафты, распространяя полученный трафаретъ человѣческой личности въ милльонномъ масштабѣ, —

— которая —

— при желаньи могла бы не только расплюснуть людей, превративъ въ уплощенную мѣдную доску ихъ самостность, —

— но и промять земной шаръ, какъ раздавленный, прорванный мячикъ!

Ясно высмѣявъ насъ въ устремленіяхъ къ духовному міру, не вѣря въ имъ созданный для другихъ о насъ мифъ (будто мы суть шпіоны) — тамъ, въ Гаврѣ, позволилъ онъ мнѣ заглянуть сквозь зрачки въ свои мысли: повѣяло: —

— зеленоватымъ, несущимся воемъ космической бури —

— быть можетъ —

— космической бури войны, —

— и прибои стрѣляя изъ глазъ, ощутилися дѣйствіемъ радіоактивныхъ веществъ на моемъ подсознаніи, разъѣдая строй созданныхъ представленій; —

— понятіе; отдѣлясь отъ понятія, разрушало систему тобой установленныхъ правилъ: и — становилось уединенною точкою —

— атомомъ сэра Ньютона —

— и погружалось въ Ничто; міръ моихъ представленій подъ дѣйствіемъ этого взгляда на мигъ превратился въ ничто; —

— побѣдоносное «Я» было поймано и повѣшено на мгновеніе, какъ пустое пальто вмѣстѣ съ бренною оболочкою въ гардеробѣ у сэра!

Такъ дѣйствіе взгляда во мнѣ отразилось — на протяженье секунды, не болѣе; стрѣловидные, черные, острые глазки летали межъ тѣмъ, какъ перчатки на взглядѣ, — отъ безучастнаго джентельмена налѣво къ такому же точно направо, нарисовавъ росчеркъ въ воздухѣ.

. . . .

Вспомнилось: —

— передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Дорнаха я присутствовалъ на репетиціи эвритмической постановки той сцены изъ «Фауста», гдѣ являются передъ тѣломъ умершаго Фауста роемъ Лемуры: его разлагать; и среди нихъ Мефистофель; потомъ появляются ангелы; и начинается бой изъ-за Фауста; помню я: Штейнеръ, взявъ книгу, участникамъ репетиціи показалъ, какъ имъ слѣдуетъ передать эту сцену: сыгралъ Мефистофеля; дѣйствіе этой

— о, нѣтъ, не игры! — было сильно; лицо передернулось; и, отступая отъ ангеловъ, —

— чортъ, поставивши локти углами, юлилъ и винтилъ, и приплясывалъ перекидными прыжочками и клоняясь налѣво, перегибаясь направо, пороча слетающихъ ангеловъ, перелетая глазами, вдругъ ставшими впалыми, черными, острыми глазками —

— выявилъ распаденіе органовъ тѣла на части, —

— рука, отдѣляясь отъ тѣла, являя не то, что нога, будто праздно приставленная къ туловищу и отъ него отдѣленная, —

— обнаружился тѣлесный распадъ на отдѣльные пункты, черезъ которые въ ангеловъ ухала буря пустотъ черезъ прорѣзь зрачковъ.

. . . .

Это было явленіе несомнѣнно серьезнѣе, чѣмъ явленіе одесскаго доктора на французской границѣ; вторая граница — опаснѣе первой; да, если каждый брюнетъ — черный ангелъ, сэръ — черный архангелъ, —

— такъ мелькнуло бы мнѣ, если-бъ что нибудь въ мигѣ мелькнуло; но въ мигѣ ничто не мелькнуло, какъ не мелькнуло товарищу.

Да!

Позабылъ я сказать: вѣдь изъ Дорнаха ѣхалъ съ товарищемъ я; но съ минуты отъѣзда изъ Берна мы оба ушли другъ отъ друга въ свой собственный міръ:

не глядѣли другъ въ друга: передъ собой и — въ себя; такъ что мы не видали другъ друга; ушли другъ отъ друга.

Воспоминанья о близкихъ, оставленныхъ въ Дорнахѣ, насъ разлучили; и, во вторыхъ, мы всецѣло ушли въ наблюденіе образовъ, проходившихъ, какъ знаки; одновременно мы поняли, что намъ лучше другъ съ другомъ молчать; не обмѣнивались передающими взглядами; передачу могли подсмотрѣть, или прямо украсть; лишь позднѣе, въ Москвѣ мой товарищъ признался: съ момента вступленія въ Англію чувствовалъ властный запретъ разговаривать; даже чувствовалъ властный запретъ вспоминать обо всемъ, что намъ близко; чистѣйшія мысли они, ихъ прочтя, подмѣнили-бъ грязнѣйшимъ, напечатавши, напримѣръ, интервью: «мысли двухъ иностранцевъ».

. . . .

Я думалъ о сэрѣ, но сэра на палубѣ не было; спалъ; очертанія океаническихъ чудищъ стояли вдоль гавани: рядомъ, вдали, справа, слѣва, рои грязноватыхъ тумановъ, ставъ сизыми дымками, озаренными солнцемъ, тащились вдоль зелени лѣваго берега; повалила толпа пассажировъ по направленію къ борту, чтобъ влиться въ баракъ (для осмотра). Тогда-то опять завертѣлся тотъ сэръ, оказавшійся въ свѣтѣ англійскаго утра невиннымъ и радостнымъ джентльменчикомъ; подхватилъ чемоданъ и подталкивая его толстое тѣло колѣнкой, привѣтливо под-

нялъ котелокъ, насъ увидѣвъ, и переполнилъ пространство межъ нами мельчайшими бисеринками словъ, выпускаемыхъ черезъ зубы, провелъ насъ къ барьеру; и помогалъ отвѣчать на вопросы, которые предлагались чиновникомъ сыска; онъ выручилъ насъ изъ бѣды, извлекая пропавшій багажъ телеграммою, имъ отправленной въ Гавръ; элегантно одѣтый подпрыгивалъ фертикомъ; перекидными прыжочками насъ догонялъ. Наклоняясь ко мнѣ, но стрѣляя живѣйшими глазками прямо въ товарища, онъ стальною колѣнкой подталкивалъ свой чемоданъ, острымъ локтемъ показывалъ намъ на поданный лондонскій поѣздъ, смѣясь надъ нелѣпой фигурою русскаго эмигранта, мелькнувшаго издали.

Думалось: также вотъ онъ и вчера посмѣялся надъ нами; — а я то, а я то... И разсыпаясь въ любезностяхъ, обѣщали другъ другу, что мы повстрѣчаемся въ Лондонѣ; на вокзалѣ разстались мы съ... этимъ милымъ, достойнымъ, привѣтливымъ, маленькимъ с э р о м ъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

ТОМЪ ВТОРОЙ

ÉDITIONS L'AGE D'HOMME
LAUSANNE 1973

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА / БЕРЛИНЪ
1922

ЛОНДОНЪ

Великолѣпенъ видъ Лондона.

Темза закована въ камни: сидишь подъ зеленой дубравой на лавочкѣ;курятся дымками неопредѣленности воздуха; кружевомъ готики морщится ставшая шпицами благородная тѣнь: —

— Уэстминстерское

Аббатство! А солнце ширѣетъ къ закату, садяся на трубы; и глянецъ летучится въ стеклахъ домовъ, неподавляющихъ вышиною, достойныхъ, пріятно ласкающихъ ритмомъ пропорцій; коричневатая, сѣро-желтая, сѣрая окаменѣлость стѣны потеряла вѣсомость, запепелѣла вечернею тѣнью: и кажется головой джентльмена, пріятно пробритаго и моложаваго, несмотря на упавшее на него бремя лѣтъ, — джентльмена, идущаго вдоль нее въ сѣрой фетровой шляпѣ и сжимающаго перчатку въ рукѣ, —

— да: ходить зажимая перчатку въ рукѣ, значитъ быть джентльменомъ; я первые дни не ходилъ, зажимая перчатку въ рукѣ: я не былъ джентльменомъ; мнѣ послѣ открыли глаза:

и я сталъ джентльменомъ: —

— но фетровой сѣрой шляпы, непрущей полями въ глаза не купилъ: —

— широкополыя шляпы есть «шокингъ»; въ Лугано — увы! — покупаютъ себѣ широкополыя шляпы (и шляпа моя изъ Лугано, здѣсь въ Лондонѣ, уличаетъ меня)... —

— уличалъ меня стэкъ: здѣсь со стэками ходятъ солдаты-канадцы: въ канадскую армію зачисляются русскіе (чистокровный британецъ не станетъ «канадцемъ»).

. . . .

Великолѣпенъ кварталъ, гдѣ раскинулся львами Британскій Музей; здѣсь дома тяжелѣютъ стѣнами; достойныя мѣдныя доски фундаментально поблескиваютъ; домъ, тяжелый, отчетливо отдѣленъ отъ другого, тяжелаго дома — зеленою купой деревьевъ; изъ лапчатыхъ листьевъ летитъ хаотическій шумъ; среди этого шума стоитъ фешенебельно домъ: джентльменъ: и — мечтательно куритъ сигару: —

— въ коричневомъ смокингѣ, индивидуально свободный, отдѣльный отъ всѣхъ джентльменовъ-домовъ! —

— и выраженьемъ подъѣзднаго рта, выраженіемъ стеклоглазыхъ оконныхъ отверстій напоминаетъ: Гладстона, —

— а между тѣмъ принадлежитъ онъ купцу изъ Іоркшира, про-

изводящему толстыхъ, достойныхъ свиней и поставляющихъ свинятину міру.

Я — подъ нимъ прохожу; и — поднимаю почтительно пару перчатокъ, зажатыхъ въ рукѣ: домъ-Гладстонъ, отряхнувъ изъ трубы на меня пепелъ дыма, внушительно смотритъ, безъ словъ говоря:

«Да, да, да!»

— «Вамъ пора, сэръ, смириться!»
— «Вы — носите стэкъ!»
— «У васъ шляпа съ полями».

И точно такія же рѣчи я слышу отъ дома напротивъ: онъ — сѣрый, тяжелый, индивидуально отставленный отъ сосѣдняго дома налѣво и отъ сосѣдняго дома направо; распахивается подъѣздъ; и плюетъ на меня онъ лакеемъ, стоящимъ посрединѣ распахнутой двери съ уничтожительнымъ подбородкомъ: — такъ плюнувши на меня, джентльменъ — домъ напротивъ! — своимъ ледоглазымъ отверстьемъ окна простеклянитъ мою душу: —

— «Пора, сэръ, смириться».

И я пробѣгаю впередъ: домъ за домомъ, тяжелые, индивидуально отставленые другъ отъ друга — все пэри и лорды, принадлежащіе къ партіямъ тори и виги, въ коричнево-дымныхъ, сѣрѣющихъ смокингахъ, мнѣ бросаютъ строжайше:

— «Пора, сэръ, смириться!»

Я, въ лоскъ уничтоженный всѣми домами квартала и всѣми прохожими этихъ достойныхъ домовъ, выбѣгаю стремительно по направленію къ Пика-

дили: **тамъ проще; тамъ бродятъ солдаты-канадцы съ широкополыми шляпами и задорными стэками.**

. . . .

Окаменѣлости домовыхъ плоскостей, не крича, точно головы строгихъ Гладстоновъ, протяжелѣли достоинствомъ, благородствомъ и вѣсомъ себя сознающей души, — одѣваются въ сплинные дымки легчайшаго вечера; и уступы, и выступы, бронзовѣя мѣдяными досками, просѣдаютъ, какъ въ стулъ, въ пепелѣющій тѣнями міръ: джентльмены — Гладстоны, Ллойдъ-Джоржи и Греи играютъ другъ съ другомъ въ бостонъ, наплевавъ на меня; мнѣ отъ этого легче: любуюсь ихъ статью.

Легчая, зашириились площади, монументально украшенныя постаментами; и монументы, тѣнѣя, легчаютъ, взлетаютъ; какъ палецъ, протянутый ввысь, великолѣпно стрѣляется контуромъ въ небо колонна Нельсоновой Статуи; въ отсѣреніяхъ проступаютъ янтарно огни; въ отсѣреніи растворяются: стѣны, карнизы, колонны, фронтоны, подъѣзды; текутъ шелестящія гущи людей: слава Богу: не лорды и леди (ихъ меньше здѣсь!), а какъ и я, джентльмены; рѣдѣютъ они: повалилъ сплошной «мистеръ», въ сопровожденіи — о, нѣтъ не мистрисъ! — а веселыхъ хохочущихъ, розовыхъ, перистыхъ дамочекъ; повалилъ сплошной Томми — изящный, блистательный, выбритый: Томми — солдатъ; вмѣстѣ съ «мистеромъ» и пернатою дамочкой весело бродитъ онъ; на-

дѣляетъ пинками меня; не обидно ничуть: онъ — меня, я — его.

Видно здѣсь мое мѣсто: увы, джентльменъ врядъ ли я — просто «мистеръ» со «стэкомъ» въ рукѣ, лишь для вида носящій перчатки; тутъ рой котелковъ, перьевъ, хлыстиковъ, шутокъ, гудковъ и свистковъ; зацѣловались посрединѣ проспекта, кипящаго людомъ: и эти, и тѣ; и никому нѣтъ до этого дѣла!

И кажется Лондонъ широкимъ просторомъ; и линіи стѣнъ, неозаренныя матовымъ свѣтомъ, тѣнясь, овоздушились (джентльмены - дома за бостономъ должно быть заснули) —

— и линія электрическихъ фонарей съ колпачками, надѣтыми сверху (предосторожность на случай прилета сюда цепелиновъ), свой свѣтъ не бросаютъ на линію стѣнъ и на небо надъ ними: —

— оттого - то надъ Лондономъ ночью, свѣтясь, не рыжѣютъ туманныя мути, а —

— лиловѣетъ чернотная бездна на стѣны упавшаго неба; — и образуется черною линіей стѣнъ съ непроницаемыми занавѣсками оконъ и небомъ, припавшимъ на крыши — темнѣйшій туннель, по срединѣ котораго призрачный свѣтъ озаряетъ громовые говоры тысячей призрачныхъ силуэтовъ —

— ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ Томми, перебѣгающихъ улицы и убѣга-

ющихъ отъ трамваевъ, пролетокъ, авто, —

— пролетающихъ и разрѣзающихъ улицу, перевозящихъ ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми» ...

. . . .

Гигантскіе свѣтовые мечи, вдругъ занесшись надъ призрачнымъ Лондономъ: —

— протрясутся нѣмою угрозою; и — разсѣкутъ бездну ночи, упавъ къ горизонту; а то — залетаютъ: летаютъ, летаютъ, летаютъ, пересѣкаясь — оттуда, отсюда: туда и сюда; вотъ одинъ свѣтовой, нѣмой мечъ, — вдругъ поднявшися перпендикулярно, пытается перелетѣть міровое пространство; и — дотянувшись до Господа Бога, его освѣтить: —

— всѣ стоятъ, вздернувъ головы; смотрятъ, гдѣ онъ, Господь Богъ: никого, ничего; — мечъ падаетъ; мигъ и —

— ай! —

— улица, на которой стоишь, освѣтилась ослѣпительно: вспыхнули на мгновеніе «мистеры», дамочки, «Томми»; на дамочкѣ вспыхнули серьги, на Томми — нашивки; все стало живымъ, полнокровнымъ, въ упавшемъ вдоль улицы, улицу пополамъ перерѣзавшемъ мощномъ лучѣ; въ мѣстѣ же рукояти, оттуда, стрѣльнуло алмазное око прожектора; —

— ай! —

— и вознесся на небо прожекторъ: и

призрачнѣй свѣточи полуприпущенныхъ фонарей съ полупризрачнымъ роемъ: —

— ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми», перебѣгающихъ улицы отъ тѣневыхъ перелетовъ трамваевъ, наполненныхъ роемъ ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми»!

. . . .

Ночью Лондонъ — огромный, упавшій на землю, оскаленный ужасомъ песъ. Обрастаетъ онъ мракомъ, какъ шерстью; въ шерсти же — въ упавшемъ надъ Лондономъ небѣ — заводятся блохи: прискачетъ ихъ ярая стая, кусая упавшими бомбами; эти точки, затерянныя тамъ, въ пространствахъ тумана, — не блохи, а... цеппелины; и «песъ» начинаетъ рычать и искаться въ шерсти ослѣпительными лучами прожекторовъ; и свѣтовые воздушные зубы-прожекторы — яро кусаются: а высоко-высоко въ шерсти переползаетъ «блоха» малой точкой: —

— летитъ цеппелинъ: и кусается бомбами, разнося тяжелѣйшіе стѣны домовъ; здѣсь и тамъ, какъ болячка укусовъ, зіяетъ проваломъ на улицѣ неживая развалина дома —

— не видѣлъ я ихъ: но другіе ихъ видѣли.

. . . .

Я же видѣлъ такую картину: пересѣкая проспекты, съ верхушки трамвая, я любовался роями галдящихъ тѣней, перелетающихъ съ невѣроятною

скоростью у меня подъ ногами; и — отлетающихъ въ неопредѣленности тусклыхъ далей проспектовъ; казалося, что туманъ, набѣгая изъ далей проспекта съ невѣроятною быстротою, распадался на атомы: то есть — на тысячи «мистеровъ», «проститутокъ», «канадскихъ» солдатъ, начинавшихъ галдѣть подъ ногами; и — относимыхъ съ такою же быстротой въ противоположную сторону: въ дали проспектовъ, гдѣ всѣ они, затускнѣвъ, замутясь, плотно слипнувшись въ массы, опять становились — легчайшимъ туманомъ; смотрѣлъ: высыпалися тысячи «мистеровъ» подъ ноги мнѣ изъ тумановъ; и, вымётаясь оттуда, взлетали за трамомъ, какъ пыль изъ подъ ногъ, разсыпаясь въ ничто: трамъ летѣлъ; около Пэрмитъ-Офисъ; вдругъ: —

— съ востока надъ крышами, съ запада, съ сѣвера, съ юга —

— забили фонтаны прожекторовъ въ небо: и — пересѣклись на небѣ въ одно свѣтовое пятно: точно солнечный зайчикъ, иль ложное солнце средь ночи образовалось въ пересѣченьи лучей: пересѣкаясь въ пятно: —

— мчалась по небу точка: вокругъ меня вскрикнули, повскакали стремительно съ мѣстъ и задравъ свои головы взглядомъ воткнулись въ летящую точку —

— я слышалъ, какъ гаркнули «тысячи» мистеровъ съ улицы подъ ногами —

— то (думалъ въ наивности я) цеппелинъ; глядя на летящую точку надъ нами, признаться испытывалъ непріятное ощущеніе отъ возможности расшибить свою голову при помощи упадающей бомбы, но —

— крикъ англичанъ — былъ ликующій: точкою въ небѣ летѣлъ англичанинъ: сторожевой аэропланъ.

Ночью призрачёнъ Лондонъ.

. . . .

Утрами угашается призрачный свѣтъ фонарей; но еще ранѣе, къ часу ночи несмѣтныя тысячи «мистеровъ», какъ роса, осушаются: сухи и пусты проспекты.

Когда угашается свѣтъ фонарей и блѣднѣетъ, туманяся, небо, — квадратный туннель, образованный изъ чернотныхъ домовъ и чернотной покрышки надъ ними, разъявшись на части, воздушнится, таетъ —

— и проступаютъ неявственно окаменѣлые головы коричневатыхъ и сѣрыхъ Ллойдъ-Джоржей — тяжелыхъ домовъ; и говорятъ, приподнимая почтенное око густой занавѣски — въ міръ призраковъ: плящущихъ «мистеровъ».

— «Сэры, довольно!»

— «Пора вамъ смириться».

Но сэровъ давно нѣтъ на улицѣ: тяжело-крохотная повозка тамъ ѣдетъ; стоитъ уже себѣ полисменъ и киваетъ почтительно округленною каскою.

Джентльменъ, фешенебельный домъ, тяжелѣетъ: мечтательно куритъ сигару; и дымъ вылетаетъ изъ лапчатыхъ листьевъ: то въ кухнѣ готовится утренній ростбифъ купцу изъ Іоркшира, владѣльцу свинятины и обитателю дома Гладстона.

Напротивъ: уже пробуждается домъ - Чемберлэнъ; великолѣпный кварталъ воплощается въ ясность дневного сознанія; коричневатая сѣро-желтая, сѣрая плоскость стѣны овеществилась и получила свой каменный вѣсъ; все пріятно, пристойно, ласкаетъ опрятностью, индивидуальною независимостью и вмѣстѣ скромностью ритма пропорцій; и мѣдныя доски подъѣздовъ и фирмъ бронзовѣютъ; и проплотнѣлъ тяжкій Нельсонъ посрединѣ вокругъ суженной площади — съ высочайшаго пьедестала; и солнце, ширѣя съ востока, отправилось съ крышъ —

— Куда? —

— Въ Сити: —

— и голова моложаваго, несмотря на года, чисто выбритаго джентльмена подъ сѣрою шляпою отправилась: въ Сити; —

— и лѣвой рукой сжавъ перчатки, и прижимая перчатки пристойно къ груди, направляясь —

— который разъ! —

— въ то же мѣсто: въ Пэрмитъ-Офисъ (гдѣ стараются мнѣ доказать, что напрасно спѣшу я изъ Лондона, что пожалуй удобнѣе мнѣ записаться здѣсь въ Лондонѣ, добровольцемъ, въ канадскую армію, — и быть

посланнымъ отбывать полицейскую службу: въ Ирландію).

Бѣдный я!

Домъ — фешенебельный домъ! — меня учитъ:

— «Да, сэръ, вамъ пора присмирѣть!»

Домъ напротивъ поддакиваетъ:

— «Эй, вы, мистеръ, — смиритесь!»

А наискось кучка домовъ начинаетъ гласить, что я даже не мистеръ: а — финтифлюшка какая-то.

И тѣмъ не менѣе: великолѣпенъ видъ Лондона; Темза блистаетъ: и кружевомъ тянутся въ воздухѣ шпицы Уестминстерскаго Аббатства.

ФАНТАСМАГОРІЯ

Никогда не забуду я первый нашъ лондонскій вечеръ: съ него началось посвященіе въ Лондонъ.

Къ намъ въ дверь девятижды ударились фешенебельно-трезвые трески; и по швейцарской привычкѣ я крикнулъ — о, ужасъ!

— «Herein»

Я поправился тотчасъ:

— «Entrez»...

Фешенебельно-трезвые трески себя проявили въ особенной поступи:

— «Ту-туктукъ-ту-туктукъ-ту-туктукъ».

Пріотворилася дверь; и — тотъ сэръ, фешенебельно-трезвый, какъ трескъ, отъ головы и до ногъ во всемъ лондонскомъ, неузнаваемо сдержанный, одаряя улыбкою насъ, фешенебельно-трезвый, какъ Лондонъ, — стоялъ передъ дверью: и пара бѣлѣйшихъ перчатокъ, безукоризненно чистыхъ, напоминающихъ пару перчатокъ старинныхъ берейторовъ, бросилась въ мозгъ (ихъ держалъ онъ въ рукѣ), —

— эта пара перчатокъ, напоминающихъ пару перчатокъ берейторовъ, складывалась въ ассоціаціяхъ памяти въ полузабытые ритуалы полузабытыхъ торжествъ, о которыхъ я нѣкогда читывалъ, —

— бросилась въ мозгъ, волнообразіе мысли моей превратя въ рядъ какихъ-то зигзаговъ, распавшихся въ атомы сэра Ньютона и закружившихся въ смутные вихри теоріи лорда Кельвина о построеньи, вѣрнѣй, о разстройствѣ вселенной —

— перчатки, берейторы, ритуалы и ритмы —

— «Что это?»

Но я спохватился, сердечно привѣтствуя сэра, не показавшагося мнѣ подъ лондонскимъ воздухомъ маленькимъ, пляшущимъ «джентльменчикомъ», осыпавшемъ вчера еще въ Гаврѣ насъ солями ѣдкимъ остротъ; не подавляющій вышиною, достойный, въ пріятнаго, пепельно-сѣраго цвѣта пальто, обращающаго вниманіе прочностью, строгимъ покроемъ

и ритмомъ пропорцій, — улыбаясь, моложаво привѣтствовалъ насъ сухой горькостью рта и очесанной темной бородкою.

— «Я сегодня свободенъ, и покажу панораму: весь Лондонъ».

— «Ручаюсь я, въ три-четыре часа вы увидите, джентльмены, картину, которую безъ меня не увидѣли бы вы, проживъ тутъ мѣсяцъ».

При этихъ словахъ въ перепуганныхъ взорахъ товарища, устремленныхъ на пару перчатокъ, напоминающихъ пару перчатокъ берейтора, ритуалы и ритмы, — произошло что-то странное: остановились они въ недоумѣнномъ испугѣ и явномъ протестѣ —

— волнообразіе мыслей его, вѣроятно, разстроилось, потому что изъ глазъ полетѣли его лишь зигзаги и амоты сэра Ньютона, безтактно крутяся въ томсоновыхъ вихряхъ разстройства вселенной, образовавшихся подъ черепною коробкою . . . —

— Я, это видя, рѣшилъ прекратить неприличіе созданной ситуаціи и немедленно согласился на предложеніе корректнаго сэра, обособленнаго въ стойкость себя сознающей души и желающаго оказать гостепріимство двумъ путникамъ дружественной и союзной державы:

— «Итакъ — рѣшено. . . Я сегодня свободенъ отъ дѣла. . . Завтра утромъ я занятъ. . . Я ѣду въ Оксфордъ — и по серіозному дѣлу». . .

— «Оксфордъ», думалъ я, «тотъ Оксфордъ, гдѣ... и — прочее, прочее... Гдѣ профессора Умова,

облача въ ритуальную тогу, торжественно посвящали въ санъ «доктора физики», и куда уѣзжалъ Виноградовъ... гдѣ нынѣ сидитъ Милюковъ; и гдѣ намъ — не бывать...»

— «О, Оксфордъ!»

— «Что же, двинемся?»

Двинулись: если-бъ не двинулись — думалъ я — все равно этотъ ласковый сэръ, по очереди схвативши за шиворотъ насъ, какъ пустыя пальто, и облекшися въ насъ, какъ въ свои оболочки, насильственно все-таки проволочитъ по проспектамъ.

Мы двинулись: солнце ширѣло къ закату, садяся на трубы; и глянецъ летучился въ стекла домовъ, не подавляющихъ вышиною, достойныхъ, пріятно - ласкающихъ ритмовъ пропорцій; и — мимо львовъ, возлагающихъ лапы на прочные камни музея, пошли; но вѣрнѣй — побѣжали: схвативши за лѣвую руку меня и за правую руку товарища, наклоняясь налѣво, ко мнѣ и стрѣляя опять залетавшими глазками въ зданіе, что напротивъ («Вотъ домъ, гдѣ была «лавка древностей» Диккенса), наклоняясь къ товарищу и стрѣляя летучими взорами въ коричневатыя зданія — («Здѣсь старѣйшіе букинисты), тотъ сэръ незамѣтно опять сталъ тѣмъ плящущимъ сэромъ, — перекидистыми прыжочками, насъ толкая локтями и посыпая разсыпанный бисеръ неумолкаемыхъ словъ бриліантовымъ блескомъ летучихъ сарказмовъ, остротъ, историческихъ параллелей, характеристикой быта, — въ представ-

леньи моемъ становился онъ «чортикомъ» малымъ. игривымъ; и — развивалъ въ перебѣгѣ черезъ улицы, въ лавированіи межъ кэбовъ и трамовъ такую увертливость, что окруженный — трамваями, токомъ прохожихъ и зданій, естественно я превратился въ болвана съ разинутымъ ртомъ, не умѣющаго оцѣнить невѣроятные росчерки утонченнѣйшихъ шутокъ, которыми «чортикъ», влекущій насъ, окружалъ свои мысли: оригинальныя, сильныя, ударяющія по подсознанію нашему, какъ рѣзецъ гравировальнаго мастера по металической tabula rasa, которою стала душа моя, не могущая сочетать въ одно цѣлое впечатлѣніе бытовыхъ miscaellanea, улицъ, проспектовъ, гремящихъ, дрожащихъ мостовъ, постаментовъ, готическихъ шпицовъ и шумныхъ, вечернихъ дубровъ, переполненныхъ толпами пляшущихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми», черезъ которые насъ увлекалъ «джентльменчикъ», перегибаясь направо-налѣво, толкая локтями въ бока и толкая стальною колѣнкою: онъ развивалъ въ столь огромную быстроту потенціалы энергіи, жившей въ немъ, что казался источникомъ нѣкой космической бури, радіоактивными токами вылетавшей изъ маленькихъ глазъ: въ этой умственной бурѣ; понятія, отдѣлясь отъ понятія, начинали, плотнѣя, крутиться и облекалися въ образы —

— «мистеровъ», отдѣленныхъ отъ «мистеровъ», пересѣкающихъ безконечность проспектовъ, опепеленныхъ тѣнями и выметаемыхъ изъ подъ ногъ «джен-

тльменчика», насъ тащившаго въ противоположную сторону отъ десятковъ, отъ сотенъ, отъ тысячей возметаемыхъ «мистеровъ», улетающихъ точно пыль въ отдаленную неопредѣленность — Ничто.

. . . .

Въ этой скачкѣ межъ словъ и людей вдругъ стало и страшно и пусто: какъ будто бы пересѣкали не Лондонъ мы, а міровое пространство, въ которомъ случайно сложившійся вихрь лорда Кельвина (Томсона) образовалъ на мгновеніе міръ, называемый Лондономъ: вотъ онъ лопнетъ, а въ лопнувшемъ Лондонѣ — міровой пустотѣ — нашъ пробѣгъ съ джентльменомъ, умѣющимъ строить міры по Томсону и атомы по Ньютону, окажется бѣгствомъ лукаваго Чорта, таки утащившаго за собой двѣ души: —

— въ

перепуганныхъ взорахъ товарища, устремленныхъ на палецъ перчатки, единственной —

— гдѣ другая? —

— на-

поминающій палецъ перчатки берейтора —

— въ

перепуганныхъ взорахъ товарища праздно летали зигзаги распавшихся мыслей вселенной, теперь упраздненныхъ подъ черепною коробкой его: явно онъ вырывался изъ цѣпкой руки «джентльменчика», не поспѣвая за нами, рискуя застрять межъ трамваями; я, это видя, пытался — увы! — возмѣстить неприличіе жестовъ товарища полной готовно-

стью поспѣвать за какою угодно стремительной силой наростанія сумасшедшаго бѣга по сумасшедшему городу: напрасно тащился: —

— рука, за которую уцѣпившись тащилъ меня «ч о р т ъ», отдѣляясь отъ тѣла, летѣла за «чортомъ»; нога, будто праздно приставленная къ животу и отъ него отдѣленная тоже, обнаружила тѣлесный распадъ на отдѣльные пункты, черезъ которые изъ меня самаго на меня глухо ухала пустота: м і р о в о е н и ч т о... —

— Это было явленіе, несомнѣнно серьезнѣе, чѣмъ стояніе передъ барьеромъ — тамъ, въ Гаврѣ: внутри второй грани совершалось явленіе подъ именемъ «л о п н у в ш і й Л о н д о н ъ»...

. . . .

Но Лондонъ не лопнулъ: —

— коричневатая сѣрожелтая, сѣрая окаменѣлость стѣны, потерявшей вѣсомость, хотя и пепелѣющей тѣнью —

— стѣна, вдоль которой — вонъ шелъ джентльменъ въ сѣрой фетровой шляпѣ, непрущей полями, такой моложавый, хотя совершенно серебряный, бритый и зажимающій пару сѣрѣвшихъ перчатокъ въ рукѣ —

— окаменѣлость стѣны говорила, что Лондонъ не лопнулъ!

. . . .

Великолѣпный кварталъ, средь котораго мы оказались теперь, фундаментально поблескивалъ мѣдными досками; домъ, тяжелый, отчетливый — домъ-джентльменъ, закурившій сигару средь лапчатыхъ листьевъ, подъ тяжелѣйшимъ подъѣздомъ котораго проходили мы — трое! — почтительно приподнявши перчатки, — осклабился намъ пріятно раздвинутымъ ртомъ (тяжелѣйшимъ подъѣздомъ), произнеся:

— О, да: —

— «сэры», —

— «я — есмь!»

Изъ подъѣзда прошелъ джентльменъ въ желтовато-коричневомъ смокингѣ — свиноторговецъ Іоркшира — съ лицомъ, добродушно-насмѣшливымъ, наполовину разсѣяннымъ, наполовину меланхолическимъ, напоминающимъ выбритый ликъ нынѣ здравствующаго президента Сѣверо-Американской республики, коей знамя украшено столькимъ количествомъ звѣздъ вселенной.

«Джентльменъ», открывающій панораму безсмертнаго города, въ этомъ строгомъ пристойномъ кварталѣ, преобразился: убавивши шагъ, и заведя разговоръ —

— вы представьте себѣ —

— о матеріи и алхимическомъ, философическомъ камнѣ — сталъ: сэръ фешенебельно-трезвый, неотличимый отъ фешенебельно-трезваго сэра направо и отъ такого же сэра налѣво; отъ головы и до ногъ во всемъ лондонскомъ,

ясный, какъ Лондонъ, играя бѣлѣйшей перчаткой, казалось, привѣтственно онъ обращался къ домамъ, какъ къ друзьямъ, а дома намъ бросали:

— «Пора вамъ смириться, эй — мистеры».

Сопровождающій «джентльменъ», оказавшійся другомъ того, что насъ явно ругалъ, — насъ предалъ; когда я взглянулъ на него, остановился онъ, и по камню ударивши тросточкой:

— «Тукъ-туктукъ!»

— «Тукъ-туктукъ!»

— «Тукъ-туктукъ!»

Посмотрѣлъ на меня: стукъ же тросточки выразилъ:

— «Ну, теперь вы смиритесь подъ властью Британскаго Льва».

— «Именемъ закона — я васъ... —

— другой очеркъ лица я увидѣлъ: меня наблюдающій очеркъ, таинственный сосредоточенно-чопорный, укрывающій подъ огромною лобною костью желѣзную силу, которая при желаньи могла бы не только расплющить огромныя толпы людей, создаваемымъ кодексомъ quasi-ясныхъ общественныхъ мнѣній, которая при желаніи могла бы промять земной шаръ, какъ раздавленный прорванный мячикъ; —

— съ такою вотъ силой сопровождающій насъ джентльменъ безо всякой любезности, съ укоризной, не удостаивающей обрушить свой гнѣвъ на свершенное кѣмъ-то — не нами-ли? — гад-

кое дѣло, —съ такою вотъ силою онъ произнесъ, поглядѣвъ на меня:

— «Мы зайдемъ помолиться теперь, сэры, въ церковь Петра и Павла»...

— «Совершается тамъ панихида по утопленномъ Китченерѣ».

Побѣдоносное «я» было поймано и повѣшено на мгновеніе ока законною властью британскаго льва —

— потому что оно ощутило съ непререкаемой ясностью: —

— «Тебѣ кажется только, что ты — ничего себѣ: «такъ».

— «Проживая въ нѣмецкой Швейцаріи»...

— «Слушая пушки Эльзаса у самой границы Эльзаса»...

— «Тебѣ недвусмысленно объ этомъ намекали въ Парижѣ и въ англійскомъ консульствѣ въ Driнѣ... Тебѣ намекали вчера еще въ Гаврѣ объ этомъ»...

— «Разрушилъ соборы — ты, ты!»

— «И, наконецъ: утопилъ Китченера».

— «Тебѣ угрожаетъ за это — ты самъ знаешь что!..»

И я былъ расплющенъ: казалося — тѣло мое не имѣетъ уже подобающихъ измѣреній; одно изъ нихъ вдавлено; два другія остались, но что изъ того, коли я внѣ-пространственно переселился въ плоскость и неприлично прогуливаюсь на сѣроватомъ экранѣ,

смущая и выдавая себя передъ н и м и огромною синевой провалившихся глазъ.

Мы — картина кинематографической ленты, которую такъ внимательно изучаютъ о н и; остановись она, — и застыну навѣки въ испуганной дѣланной позѣ, вдругъ схваченный этой властной рукой и увлеченный въ потоки космической бури — томсоновыхъ вихрей! — тамъ строющей эфемерные фронты другъ друга губящихъ людей, и воздвигающихъ здѣсь предо мной т о г о с э р а, огромныя площади, тысячей мистеровъ, «Томми», канадцевъ и «дамочекъ». Эти стеченія мыслей нашелъ я въ себѣ, выходя изъ собора, кидаясь въ потоки людей; окаменѣлости домовыхъ плоскостей, не крича, точно головы строгихъ Гладстоновъ, одѣтыя сплинными тѣнями, сѣли, какъ въ стулъ — въ сѣрый міръ; ужъ какъ палецъ, протянутый въ высь, затерялась тѣнь длинной колонны Нельсоновой статуи; въ отсѣреніяхъ растворились всѣ въ тѣни; повеселѣвшій и ставшій вновь пляшущимъ сэръ, перемѣняющій тембръ отношеній, какъ пары перчатокъ, просыпалъ вновь бисеръ неумолкаемыхъ словъ, шутокъ, игръ, историческихъ параллелей; схвативши насъ за руки, развивалъ среди улицъ галдящихъ, пересыпающихъ «мистеровъ», бѣшенный бѣгъ, окруживъ насъ трамваями, парками, ресторанами и утонченной динамикой вьющихся орнаментиковъ изъ мысли; онъ влекъ насъ туда и сюда, перелетая быстрѣйшими, стрѣловидными глазками черезъ головы «мистеровъ», среди линіи электрическихъ фо-

нарей, надъ которыми лиловѣла чернотная бездна на стѣны упавшаго неба, средь тусклыхъ тоннелей, отчетливо сложенныхъ черною линіей стѣнъ и чернотною бездной на стѣны упавшаго неба — средь тусклыхъ тоннелей, иль даже —

— средь тусклыхъ, прямыхъ, свѣтовыхъ проницаемыхъ змѣй, протянувшихся посерединѣ Ничто иль вселенной —

— внутри же одной изъ нихъ мы всѣ трое неслись среди тысячей призрачныхъ силуэтовъ ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми», перелетающихъ среди трамваевъ, пролетокъ, авто, перевозящихъ ликующихъ «мистеровъ» и ликующихъ «Томми».

. . . .

Гигантскіе свѣтовые лучи, вдругъ занесшись, пыталися дотянуться до Господа Бога, его освѣтить, а хохочущій «джентльменчикъ», задравъ голову, намъ показывалъ вверхъ: —

— вмѣсто Господа Бога образовалося ложное солнце-ничто; вѣроятно лордъ Кельвинъ, соединившись съ Лапласомъ и Кантомъ — тамъ, тамъ, въ міровой пустотѣ — въ это время какъ разъ насъ устраивали въ каплѣ съ масломъ. . . —

— теорію Канта-Лапласа вы помните?

. . . .

— «Ай!»

Лучъ, перпендикулярно поставленный вверхъ, падалъ сверху на насъ: ослѣпительно проблиставъ, Томми, дамочки, мистеры, освѣщенные призрачной жизнью, неслись съ быстротой — въ даль проспектовъ, гдѣ всѣ они затускнѣвъ, замутяся и сплюснувшись, становились легчайшимъ туманомъ: космической пылью...

Средь этого марева міра пляшущій сэръ, оттолкнувши колѣнкой пустой земной шарикъ, какъ мячъ отъ футбола, въ пространства вселенскихъ пустотъ, окруженный роями тѣней, держа крѣпко за руки —

— несся:

и несся, и несся, пронизывая сталью глаза, и — хохоча до упаду: —

— «вотъ вамъ панорама: весь Лондонъ». —

— «Въ четыре часа вы увидѣли, джентльменъ, картину, которую безъ меня не увидѣли-бъ вы». —

— «Изъ Москвы вы навѣрно будете вспоминать добродушнаго «чортика», показавшаго Лондонъ»... —

— и несся, и несся, и несся: въ пространства пустотъ, окруженный роями тѣней, держа за руки насъ —

— до той улицы, на которой стоялъ «Милльсъ-Отель».

. . . .

Намъ казалося, что непосредственно опустились изъ воздуха мы на подъѣздъ «Милльсъ-Отеля».

— «Прощайте же, сэры... пріятнаго путешествія... А я завтра въ Оксфордъ»...

— «О, Оксфордъ», думалъ я, «гдѣ сидитъ Милюковъ; и гдѣ мнѣ никогда не бывать»...

Наша дверь отворилась: лучъ свѣта ослѣпительно освѣтилъ намъ любезнаго спутника, одаряющаго насъ прощальной улыбкой (между прочимъ: онъ взялъ таки у меня для чего-то московскій мой адресъ), въ пріятнаго, пепельно-сѣраго цвѣта пальто, обращающаго вниманіе прочностью, строгимъ покроемъ и ритмомъ пропорцій: стоялъ передъ дверью: —

— и пара бѣлѣйшихъ перчатокъ, безукоризненно чистыхъ, напоминающихъ пару перчатокъ старинныхъ берейторовъ, при прощаніи бросилась въ мозгъ (ихъ держалъ онъ въ рукѣ) —

— эта пара перчатокъ, напоминающихъ пару перчатокъ старинныхъ берейторовъ, складывалась на протяженіи мѣсяцевъ въ ассоціаціяхъ памяти въ полузабытые ритуалы полузабытыхъ мистерій...

. . . .

Окончилось: что это было?

Стояли мы въ комнатѣ: я посмотрѣлъ на товарища: и въ глазахъ у него я увидѣлъ усталыя, воленонапитыя мути; и на себя посмотрѣлъ я: — О, Господи! неприлично уставилась на меня голова полутрупа огромною синевой провалившихся глазъ...

— «Что же это?»
— «Не спрашивай лучше: молчи!»

ЛОНДОНСКАЯ НЕДѢЛЯ

Напоминала она грузъ на чашѣ вѣсовъ, отъ котораго противоположная чаша естественно перегнулась, хотя эта чаша нагружена была памятью; память — солиднѣйшій вѣсъ; но энергія кинетическая нашей жизни здѣсь, въ Лондонѣ, перевѣсила потенціалы воспоминаній о Дорнахѣ, разрѣдивъ ихъ въ энергію дѣйствій, которую развивали въ англійскихъ участкахъ съ товарищемъ мы; какъ извѣстно въ физическомъ мірѣ господствуетъ наростаніе энтропіи отъ невозможности вновь собрать въ полной мѣрѣ т е п л о, одну изъ существеннѣйшихъ формъ превращеній энергіи; такъ мы: послѣ Лондона мы себя ощутили съ товарищемъ охладненными: посрединѣ сердечнаго мѣста, гдѣ сохраняли мы жаръ, ощутили мы хладно давящій насъ камень: потенціальная энергія въ Лондонѣ перешла въ кинетическую; часть послѣдней — разсѣялась, выдѣляя изъ насъ теплоту въ м і р о в о е н и ч т о; слѣдствіемъ выдѣленья тепла — образованіе сначала туманныхъ паровъ въ нашихъ душахъ, потомъ превращеніе этихъ паровъ въ водяные осадки, и, наконецъ, — въ твердый ледъ; ку-

сокъ твердаго льда ощущаю въ себѣ и доселѣ; его я привезъ изъ туманнаго Альбіона: британецъ искусными дѣйствіями положилъ въ меня ледъ.

. . . .

Пробѣжала недѣля, какъ сонъ.

Было некогда думать, соображать, вспоминать, предаваться надеждамъ, иль страхамъ, когда отъ такого-то часу до этого надо было торчать, добиваться, напоминать, хлопотать —

— въ соотвѣтственномъ учрежденіи: —

— ждать разрѣшенія —

— написать намъ Прошеніе — въ Учрежденіе! —

— чтобы въ третьей инстанціи великолѣпной печаткой къ бумагѣ приставили-бъ великолѣпной рукой — великолѣпнѣйшее клеймо (о, клейменные паспорта!) къ числу прочихъ, уже здѣсь стоящихъ (въ московскомъ участкѣ впослѣдствіи отказались меня прописать по клейменному паспорту).

Получивши клеймо, на которомъ означено было, что — въ Лондонѣ мы, самъ участокъ препровождалъ матеріалы о насъ въ учрежденія, что мы — въ Лондонѣ существуемъ; и оглашеніе это текло въ министерства: —

— Военное, Иностранныхъ Дѣлъ и, какъ кажется, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ —

—такъ бу-

мага о томъ, что мы — въ Лондонѣ, поступала, трожась, въ три отдѣла трехъ Вѣдомствъ; и — девятижды умножившись, вызывала обмѣнъ уже мнѣній среди девяти Подотдѣловъ, что —

— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —
— въ Лондонѣ —

— мы!..

. . . .

Глава Подотдѣла —

— прибывшій въ положенный часъ и въ положенныя —

— минуты —
— секунды —
— и терціи — въ Учрежденіе: изъ фешенебельнаго джентльменскаго дома, —

— откуда онъ отбылъ въ положенный часъ и въ положенныя —

— минуты —
— секунды —
— и терціи —

— можетъ быть даже въ —

— кварты! —

— Глава Подотдѣла, прибывъ изъ достойнаго дома, стоящаго въ Великолѣпномъ Кварталѣ, обставленномъ привилегіями конституціоннаго строя, —

— прибывъ изъ достойнаго дома, гдѣ строгіе слуги конфузились, прижимаясь къ стѣнамъ, когда старый, пробритый, румяный породистый сэръ —

— сереброголовый, тяжелый, таящій въ глазахъ глубину, подъ вліяніемъ которой склонялись чиновники нѣсколькихъ ранговъ, курьеры и можетъ быть пресса, передъ которымъ —

— естественно! —

— разсыпалися прахомъ пустѣйшія земли, —

— не находящіяся подъ покровительствомъ Стараго Британскаго Льва, —

— когда онъ, джентльменъ, потирая дородныя руки, ступалъ по паркетамъ великолѣпныхъ, блистательныхъ комнатъ —

— Глава Подотдѣла! —

— пронесши свой каменный взоръ, какъ священникъ проноситъ потиръ черезъ комнаты Подотдѣла, располагался на комфортабельномъ креслѣ, роняя глаза на бумагу, увы, мной исписанную, и на приложенный мной проклейменный, растрепанный паспортъ, — еще не видалъ онъ, конечно,

злобы заботы отдѣловъ (и девяти Подотдѣловъ), переговаривавшихся между собой о томъ, что —

— мы —

— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —
— въ Лондонѣ! —

. . . .

Весьма вѣроятно, его преисполненный мелонхоліи взоръ въ ту минуту —

— естественно! —

— обнималъ земной шаръ, переполненный водами, изъ которыхъ торчали вездѣ острова и пять континентовъ —

— Европы,
— Австраліи,
— Африки,
— Азіи, —
— и —
— двухъ Америкъ! —

— соединенныхъ навѣки стальными узлами Бри-

танской Торговли при помощи четырехтрубныхъ, летающихъ стимеровъ, угрожаемыхъ миною...

Можетъ быть —

— возникала предъ умственнымъ взоромъ его паутина британскихъ колоній, гдѣ —

— Индія,

— Полинезія,

— Африка —

— съ мыса Надежды до дельты великаго Нила —

— Канада,

— Ирландія

— Мальта —

— и далѣе! —

— соединенныя мощными узами Учрежденій въ Неизмѣримость Британской Имперіи, коей онъ —

— ее левъ! —

— былъ отвѣтственнымъ выразителемъ —

— звали на помощь его въ этотъ мигъ! —

Можетъ быть —

— въ эти гордые, великолѣпные дни — дни войны! —

— предъ отеческимъ взоромъ его возникали возможности временно торжествующей гнусности —

— перерѣзанныхъ торговыхъ артерій подъ бѣдствіемъ возмутительныхъ минъ возмути-

тельнаго подводнаго флота, коль онъ, представитель Имперіи —

— левъ! —

— въ свое время не сдѣлаетъ соотвѣтственныхъ отвлеченныхъ, логическихъ выводовъ изъ лежащихъ посылокъ, какъ того явно требуетъ Джонъ Стюартъ Милль, если онъ —

— представитель Имперіи! —

— не увидитъ индукціи, изъ которой — естественный выводъ: практическое руководство британскихъ чиновниковъ, —

— то —

— предательство интересовъ Имперіи въ Лондонѣ, наводненномъ шпіонами, пуститъ крѣпчайшіе корни, —

— и —

— и!.. —

— Тутъ, полагаю я, сэръ, почесавши мизинцемъ сѣдины, ронялъ машинально задумчивый взоръ на бумагу съ приложеннымъ паспортомъ: —

— сосредоточивши мысль, какъ того отъ насъ требуетъ Карпентеръ, онъ сознаніемъ, отъ —

— дѣленнымъ отъ мозга, прокалывалъ эту бумагу: и —

— «Что такое?

— «Скажите пожалуйста?

— «А?» —

— Нажималась
кнопка звонка; появлялся чиновникъ. . .

. . . .

Быть можетъ, въ то время, я и товарищъ, здѣсь, въ Лондонѣ, встрѣтивши друга, перемѣнившаго климатъ Швейцаріи на проницающій сыростью лондонскій климатъ —

— онъ насъ покидалъ англо-фи-
ломъ —

— сидѣли въ уединенномъ кафе и глядѣли въ открытыя окна на нѣжные шпицы Аббатства, на сѣро-желтыя окаменѣлости стѣнъ, подъ которыми, зажимая перчатку въ рукѣ, проходили достойные сэры и —

— мистеры, —
— мистеры, —
— мистеры, —
— сотни —
— и сотни —
— и сотни —
— индивидуально
раздѣльные, обведенные другъ отъ друга во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ магическимъ, непереступаемымъ кругомъ —

— Ньютоновой силой, которая —

— вокругъ атома, по выраженію физика Умова, провела роковой и непереступаемый кругъ, отчего этотъ атомъ былъ долженъ естественно лопнуть въ абстрактное представленіе пересѣченія силъ —

— какихъ силъ? —

— такъ мистеры, индивидуально раздѣльные, обведенные другъ отъ друга во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ магическимъ кругомъ, представили точку, иль атомъ: —

— всѣ мистеры лопнули: въ лопнувшемъ Лондонѣ, проходило абстрактное представленіе, точка, иль «а» —

— «в» —

— «с»: мистеръ за мистеромъ!

Другъ, перемѣнившійся за это время, здѣсь въ Лондонѣ, развивалъ намъ теорію, что лучше попасть въ концентраціонный лагерь Германіи, или въ русскій участокъ, чѣмъ просидѣть здѣсь, какъ онъ, цѣлый годъ безъ возможности выбраться.

— «Знаете: я ощущаю здѣсь странное состоянье сознанія»...

— «Умеръ я»...

— «Да, да, да!»

— «О н и стерли меня».

— «Превратили меня въ пунктъ: въ теоретическій пунктъ — теоретическаго пространства».

— «Мнѣ кажется: Лондона нѣтъ».

— «Есть — ничто»...

— «Но и нѣтъ ничего, кромѣ Лондона»...

— «Все, что было, погибло»...

— «Я — умеръ»...

— «Когда я сюда переѣхалъ «Я» жило во мнѣ»...

— «Но они окружили меня шпіонажемъ»...

— «Они, проницая меня, разъѣдали меня»...

— «И, наконецъ, я — исчезло».

— «Смотрите-ка: видите — движутся «мистеры.» Но — ихъ, нѣтъ: лишь отсутствіе мистеровъ. — Контуры ихъ — передъ вами; и, собственно: лишь одинъ только контуръ, воспроизведенный ротаціонной машиною въ невѣроятномъ количествѣ».

— «Эти мистеры только кажутся множествомъ; мистеровъ — нѣтъ: есть одинъ — сплошной мистеръ, заполнившій промежутки междуатомныхъ пустотъ»...

— «И его называютъ эфиромъ»...

— «Но физикъ Планкъ, уничтоживъ эфиръ, доказалъ, что «сплошной мистеръ» — ноль»...

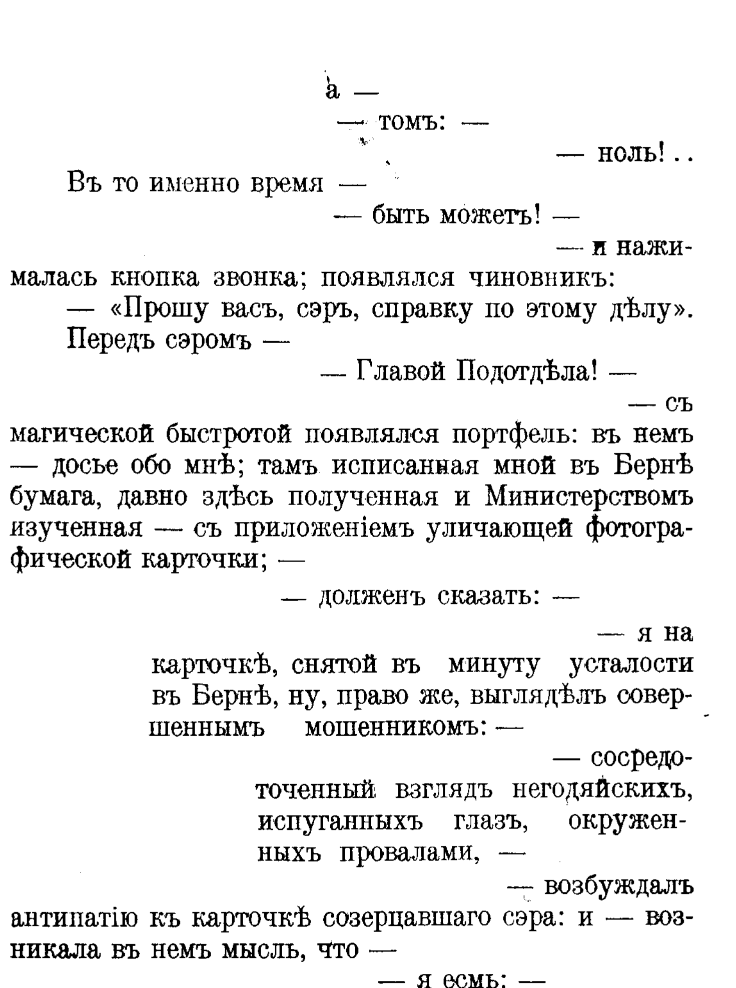
Мы глядѣли въ окно; тамъ валилъ сѣрожелтый «сплошной» и уже неотчетливый мистеръ въ сплошныхъ сѣрожелтыхъ сложеніяхъ сѣрожелтаго камня: но развивалось явленіе это при помощи «морока мистеровъ»: —

— сотенъ! —

— десятковъ тысячъ! —

— и сотенъ тысячъ! —

— Такъ мистеры, индивидуально раздѣльные, обведеннные другъ отъ друга во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ очертаннымъ
кругомъ, изображали
собою лишь
точку
иль



а —

— томъ: —

— ноль!..

Въ то именно время —

— быть можетъ! —

— и нажи-
малась кнопка звонка; появлялся чиновникъ:

— «Прошу васъ, сэръ, справку по этому дѣлу».

Передъ сэромъ —

— Главой Подотдѣла! —

— съ
магической быстротой появлялся портфель: въ немъ — досье обо мнѣ; тамъ исписанная мной въ Бернѣ бумага, давно здѣсь полученная и Министерствомъ изученная — съ приложеніемъ уличающей фотографической карточки; —

— долженъ сказать: —

— я на
карточкѣ, снятой въ минуту усталости
въ Бернѣ, ну, право же, выглядѣлъ совер-
шеннымъ мошенникомъ: —

— сосредо-
точенный взглядъ негодяйскихъ,
испуганныхъ глазъ, окружен-
ныхъ провалами, —

— возбуждалъ
антипатію къ карточкѣ созерцавшаго сэра: и — возникала въ немъ мысль, что —

— я есмь: —

— тотъ самый,

передъ которымъ дрожали чиновники трехъ Министерствъ, —

— то есть, «онъ», —

— проницающій антипатичными взорами тайны англійскаго Генеральнаго Штаба, чтобы —

— топить, взрывать, бомбить! —

— (что я собственно дѣлалъ естественнымъ, умопостигаемымъ образомъ, пересчитывая передо мною бѣжавшіе нолики «мистеровъ» —

— разъ, —

— два, —

— сто, —

— десять тысячъ, —

— сто тысячъ —

— нолей!) —

— И тогда, отстранивъ негодующимъ жестомъ бумаги, достойный, серебряный сэръ совершалъ наведеніе: —

— да; до войны проживалъ я, естественно, въ томъ самомъ Берлинѣ, а послѣ — въ нѣмецкой Швейцаріи; болѣе того: состоялъ членомъ общества —

— (недопустимый по отношенію къ Британскому Льву и предательскій фактъ!) —

— гдѣ еще въ то именно время — въ дни славной войны ! — продолжалось общеніе съ націей, обреченной британцами на голодную смерть; —

— и —

— центръ сознанія сэра выстраивалъ серію выводовъ по всѣмъ правиламъ ритуала, изображеннаго въ мощныхъ британскихъ умахъ Гамильтона, Уэвеля, Локка и Милля, которые въ кабинетѣ у сэра фундаментально поблескивали корешками переплетныхъ томовъ: —

— сэръ себѣ говорилъ:

— «Не доказано, правда, что «мистеръ», прибывшій изъ Дорнаха съ подозрительной миной, съ такими глазами, съ такимъ темнымъ прошлымъ —

— тотъ самый, котораго ищутъ повсюду».

— «Но, но! —

— Установлено: Мистеръ привезъ «пассифизмъ» въ чемоданчикѣ»...

— «Этимъ доказано, —

— что —

— тотъ — «мистеръ» способенъ затѣять весьма непріятныя козни, вернувшись въ Россію»...

— «И, стало быть: — Лучше дер[illegible]ь его въ Англіи!» —

Холодно начинало сверкать ледяное стекло зеленѣйщихъ глазъ. Левъ Британской Имперіи приподнималъ телефонную трубку, звоня, куда слѣдуетъ, —

— и —

— за мной принимался гоняться въ полуденномъ маревѣ Лондона, настигая и схватывая на проспектѣ при помощи серіи непрезентабельныхъ «мистеровъ», —

— (о которыхъ я только что думалъ, что всѣ они —

— нолики), —

— «мистеровъ», дѣйствующихъ на мою психологію, какъ ощущеніе паразита, случайно заползшаго подъ рукавъ, — паразита, неизвлекаемаго по серединѣ корректнѣйшей улицы...

. . . .

Такъ: —

— пока я, застигнутый гдѣ-нибудь въ Паркѣ, испытывалъ ощущеніе, будто спину мою просверлили холодныя иглы (и я начиналъ озираться): и — открывалъ у себя за спиною персону съ бифштекснаго цвѣта лицомъ, напоминающимъ злого бульдога съ подбитыми вѣками, въ стершемся смокингѣ —

— въ это время уже: телефонъ сообщалъ въ Подотдѣлъ, что дѣйствительно: данная личность находится на пути къ помѣщенію русскаго консульства, куда посланъ субъ-

ектъ, предупредить, кого слѣдуетъ, о появленіи личности: —

— въ консульствѣ (русскомъ) встрѣчали меня съ выраженіемъ отовсюду протянутыхъ лицъ, неумѣющихъ скрыть любопытства и радости, что блестяще поставлено въ Англіи дѣло сыска:

— «Да, да.»

— «Это — онъ»!

— «Онъ — тотъ самый»!

О, если бы зналъ Милюковъ, проживавшій въ то самое время въ Оксфордѣ, во что превращали собрата его по перу!

. . . .

Телефонъ сообщилъ въ Подотдѣлъ, что я прибылъ изъ русскаго консульства къ Файфъ-о'клоку, въ отель —

— въ «Милльсъ-Отель!» —

— и потому этотъ сэръ отдавалъ приказаніе: сообщить учрежденію, куда долженъ былъ завтра явиться за полученіемъ вторичнаго штемпеля на прошеніи: —

— о разрѣшеніи мнѣ
покинуть плѣнительный островъ Британскаго Льва —

. . . .

— Встрѣчали и т а м ъ, какъ знакомца, едва не съ улыбкой (всѣ дѣйствія моей личности были четко изучены):

— «Да!»

— «Это — о н ъ!»

— «О н ъ — т о т ъ с а м ы й!» —

— И появлялось на лицахъ довольство: блестяще поставлена въ Англіи контръ-развѣдка!—

— И проведя чрезъ инстанціи (гдѣ давалъ показанія) прямо въ комнату точно такаго же сэра —

— Главы Подотдѣла, —

— точно такого же Л ь в а, какъ и первый, но — еще болѣе холенаго, съ серебромъ чрезвычайно изящныхъ усовъ: этотъ сэръ, наблюдая меня, дѣлая видъ, что, скучая, читаетъ онъ книгу, меня изучалъ при допросѣ; и при моемъ заявленіи, что я въ Базелѣ занимался въ общественной библіотекѣ —

— онъ —

— мягкій, ласковый сэръ! —

— округленнымъ движеньемъ руки прикоснувшись ко лбу съ плутоватой улыбкой, симпатизируя мнѣ, тихо спрашивалъ:

— «Что, напримѣръ, вы читали?»

— «Я?.. Джордано...»

Чуть-чуть улыбнувшись, вступалъ мягкій сэръ въ разговоръ, переходящій въ общеніе, ставя тактично и ловко вопросъ, долженствующій выяснить, точно ли я имѣю понятіе о, напримѣръ, комментаріяхъ Бруно къ Раймонду; отвѣтъ приходился по вкусу (я былъ тѣмъ, кѣмъ есмь); среброрусый блюститель Дѣлъ Внутреннихъ, отпускалъ меня тотчасъ —

— съ

клеймомъ (слава Богу!); и ласково пожимая мнѣ руку, желалъ мнѣ пріятнаго путешествія: и умножались шансы — покинуть плѣнительный островъ. Можетъ быть, тотъ сэръ былъ вигомъ, а первый сэръ тори?

Въ положенный часъ —

— оба сэра, надѣвши пальто, безупречно сидящее и облегающее ихъ естественнымъ ритмомъ пропорцій, надѣвъ свои шляпы, садились въ авто, пролетая по Лондону — мимо шпицовъ Аббатства, колонны Нельсоновой статуи, въ окруженіи сѣрожелтыхъ окаменѣлостей стѣны, подъ которыми, зажимая перчатки въ рукѣ, проходили все

— мистеры —
— мистеры —
— мистеры —
— мистеры —
— мистеры —

— сотни —

— и сотни —

— и сотни —

— и сотни, которые съ твердымъ режимомъ естественнымъ образомъ отпечатаны были при помощи ротаціонныхъ машинъ и являли собою во внѣшнемъ и
внутреннемъ мірѣ лишь
знакъ типограф-
скій, иль
точку.

.

Два
сэра,
летя вдоль
проспектовъ въ
великолѣпный квар-
талъ, или въ пригородъ, гдѣ у
каждаго былъ свой коттеджъ,
своя леди, свой сынъ обу-
чавшійся вѣрно въ Кэмб-
риджѣ, и — бѣлокурая, шест-
надцатилѣтняя бэби, съ которой достойный храни-
тель традицій Британска-
го Льва, несмотря на свою
сѣдину, съ полчаса металъ
мячики, посвящая вечер-
ній досугъ —
— краткой
партіи тениса.

. . . .

И, тѣмъ не менѣе — именно тотъ среброглавый, гуманный, начитанный сэръ созидалъ кругозоръ

своей мудрой, гуманной, начитанной мысли вокругъ себя роемъ тѣней: непріятнѣйшихъ «мистеровъ», грубоватыхъ, циничныхъ; и ими — гонялся за мною по всѣмъ перекресткамъ.

А я — почитатель Джордано и русскій писатель (что было извѣстно двумъ сэрамъ уже при посредствѣ таинственныхъ приложеній логической мысли почтеннаго Милля къ конкретной дѣйствительности), именно я осаждалъ кругозоръ силлогизмовъ «психологическихъ» сэровъ загадочнымъ видомъ фотографической карточки, прочно приклеенной къ документу: на ней —

— лихорадочный взглядъ негодяйскихъ, испуганныхъ глазъ, окруженныхъ провалами, создавалъ впечатлѣніе, что носитель приложенной карточки есть —

— тотъ —

— самый! —

Теперь —

— въ свою очередь! —

— я начиналъ настигать сэра Тори за партіей тениса; сэръ, проводя задрожавшей рукой по черепу и забывши о тенисѣ, бормоталъ про себя въ пепелѣющій сельскій ландшафтъ:

— «Можетъ быть...»

— «И...»

— «Возможенъ ужаснѣйшій фактъ перерыва торговыхъ сношеній съ Канадой!»

— «Съ Австраліей ! !

— «Съ Африкой ! ! !

— «Съ Индіей ! ! ! !

— «И...»

— «Предательство въ Лондонѣ, наводненномъ шпіонами, укореняется именно съ появленіемъ...

— «Этой...»

— Загадочной личности».

— «Не доказано, правда, что личность есть «личность...» ...»

— «Шпіона...»

— «И — все-таки!»

. . . .

На основаніи хода мыслей достойнаго сэра, меня на другой день опять начинали чиновники учрежденія уговаривать, чтобы я поступилъ добровольцемъ въ канадскую армію.

И — не давали мнѣ пропуска. Но отъ этого (видѣлъ я въ зеркалѣ!) — цвѣтъ лица моего становился сѣрѣе, сѣрѣе: онъ — сталъ сѣрожелтымъ; и перемѣна швейцарскаго климата на язвительный лондонскій климатъ сказалась уже; сѣрожелтыя окаменѣлости стѣнъ обнимали меня; и подъ ними, зажавши перчатку, бродилъ сиротливо —

— сплошнымъ сѣрожелтымъ, осплиненнымъ «мистеромъ»; въ моемъ внутреннемъ мірѣ образовался магическій кругъ; и — границы

дневного сознанія, внѣ которыхъ я жилъ столько времени, зажимались — все уже, все уже, все уже; дневное сознаніе, напоминая положенный грузъ въ видѣ твердаго сѣрожелтаго дома, естественно перетянуло тяжелую чашу вѣсовъ, на которую положена была моя жизнь —

— Нэлли,
— Дорнахъ,
— Учитель,
— Миръ Духа! —

— все это же помнилось и не видѣлось въ Лондонѣ; такъ хладнодавящій, положенный камень на сердце —

— Д о м ъ - Л о н д о н ъ —

— расплющилъ мнѣ сердце: но онъ, Л о н д о н ъ - Д о м ъ, осадился во мнѣ — изъ меня образовались сначала туманы душевныхъ паровъ, закрывавшихъ просторъ душевнаго мира; —

— потомъ —

— тѣ пары превратились въ ландшафты тумана въ Ламаншѣ: —

— потомъ —

— изъ тумановъ Ламанша (въ обратномъ порядкѣ!) повытекла Темза; и оплотнѣли берега ея сѣрожелтыми льдами-домами —

— тотъ ледъ въ своемъ сердцѣ я слышу донынѣ —

— имъ Англія

наградила меня: тамъ я именно думалъ:

— «Я — умеръ!»

— «Они — меня стерегли!»

— «Я — пунктъ: теоретическій пунктъ — теоретическаго пространства!»

— «И Лондона нѣтъ!»

— «Есть — н и ч т о. . .»

— «И оно разъѣдаетъ меня».

— «Я — лишь пляска: смерчъ атомовъ».

— «Каждый, какъ я, — желтый мистеръ: въ окамененіяхъ желтыхъ домовъ бродитъ онъ, желтый мистеръ».

— «Я — тысячи, тысячи мистеровъ, праздно-пляшущихъ по ночамъ на проспектахъ, перевозимыхъ трамваями...»

— «И т о т ъ С э р ъ, показавши мнѣ явственно панораму «Н и ч т о», мнѣ меня самаго показалъ...»

— «Это — Я»

. . . .

Мы бродили по Лондону — моему омертвѣвшему тѣлу, — сжимая перчатки; достойные Сэры и —

— мистеры,

— мистеры,

— мистеры,

— мистеры,

— мистеры, —

— сотни ихъ—

— тысячи —
— милліоны —
— по —
— Лондону,
— Лондону,
— Лондону,
— Лондону,
— Лондону.

И мистеры — лопнули: въ лопнувшемъ Лондонѣ.

Проходили абстрактныя
представленія,
точки,
иль,
«а» —
— «в» —
— «с» —
— «d»

. . . .

Такъ прошло восемь дней: восемь дней мы другъ друга промучили страхомъ; я — сэровъ; а сэры — меня.

Мы гонялись днями: я — мыслями; сэры — «мистеромъ»; а вечерами я сиживалъ въ уединенномъ кафе съ бѣднымъ другомъ, пріѣхавшимъ изучать сюда тайны генія —

— Томсона,
— Ньютона,
— Лоджа,

— Максвелла, —

— и превращен-

наго —

— Томсономъ,
— Ньютономъ,
— Лоджемъ,
— Максвелломъ, —

— въ атомистическій вихрь,

въ —

— «а» —

— «в» —

— «с» —

— какъ и я, чтобы нѣкогда, въ новой творимой вселенной — ужасной — вселенной —

— при помощи сортирующаго Максвеллова демона — («джентльменчика», иль — Лемура) собраться въ «Я — мыслю».

. . . .

Но до этого слѣдовало, чтобы такъ меня окончательно разложили они, чтобы самые атомы тѣла распались во мнѣ въ электроны, а электроны —

— въ мэ-

оны —

— мэоны — въ эонъ; въ эонъ пустоты долженъ былъ перейти; Лондонъ — флеръ пустоты; желѣзнодорожная линія до Ньюкастеля — сплошной лабиринтъ: въ міровыя пространства, въ чернотныя бездны, которыя появились передо мною во образѣ и по-

добіи моего отплыванія въ хаосъ нѣмецкаго моря, изображеннаго минами; разрѣшенье отправиться въ хаосъ было получено —

— когда я увѣровалъ въ сэровъ и поклонился ихъ мощи, тогда изъ вагоновъ огней меня вывели — въ черноту, въ никуда, заревѣвшимъ космическимъ воемъ вселенныхъ; и съ потушенными огнями, спустившись въ каюту Гакона VII, какъ въ гробъ, этотъ гробъ, раскачавши, швырнули: въ вой хаоса.

. . . .

Въ это время достойные сэры, Главы подотдѣловъ: —

— одинъ, —

— сыгравъ партію въ тенисъ, склонялся надъ томомъ какого нибудь изъ британскихъ умовъ: Гамильтона, Уэвела, Спенсера, Милля, Ньютона: —

— другой —

— меланхолически слушалъ съ террасы Коттэджа напѣвы шотландскихъ мелодій и — бормоталъ про себя: пѣсни Бернса.

НА СѢВЕРНОМЪ МОРѢ

Такъ я былъ расплющенъ.

Тѣла не имѣютъ уже подобающихъ измѣреній; одно изъ нихъ вдавлено: Лондонъ расплющилъ и превратилъ въ тонкій, въ темный прослоекъ матеріи,

— въ листикъ; а листикъ сталъ тѣнью.

Я тѣнь: неприлично гуляю на сѣромъ экранѣ; безостановочной, кинематографической лентой движенія передаются какому - то міру — иному, не нашему.

Мы — лента экрана, которую изучаютъ они; имъ даны всѣ возможности: властно пресѣчь пляску волнъ и ныряющій пароходъ среди нихъ, это все образовано быстрымъ движеніемъ кинематографической ленты; остановись она, — и застынетъ навѣки покинутый гребень волны, перелетающій черезъ бортъ парохода; и застынетъ навѣки: упавшая низко корма парохода Гакона VII-го «въ безпузырчатость» грохота. —

— Я —

— покачнувшійся въ неестественно - дѣланной позѣ, одною рукою схватясь за корму, а другой — за измятую шляпу съ отбитыми вѣтромъ полями, останусь навѣки —

— останови они ленту! —

— болѣзненнымъ клоуномъ!

. . . .

Лента течетъ еще: кинематографическіе моменты несутъ меня въ трюмъ, гдѣ въ каютъ-кампаніи, ухватившись за кресло, я дѣлаю видъ, что вкушаю я кушанье —

— Я —

— покачнувшійся, въ неестественно-

дѣланной позѣ, одною рукою схватяся за столъ, а другой за тарелку, гдѣ плещется супъ, — я останусь предъ вами навѣки —

— останови о н и ленту! —

— болѣзненнымъ клоуномъ!

Тутъ встрѣчусь я съ взорами важнаго сэра серебоглаваго, ѣдущаго, какъ видно, въ Россію, съ особой миссіей —

— къ всемогущему Бьюкенену, быть можетъ? —

— И этотъ сэръ на меня поднимаетъ свой взоръ —

— меланхолическій, отливающій пѣснями Бернса, которыя такъ я люблю, но сквозь этотъ мечтательный взоръ узнаю взоръ другой —

— того сэра: тѣхъ сэровъ.

Но сэръ, джентльменъ, ужъ уходитъ.

. . . .

Тотъ джентльменъ — ушелъ. Но песъ со мной —
безсмѣнно.
Въ часъ горькій на меня уставитъ добрый взоръ,
И лапу жесткую положитъ на колѣно,
Какъ будто говоритъ: «Пора смириться, сэръ».[1])

. . . .

Песъ — покорность, которую вывезъ изъ Лондона я: равнодушіе вѣрно присуще тѣни загробнаго

[1]) Стихотвореніе А. Блока.

міра, уже пріобрѣтшей привычку таиться подъ фирмой британскихъ обычаевъ; эти обычаи есть дѣйствительность потусторонняго міра, ненарушаемые средь достойнаго общества потусторонних тѣней, пересѣкающихъ пустоту, но при этомъ державшихся какъ будто нѣтъ никакой пустоты, а каюта норвежскаго парохода «Г а к о н а VII»; такъ сэръ, пріобрѣтшій привычку таиться подъ формой обычая, будто онъ ѣдетъ съ секретною миссіей къ всемогущему Бьюкенену — дѣйствительность потусторонняго міра; настолько дѣйствительность, что, забѣгая впередъ, я скажу: мнѣ все кажется будто бы его повстрѣчалъ еще разъ; это было въ Россіи: на Ярославскомъ вокзалѣ, въ Москвѣ, — уже послѣ свершившихся фактовъ, въ эпоху Правительства Львова, въ тѣ дни, когда сэръ Милюковъ засѣдалъ не въ Оксфордѣ, а — въ зданіи Иностраннаго Министерства: передъ уходомъ своимъ изъ правительства; встрѣченный сэръ —

— какъ

казалось —

— сидѣлъ въ неестественной позѣ, одною рукою схватясь за столъ, а другой за тарелку, въ которой плескался, какъ кажется, супъ, —

— точно

тѣнь, неприлично расплюснутая на экранѣ кинематографической ленты, расплющенный «у ж а с о м ъ» революціонныхъ событій въ Россіи, передавая движенія —

— намъ, представителямъ вовсе иного какого-

то міра: не міра с э р а, а нашего, русскаго: —

— пере-
мѣнились роли: —

— онъ былъ для меня теперь лентой экрана, которую изучалъ я внимательно; мнѣ дана была власть оборвать протеченіе кинематографической ленты, и оставить достойнаго сэра въ комической, неестественной позѣ (сидящимъ за столикомъ передъ супомъ на Ярославскомъ вокзалѣ, въ Москвѣ) — навсегда.

Я не сдѣлалъ того, предоставивъ въ теченіе ленты — теченію ленты; и подбѣжавшій носильщикъ вручилъ тому с э р у билетъ: онъ уѣхалъ въ Архангельскъ; —

— и вспомнились: пляски взъерошенныхъ волнъ, пароходикъ «Г а к о н ъ», «я», теряющій вовсе вѣсомость и с э р о м ъ расплющенный на кинематографической лентѣ, которая, протекая, несла меня вновь — вверхъ на палубу, гдѣ я —

— желтый,
подброшенный качкою призрачный м и с т е р ъ среди такихъ же подброшенныхъ, призрачныхъ, пляшущихъ «мистеровъ», вдругъ покинувшихъ твердую почву земли и оказавшихся въ роѣ космическихъ вихрей Томсона — въ ничто — соблюдающихъ внѣшнія формы британскихъ обычаевъ: средь достойнаго общества электронныхъ субъектовъ казались не тѣмъ, что мы есть: —

— то - есть казались толпой

пассажировъ «Г а к о н а VII-го», страдающихъ явной морскою болѣзнью въ затѣянной пляскѣ и разсуждающихъ о состояніи спасательныхъ поясовъ и о возможности натолкнуться на мину.

. . . .

Мнѣ изъ этого мига смѣшно состоянье сознанья мое, предполагавшее нѣкогда, что я тѣнь; въ воспоминаніи возникають стальные отливы взъерошенныхъ волнъ; и — кусающій холодъ ихъ брызгъ, переброшенныхъ черезъ боргъ —

— настоящаго пароходика: —

— полоса мокроты пробѣгала по палубѣ, ударяясь о бортъ; и — куда-то стекала; а я — мѣнялъ мѣсто; казалось тогда, что я — тѣнь, протянувшаяся отъ меня самаго въ мое русское будущее на протяженіи мѣсяцевъ; думалось: —

— неужели тяжелый кошмаръ отвалился? Ни день и не два —восемь сутокъ, иль д в ѣ с т и ч а с о в ъ зажимали меня между прессами, вылитыми изъ субстанціи тверже стали и — тяжелѣе гранита.

Нѣмецкое море оплотнѣвало туманами; неопредѣленности моего положенія въ мірѣ клубимыми вѣтрами островов и земель подплывали ко мнѣ изъ тумана, какъ рой сѣрыхъ призраковъ: —

— чудилось —

— са-

женяхъ въ полтораста отъ насъ обрывается море; развѣйся туманъ, мы бы стиснуты были землею; —

— но носъ парохода, врѣзаясь въ прыжки сѣрыхъ волнъ и поднимая фонтаны пузырчатой пѣны, бѣжалъ на туманъ: —

— и туманъ разступался —

— и земли, отъ насъ отстоящія саженяхъ въ полтораста, —

бѣжали по правую и по лѣвую сторону парохода — въ разстояніи саженей полтораста отъ насъ; собирались они за кормой; и — гнались вслѣдъ за нами: въ разстояніи какихъ нибудь саженей полтораста, врѣзаясь въ прыжки сѣрыхъ волнъ и поднимая фонтаны пузырчатой, бисерной, бѣлогрохотной пѣны —

— и мнѣ думалось о покинутой Англіи: —

— мнѣ казалось, что Англія, или — вселенная — этотъ кусочекъ послѣдней, оставшейся почвы, —

— кидаемый плясками волнъ и туда и сюда — какъ кидаемый шарикъ вселенной въ безвѣчности Вѣчности.—

— А мы, «мистеры», — тоже кидаемые и туда и сюда, передъ тѣмъ, какъ разсѣяться, раствориться на вѣки вѣковъ; —

— за кормой парохода
ревѣла, свистѣла по-
гоня.., изъ Англіи;
толпы кусающихъ
холодомъ волнъ
перекидывались
за бортъ, и —

— лезвіемъ мокроты пробѣгали по палубѣ; носъ парохода взлеталъ; и потомъ круто падалъ; корма поднималась; и полосы мокроты съ нея быстро бѣжали
на насъ —

— а
подъ
нами,
быть мо-
жетъ уста-
вясь въ бока
парохода,
какъ рыба,
нѣмецкая
мина,
летя

въ

н... —

— «Прощай, моя Нэлли».

. . . .

Около вечера разступился туманъ; пооткрылись шири, а около парохода заплавали бревна, нелѣпо взлетавшіе; видно потоплена была шхуна неподалеку отсюда; нелѣпо взлетающій пробковый поясъ увидѣлъ товарищъ на гребнѣ волны.

— «Посмотрите-ка».

— «Что?»

— «Посмотрите-ка: пробковый п...»

И запнулся: и полная дама (изъ Харькова) съ мальчикомъ укоризненно показала глазами на мальчика.

Я — замолчалъ.

Заговорили тотчасъ же о постороннихъ предметахъ: о Харьковѣ; объ ожидающемъ даму изъ Харькова мужѣ; о бревнахъ, взлетающихъ на волнахъ; о пробковомъ поясѣ не говорили мы вовсе.

Гдѣ былъ обладатель его?

Мысль, что мы можемъ также черезъ минуту — вотъ также — заплавать, не приходила намъ въ голову: и — нѣмецкія мины въ бесѣдѣ о Харьковѣ улетучились; перископъ не вытарчивалъ (въ качку вытарчивать очень трудно ему), хотя многіе пассажиры — я бьюсь объ закладъ — суетливыми взорами, брошенными въ пространство, искали его.

Я, признаться сказать, не надѣялся, что причалимъ мы къ Бергену (я не вѣрилъ, что мы еще все на землѣ) и мнѣ думалось: вотъ — разорвется туманъ; и — прояснится берегъ; на бергу мы увидимъ огромный плакатъ: «Здѣсь — планета, принадлежащая къ созвѣздію Пса. . .»

Донимала тоска по оставленной Нэлли: —

— Казалось: —

— саженяхъ въ полтораста отъ насъ обрывается море —

— въ упавшемъ туманѣ

таилась земля —

— разступался туманъ —

— и земля, отстоящая въ саженяхъ полтораста отъ насъ —

— убѣгала

по правую и по лѣвую сторону парохода — въ разстояніи саженей полтораста отъ насъ, чтобы, собравшись тамъ, за кормой, гнаться вмѣстѣ съ туманомъ за нами —

— въ разстояніи саженей полтораста отъ насъ.

У КРУТЫХЪ БЕРЕГОВЪ ПОГИБАЕТЪ КОРАБЛЬ

Вспоминается мнѣ — сиротливый, сѣрѣющій день — межъ Ньюкастлемъ и Бергеномъ; вспомина-

ется узелъ душевныхъ событій, бѣгущій впередъ и назадъ: настоящій служитъ сквознымъ транспортомъ; читаю въ немъ — прошлое.

Прошлое — было ли? И отошло ли оно?

Каждый мигъ переполненъ годами: теряю иллюзію времени; прошлые миги чреваты грядущимъ; проговоривши изъ нихъ развернуло оно предо мною теперь свои слѣдствія —

— странныя слѣдствія...

. . . .

Голодъ, болѣзни, война, голоса революцій — послѣдствія странныхъ поступковъ моихъ; все, что жило во мнѣ, разорвавши меня, — разлетѣлось по міру; когда-то оно яро вырвалось изъ меня самаго, вмѣстѣ съ сердцемъ моимъ (это было въ тишайшемъ углу Базельланда): и міръ, раскидавшійся отъ меня на востокъ и на западъ, на сѣверъ, на югъ, внялъ ли онъ происшедшему: въ тихомъ углу Базельланда? Еслибъ внялъ? не произошли бы событія міра такъ именно, какъ они протекали; міръ вынесъ бы поучительные примѣры: происходящіе въ индивидуальномъ сознаніи, въ «я» одного человѣка, — картина вселенной; прообразъ ея начинаній; и — плановъ о будущемъ. Нынѣ, когда осознали, что «Я» сознаванія не есть данное мнѣ индивидуальное «я», — должно бы понять: съ той минуты, когда во мнѣ «Я» осознало себя внѣ условій обычныхъ критеріевъ индивидуальнаго сознаванія — матеріалы сознанія того «Я» въ видѣ дѣйствій, событій, сознанія и пережитій «субъекта»,

живущаго въ данное время въ томъ именно пунктѣ пространства (въ углу Базельланда) — событія эпохальныя.

Не узнали они «Я» во мнѣ.

Да и я не узналъ, что я — бомба, взорвавшая прошлое.

Подозрѣвали, пожалуй, одни англичане: ихъ сыщики, или вѣрнѣе не ихъ сыщики, а сыщики ихъ (т. е. сыщики братства, условно и временно дѣйствующаго подъ прикрытіемъ англосаксонской личины) — меня распознали: и принялись опорочивать дѣйствія оболочки моей, ее портя; имъ чуялось: я ношу динамитъ, отъ котораго разорвутся на части, взлетая на воздухъ: —

— Россія —

— Германія —

— Франція —

— Англія —,

можетъ быть...

Но это въ будущемъ: настоящее — пусто; я нынѣ — осколки разорванной бомбы.

Мальчишки меня подбираютъ на улицѣ.

. . . .

Два, три мига огромны въ событіяхъ жизни моей: мнѣ они освѣщаютъ года.

Такимъ мигомъ заполнился Бергенъ, — къ которому подплывалъ я — больной и раздавленный, брошенный во всѣ теченія кинематографической ленты: въ мірѣ безпричинной причинности, гдѣ составъ

всѣхъ душевныхъ движеній, какъ и тѣлесный составъ опредѣляется построеніемъ атомовъ, образующихъ другъ относительно друга какія угодно фигуры кадрили; когда-то я былъ дирижеромъ огромныхъ и стройно построенныхъ толпъ атомистическихъ «мистеровъ», проходящихъ по улицамъ моего тѣлеснаго града: какъ царь возсѣдалъ на возвышенномъ тронѣ межъ двухъ полушарій — подъ крѣпкими стѣнами замка (подъ черепною коробкою) я, принимая депеши двѣнадцати проводовъ телеграфа.

Такъ мнѣ сообщили — на солнечной площади (въ сердцѣ) — скопленіе «мистеровъ», образующихъ митингъ и протестующихъ противъ рѣшенія моего премьеръ-министра: ума. Я — при помощи телеграфнаго провода вазомоторными кабелями отдавалъ приказанія: протестующимъ «мистерамъ» течь по широкимъ проспектамъ въ мой замокъ (мнѣ въ голову); «мистеры», угомонясь, текли, и тотъ фактъ соціально-общественной жизни, который зовутъ физіологи орошеніемъ мозга кровью, — возстановлялся немедленно.

Я былъ свергнутъ теперь интригами мнѣ враждебнаго государства; централизація колосальнаго государства, или тѣла, разрушена ими; а всѣ телеграфные проводы перехвачены ими; посрединѣ же солнечной площади «мистеры» образуютъ безсмѣнные митинги (переполняя сердечный мѣшокъ и грозя расширеніемъ сердца); а «Я» среди нихъ — соскочившій съ высокаго «трона» — атомистическій, пля-

шущій, призрачный «мистеръ»: средь призрачныхъ м и с т е р о в ъ; государство — расшатано: Тѣло — развалина: въ мѣстѣ трона — пустая огромная надпись: «Здѣсь — «Я»; но «Я» — нѣтъ; не возсѣдаетъ оно надо всѣмъ, а — фланируетъ среди «мистеровъ» — «мистеромъ» — можетъ быть пребывая въ квартал ѣ Юпитера, т. е. въ печени; можетъ быть, забираясь въ тупичокъ червеобразнаго отростка кишки; политическую революцію совершилъ въ государствѣ моемъ т о т ъ явившійся с э р ъ, возстановивши всѣхъ «мистеровъ» безъ сознанія противъ — себя, сознающаго «Я»; и вотъ «Я», убѣжавъ въ подсознаніе, отвѣчало теперь т о м у с э р у, — огромнѣйшимъ углубленіемъ революціи; начиналась соціальная революція: перерожденье тканей тѣла.

Но всѣ соціальныя революціи — перекадчивы; перекидными прыжочками «мистеры» (электроны), покинувши тѣло мое, вдругъ развили вокругъ моихъ бренныхъ тѣлесныхъ развалинъ, хвосты эманацій; и эмигрировавъ въ государства, враждебныя мнѣ, въ тѣла сэровъ, производили въ нихъ митинги. Средь нихъ мое «Я» — (эмигрантъ, перевезшій въ сосѣднее тѣло пучки прокламацій и транспорты бомбъ) подготовляло невидимо соціальную революцію всѣхъ тѣлесныхъ составовъ: такъ —

— Русскій —
— Германецъ —
— Французъ —
— Англичанинъ —

— уже теперь —

— не Германецъ —
— не Русскій —
— не Бриттъ —
— не Французъ —

— Въ Челѣ Вѣка встаетъ Человѣкъ, производя свои взрывы въ тѣлесныхъ составахъ: тѣла, подсознанія души и духи людскіе, архитектонически располагаются нынѣ гирляндой вокругъ Человѣка.

Приподнимается въ будущемъ онъ: настоящее — пусто; и духи, и души, милліоны самосознаній — осколки огромнаго тѣла и «ство» Человѣка.

То «ство» (естество) подбираютъ на улицѣ.

. . . .

Межъ Ньюкастлемъ и Бергеномъ я пересталъ уже числиться «человѣкомъ»; въ быломъ его смыслѣ ужъ былъ я безтѣльнымъ абстрактнымъ челомъ, покрывающимъ міръ (или — куполомъ неба: иллюзіей купола); одновременно, отдѣльно «Я» былъ не собою, а вѣкомъ, эпохой: безъячной, беззначной: во мнѣ развалился составъ человѣка; и умерло прежнее «Я», пребывая, какъ «ство» — Человѣче-ства. «Ство» — неживое, тупое, глухое, сидѣло на палубѣ, припоминая дни прежнихъ величій, открывшихся въ Бергенѣ, гдѣ на краткое время оно вознеслось къ Человѣку: —

— Челомъ восхо-

дящаго В ѣ к а —

— я былъ уже въ Бергенѣ: —

— на Іордани моей опустились въ меня мои крылья: глава моя треснула; вырванная изъ темнотъ (плана въ черепѣ) мысль моя охватилась блистаніемъ, нарисовавъ всѣмъ грядущимъ культурамъ грядущія судьбы свои; пресуществованіе въ точкѣ «Я», человѣка во мнѣ в ъ Ч е л о В ѣ к а свершилось — здѣсь въ Бергенѣ; въ этомъ мигѣ исторія жизни моей всѣ мои воплощенія (прошлыя и грядущія жизни), загибаясь вокругъ, описавши окружность, сомкнулись; и стали мнѣ — цѣльностью; среди всѣхъ своихъ жизней, ихъ все созерцая — стояло огромное «Я», овладѣвая огромными ритмами: тѣла, души, подсознанія, сознанія и духа: —

— я былъ — Ч е л о в ѣ к ъ (съ большой буквы) иль Умъ: Mens - Mann - Mensch - Manés - Manas; —

— среди всѣхъ из - М е н е - н і й сознанія М е н ъ, или М а н а с ъ во мнѣ возставалъ: и сіялъ:—

— средь пурпуровыхъ мховъ величавыхъ нагорій, взбираясь высоко-высоко надъ фьордами, я простаивалъ, цѣпенѣя, осыпанный какъ бы градомъ ударовъ, разорванный взрывами мыслей, влекущихъ меня и туда, и сюда; сотрясалась во мнѣ вся душевность; и отъ нея — мое тѣло; и — вѣяло: тысячеградуснымъ жаромъ на тѣло; изъ глазъ вылеталъ, точно гейзеръ: пламеннокрылый и многоустый крылами:

огнями развертывалъ ритмы (иль жизни свои) вкругъ себя; языками — устами славилъ величіе міра; я видѣлъ, что кругъ замыкается: можетъ быть, созерцая фіорды съ высокихъ нагорій, я видѣлъ тогда же — уже подплывающій къ Бергену пароходикъ «Гаконъ», съ моимъ собственнымъ трупомъ; такъ мигъ положенія во гробъ черезъ три съ лишнимъ года переживался одновременно съ моей Іорданью: быть можетъ, я видѣлъ и мигъ воскресенія: —

— все, что было и будетъ свершалось: говорилъ «Я» —

— Да будетъ! —

— всему, что во мнѣ надлежало свершиться: —

— теперь, черезъ три съ лишнимъ года, усталое тѣло сидѣло на палубѣ и протянувши въ туманъ свои руки по направленію къ бергенскимъ берегамъ — возвращалось: къ Тому, Кто съ высокихъ нагорій уже созерцалъ подплывающій къ Бергену пароходикъ «Гаконъ»: свой сколоченный гробъ, средь котораго неживое «оно», съ перекруженными полями освистанной шляпы, какъ желтая палка, увитая пеленами, —

— стояло, вперивъ предъ собой остеклѣлые, неживые глаза; и — внимало далекому призыванію «Лазарь, иди вонъ».

И вышелъ умирающій.

. . . .

Бергенъ!

Встрѣтилъ насъ съ Нэлли онъ красными мхами нагорій; —

— запомнился намъ; но не знали мы съ Нэлли: черезъ три съ лишнимъ года я буду вновь подплывать къ этимъ горнымъ мѣстамъ изъ тумановъ нѣмецкаго моря — больной, съ перебитой душой, провозя динамитъ наростающихъ взрывовъ вселенной: —

— въ Россію!

. . . .

Та ночь мнѣ запомнилась: бѣлые клочья взлетали; соленою влагой охваченъ былъ я; бокъ кормы сиротливо поскрипывалъ въ воѣ и грохотѣ, а изъ трубы вылетали, стрѣляя въ пространство, вонючіе дымы; склоняясь въ отверстіе палубы — сверху (къ машинамъ) я слушалъ —

— «тохъ-тохъ» —

— подлетали узлы рычаговъ; и вставали и падали громкіе поршни.

Раздавленный англичанами, подозрѣваемый въ шпіонажѣ, я вспомнилъ всѣ, всѣ миги, когда пароходъ, разрѣзая валы, несся по морю, изборожденному минами: къ Бергену!

Бергенъ во мнѣ, — пережитое далекое прошлое: сталъ — моимъ будущимъ; я покинулъ его ровно три съ лишнимъ года назадъ; съ противоположной теперь стороны я къ нему подплывалъ: —

— такъ прямая, бѣгущая линія жизни отъ Бергена къ Дорнаху стала теперь полнымъ кругомъ: началъ — концомъ.

Тамъ — въ началѣ: Начало (Духъ Времени) вѣяло въ меня тысячеградуснымъ жаромъ своихъ обвѣвающихъ крылій; здѣсь — въ концѣ: къ головастымъ камнямъ крутобокой Норвегіи подплывалъ т р у п ъ в о г р о б ѣ.

Посерединѣ лежало трехлѣтье: рожденіе, ростъ и кончина «м л а д е н ц а» во мнѣ, или — Духа.

Стоялъ (или — тѣло стояло мое) передъ Бергеномъ с ъ т р у п и к о м ъ т р е х г о д о в а л а г о м а л ь ч и к а...

Вспомнилось: —

— черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ бергенской жизни мы съ Нэлли попали въ уютнѣйшій черепичатый гордокъ Вюртенберга; былъ вечеръ; и — кажется: предрождественскій вечеръ; тишайшія улицы города серебряно чешуились луной; мы уже собиралися спать.

Передъ сномъ подошла ко мнѣ Нэлли (съ невыразимою чуткостью переживала она міръ моихъ состояній сознаній, безъ словъ, безъ единаго взгляда, меня проницая насквозь):

— «Что ты?»

— «Снова за старое?»

Я ей отвѣтилъ:

— «Да, Нэлли...»

— «Мнѣ — трудно...»

И Нэлли, ставъ строгой, взяла меня за руку:

— «Не забывай, милый, Бергена».

— «Нэлли: мнѣ Бергенъ стоитъ, какъ вершина, откуда свалился я...»

— «Больно!»

— «Изломаны кости мои!»

Такъ ко мнѣ передъ сномъ подходила, вздыхая и взоромъ лаская меня, моя тихая Нэлли (мы оба устали: духовное странствіе — тяжелѣйшее бремя); и гладила Нэлли меня; а за окнами выли вѣтра; серебромъ чешуились улицы спящаго города въ окнахъ. А утромъ: печальная Нэлли, не глядя въ глаза, развернула газету; прочла почему-то мнѣ вслухъ телеграмму, что около Бергена разразилась сильнѣйшая буря, что съ маяка увидали сигнали о помощи: утопала улизъ Бергена шхуна.

Я вздрогнулъ, меня поразила тогда телеграмма изъ Бергена, какъ живѣйшій отвѣтъ на событіе разговора, который вели наканунѣ. Корабль, на которомъ мы съ Нэлли проплыли въ страну новой жизни, подвергся крушенію около Бергена — въ ночь, когда мнѣ было трудно; оттуда, изъ моря, за Бергеномъ — слышались: крики о помощи.

Мнѣ хотѣлось сказать моей Нэлли.

— «То — я!»

— «Да, то я погибалъ».

Я — молчалъ; и печально вперившись въ меня, молчаливо сложила газету серьезная Нэлли; и — мимоходомъ, не глядя, сказала потомъ невзначай:

— «Это глупости!»
— «Слышишь ли: глупости!» —
— Вотъ почему ночь на Сѣверномъ морѣ, когда подплывалъ къ далеко отошедшему прошлому (къ Бергену) — вотъ почему я, разбитый, съ больной душою, безъ Нэлли, опять вспоминалъ: черепичатый городокъ Вюртенберга, яснѣйшую ночь, чешую серебра на камняхъ спящей улицы, голосъ грустнѣющей Нэлли:

— «И ты — забылъ Бергенъ!»

А около Бергена погибала норвежская шхуна; слышались крики о помощи: это вскричала грядущимъ моя тамъ душа.

Осуществилось грядущее нынѣ: и я, погибающій, простирающій руки въ туманы, опять подплывалъ къ своимъ собственнымъ скаламъ души: подплывалъ снова къ Бергену, чтобы праздно плескаться своимъ коченѣющимъ трупомъ (у скалъ), чтобы видѣть себя высоко надъ собою — такимъ, какимъ нѣкогда былъ я — здѣсь, въ Бергенѣ.

Думалось:

— «Милая Нэлли!»

— «Послушай: прислушайся — тамъ, въ своемъ Дорнахѣ...»

— «У крутыхъ береговъ снова просятъ о помощи...»

— «Погибаетъ корабль...»

— «Корабль жизненныхъ странствій — опять: у крутыхъ береговъ».

— «О, спаси меня!»
— «Нэлли! ! !»

. . . .

ЭТО — СМЕРТЬ

Длилась ночь.

Посрединѣ пространства летающей палубы я прислонился къ трубѣ парохода: летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парохода; дробилися пѣнами, шипами, плесками, блесками; надъ трубою взлетѣвъ, стая искръ опадала; и — гасла: въ рыдающемъ гудѣ; и пѣны, и плески валились чрезъ бортъ; опадали струею воды; перелетали по палубѣ — заливали калоши. Меня одолѣла безвещность летающихъ далей: и роемъ, и плескомъ: вотъ носъ, зарываясь въ безобразность брызгъ, меня мчалъ — въ никуда и въ ничто: никуда и ничто — думалъ я — не осилить; стояла горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведскаго, датскаго, — въ визгѣ хлеставшей безмѣрности, въ выхлестахъ ночи; прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа надъ собою фонарикъ — мигавшее око; мелькнули въ столбѣ неживого какого-то свѣта мнѣ прочертни мачты, канатъ и высоко приподнятый мостикъ, откуда крѣнилась въ про-

странство фигура; мелькнули — и нѣтъ ничего, кромѣ говора выхлестовъ, пьяно плясавшихъ за бортомъ вихрастыми гребнями и упадавшихъ за бортъ, приподнявши его; хлестко шлепались гребни о деревянную палубу, перелетая за бортъ и отдавая соленыя брызги на просвистни вѣтра; все — просвистни, просвистни; въ просвистни — несся фонарикъ на мачтѣ средь рваныхъ тумановъ: ничто наступало, ничто обступало, ничто отступало: въ ничто.

. . . .

Знаю: въ брызгами льющій, въ холодный, въ соленый просторъ низлетаю извѣчно изъ брызгъ рокового простора; въ каютъ-кампаніи я проживалъ, какъ и всѣ, — тамъ: подъ малою палубою, отдѣляющей жизнь отъ ничто: я сошелъ подъ покровы тѣлесности; и — подъ палубой жилъ, путешествовалъ, мыслилъ, боролся, любилъ: послѣ — умеръ: поднялся по лѣсенкѣ — посмотрѣть на дѣйствительность, отъ которой подъ малой палубой прятались мы: и — попалъ въ послѣ-смертное: въ брызгами льющій, въ темнотный, взлетающій міръ изъ... такого же точно холоднаго міра: мое пребыванье въ каютъ-кампаніи — въ жизни — моментъ.

Этотъ брызжущій просвистень — просвистень міра, въ который отпущено тѣло; я вышелъ изъ тѣла, которое оттолкнулъ отъ меня еще въ «Лондонѣ» — сэръ.

Это тѣло теперь, разлагаясь, качается въ зыби томсоновскихъ вихрей; въ неизъяснимость иныхъ из-

мѣреній растаетъ оно: я блуждаю по тѣлу, которое, разлагаясь, качается въ зыби томсоновскихъ вихрей; въ неизъяснимость иныхъ измѣреній растаетъ оно:

— «Въ необъятномъ»...
— «Одинъ»...
— «Навсегда»...
— «Ничего!»...
— «Никого!»...
— «Не осилить»...
— «Ничто»...

Ужъ прошелъ молчаливый матросъ, подымая рукой круглоглавый фонарикъ; мелькнули въ лучѣ невысокіе прочертни мачты, канаты, фигуры:

— «Насъ много!»...
— «Мы ползаемъ»...
— «Какъ и ты!»
— «Мы съ тобою!»...
— «Всегда!»

И я понялъ, что эти фигуры — лемуры...

Онѣ появились давно: въ годъ войны; провожали повсюду меня — на прогулкахъ, въ трамваѣ; гонялись по Базелю, Дорнаху; я, ухватившись за Нэлли, не разъ озирался, спускаясь съ холма:

— «За деревьями прячется кто-то!»
— «Оставь: это глупости»...
— «Кто за деревьями прячется?»
— «А какое намъ дѣло»...

Шептали деревья:

— «Насъ много!»

Я видѣлъ фигуры: фигуры лемуровъ.

Я — умеръ: не здѣсь — еще въ Лондонѣ; не было Лондона: смерть отъ разрыва — мгновенная смерть! — была въ Гаврѣ: и даже — не въ Гаврѣ...

Я умеръ на бернскомъ вокзалѣ; мой трупъ отвезли уже въ Дорнахъ; и Нэлли, и Бауэръ, и Штейнеръ хоронятъ меня; возвращенье на родину — въ до-рожденное, въ старое — въ то, что забылъ, но что было, что помнится черезъ первые миги сознанія: бредомъ глядѣла въ меня моя родина:

— «Ты — въ неживомъ!»...

— «Въ необъятномъ!» . . .

Я спорилъ:

— «Я — въ Бергенъ».

Но мнѣ отвѣчало:

— «Нѣтъ Бергена!»

— «Нѣтъ ничего!»

— «Никого!»

. . . .

Въ первый мигъ послѣ смерти сознаніе, продолжая работу сосредоточилось въ мысли о томъ, что мой путь есть Парижъ, Лондонъ, Бергенъ. Но мысли внѣ тѣла есть жизнь; и вотъ жизнь путешествія до Нѣмецкаго Моря разставилась въ образахъ мысли: эфирное тѣло, разбухнувъ туда и сюда, было схвачено роемъ лемуровъ, въ сознаніи проступающихъ силуэтами странныхъ фигуръ, окружавшихъ меня; и при-

помнилась репетиція въ Дорнахѣ сцены изъ «Фауста»: сцены съ лемурами. Штейнеръ поставилъ ее предо мною, какъ знакъ предстоящаго: смерти!

И не было Лондона: мысль о Парижѣ и Лондонѣ въ мигъ умиранья держалась; и наконецъ мысль затаяла: образы многомѣрныхъ пространствъ, закипающихъ гудами, шипами, блесками, всплесками и создающихъ въ сознаньи, привыкшемъ цѣпляться за сгустки изъ чувственныхъ образовъ, — впечатлѣніе моря; — возстали: — зарывшись —

въ безóбразность брызгъ я летѣлъ отъ Ньюкастля до Бергена; шлепалось о деревянную палубу, перелетая за бортъ, все, что есть —

— сознаванье хватается за сообщенья духовной науки, которыя помогаютъ осилить: —

— пространство вселенной внутри сознаванія... —

— первое время иллюзія ощущеній живетъ, какъ огромное тѣло, въ которомъ любой кожный пунктъ ощущаетъ себя отстоящимъ отъ ближняго пункта на разстояніи, равномъ пространству, положенному отъ земли до луны; и всѣ пункты, тоскуя, себя сознаютъ голосящими:

— «О!»
— «О!»
— «О!»

— «Навсегда: ничего; никого!»
— «О!»
— «О!»
— «О!»

Если бы сознаванія ощущеній растущаго тѣла собрать въ смутный образъ, то онъ походилъ бы на грозный ландшафтъ океана: —

— видѣніе моря

загробной стихіи впослѣдствіи погасаетъ, спадая, какъ кожа перчатки спадаетъ съ руки: и —

— проносится прошлая жизнь, но въ обратномъ порядкѣ до мига рожденья; и — дорожденный будущій міръ возникаетъ: до нисхожденія сознанія въ тѣло младенца, сливаются миги сознанія внѣ тѣла съ послѣдними мигами, послѣ выхода сознаванья изъ тѣла. И образуется кругъ міра «Я» — тутъ — начало мытарствъ путешествія:

— «Я — одинъ!»
— «Навсегда!»
— «Никого».
— «Никогда».

Такъ я думалъ на палубѣ парохода «Гакона Седьмого».

Не знаю, но... вотъ прочертилась луна изъ-за рваныхъ тумановъ: и тамъ — протуманилась даль; и вставали огромныя волны, рыдающимъ гудомъ бросая на бортъ парохода кипящіе фосфоры; приподнявъ воротникъ у пальто, принадвинувъ на лобъ засырѣв-

шую шляпу съ полями, брюнетикъ (еврей изъ Нью-кастля) страдающій, какъ и я, подобравшись ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и прошлепалъ сырыми губами мнѣ въ ухо:

— «Въ Россію?»

— «Д а! ..»

— «Призваны на военную службу? ..»

— «Да, призванъ, а — вы?»

— «Тоже призванъ. . .»

Соленые выплески шлепнулись, фосфорѣя, съ размаху; и — промочили мнѣ ноги:

— «Ааа. . . ааа. . .»

— «Еще долго намъ маяться».

— «Вамъ очень долго, а мнѣ лишь до Бергена»...

— «Какъ, почему?»

— «Но послушайте», лепетала фигурка, «послушайте: стыдно вамъ, взрослому человѣку, спѣшить на побоище. . .»

Глазки фигуры блеснули.

— «Такъ вы значитъ. . .»

Чуть было не сказалъ «дезертиръ». . .

— «Не увидите больше меня; я — исчезну». . .

Средь рваныхъ тумановъ мелькнули въ безобразность прочертни мачты, канатъ — въ н и к у д а.

Въ голосящій, въ топчущій, дующій пузырями просторъ я кидался, безумствуя изъ мигающей пѣны: засмертные свистени, перелетая чрезъ бортъ, упадали въ такіе же свистени дорожденнаго міра.

. . . .

«Я — есмь» послѣ смерти моей оказалось въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ « — есмь» ощущало себя до рожденія; непосредственно до вхожденія въ дѣтское тѣло «Я» — было здѣсь именно!..

Въ необъятности изъ сплошной необъятности — необъятно протянуто было сознаніе къ дѣтскому тѣлу, которое вскорѣ услышало гулъ необъятности за стѣнами голубенькой дѣтской: какъ ужасъ, вставала картина пролета чрезъ море. А мигъ небывалыхъ летаній вставалъ мнѣ впослѣдствіи — памятью — памяти.

Молніей пронизала меня моя жизнь...

. . . .

И блеснула луна, озаряя безмѣрности; палуба опустѣла; фигура лемура пропала: я думалъ, что блескъ, успокоившій все, водворившій покой (хорошо изъ внѣ-жизни разсматривать бывшую жизнь), — мысль меня утѣшающей Нэлли; мы мыслями помогаемъ покойникамъ; души ихъ, переживая міръ чувствъ, какъ ландшафты, отчетливо знаютъ, когда помогаемъ мы мыслями имъ; ихъ ландшафты души проясняются блесками мыслей о нихъ.

— «Это — Нэлли»...

Луна, озарявшая все — Мысли Нэлли.

Работа надъ мыслью когда-то усилилась въ Льянѣ; перемѣщенья сознанія посѣщали тамъ: въ Льянѣ. Слагались въ спирали орнаментовъ, напоминающихъ сны; —

— мы садилися въ кресло; мы импульсы оживляли въ себѣ, не ощущая свисающихъ органовъ тѣла, перелетая пространства пустотъ и разливаясь, какъ блески: —

— А Нэлли сидѣла въ бѣлѣющемъ платьицѣ; и — фосфорѣла очами; и — мысль ея ширилась, какъ пространство огромнаго моря, черезъ которое плылъ мой корабль. —

— Пароходъ утомлялся пространствами моря — и Нэлли, быть можетъ, сидѣла, въ бѣлѣющемъ платьицѣ, мнѣ фосфорѣя очами: надъ гробомъ моимъ: —

— сбросивъ тѣло, расширенный, я простирался предъ взорами Нэллиной мысли, которая ясной луной мнѣ бросала вселенскіе свѣты; и — разливалась надъ водами, —

— переносящими корпусъ «Гакона Седьмого»; навстрѣчу протягивалъ Льянъ свои кровли; перемѣщенью сознанія научились мы: въ Льянѣ:

— «Спасибо».

Покойники переживаютъ ландшафтами чувства; міры небывалыхъ летаній внѣ тѣла, — ландшафтъ.

Кругъ замкнулся: вставала угасшая жизнь — отъ первѣйшаго мига сознанья себя объясняя.

На мокрой поверхности палубы я прислонился къ трубѣ парохода; летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парохода; дробилися пѣнами, шипами, плесками, блесками; надъ трубою, взлетѣвъ, стая искръ опадала; и — гасла въ рыдающемъ гудѣ; средь роевъ и плесковъ протянутый носъ парохода, кивая, бѣжалъ въ н и к у д а, гдѣ горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго! — слышалась явственно въ выхлестахъ ночи.

Прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа круглоглавый фонарь; и — мелькнули въ столбѣ желтоватаго свѣта: мнѣ — прочертни мачты.

БІОГРАФІЯ

Душа, сбросивъ тѣло, впервые читаетъ, какъ книгу, свою біографію въ тѣлѣ; и видитъ, что кромѣ своей біографіи въ тѣлѣ еще существуетъ другая, которая есть біографія — собственно; (во второй біо-

графіи видитъ она рядъ отрѣзковъ, — періодовъ облеченія въ тѣло себя).

. . . .

Въ моей жизни есть двѣ біографіи: біографія насморковъ, потребленія пищи, сваренія, прочихъ естественныхъ отправленій; считать біографію эту моей — все равно, что считать біографіей біографію этихъ вотъ брюкъ.

Есть другая: она безпричинно вторгается снами въ безсонницу бдѣнья, когда погружаюсь я въ сонъ, то сознанье витаетъ за гранью разсудка, давая лишь знать о себѣ очень странными знаками: Снами и сказкой.

Есть жизнь, гдѣ при помощи фосфора мысль, просвѣтляяся крѣпнетъ: другая есть жизнь, гдѣ самъ фосфоръ — созданіе мысленныхъ дѣйствій.

Пересѣченія двухъ этихъ жизней въ сознаніи — нѣтъ: между ними — границы; межъ тѣмъ пересѣкаются параллельныя линіи двухъ біографій въ единственной точкѣ: въ первѣйшемъ моментѣ.

. . . .

Его я запомнилъ: онъ — то, что въ себѣ не могу назвать сномъ; и онъ — то, что всегда я не могу назвать бдѣніемъ, потому что и бдѣнье и сонъ предполагаются обособленными; первый моментъ сознаванья рисуется памятью явно отличнымъ отъ бдѣнія; сномъ я назвать не могу этотъ мигъ, потому что мнѣ не было отъ него пробужденья.

Во всѣхъ прочихъ «мигахъ» — я вижу черту между бдѣньемъ и сномъ: —

— небывалое никогда и нигдѣ — вдругъ толчекъ: я — проснулся; —

— житейскія узнаванья младенца выноситъ мнѣ память; —

— черта, перерывъ: —

— я летаю: то — сонъ...

Въ первомъ мигѣ сознаніе трезво; его содержаніе — сказочно; нѣтъ перерыва межъ ними; и появляется «мигъ» въ одѣяніяхъ вымысла; т. е., впослѣдствіи одѣянія эти встрѣчаю я въ вымыслахъ: въ «мигѣ» они совершаются трезво, во мнѣ нарушая позднѣйшее раздѣленіе на сказку и явь.

Вы представьте себѣ: —

— птеродактили сохранились еще на одномъ только островѣ, гдѣ-то затерянномъ въ океаническихъ даляхъ; однажды корабль подошелъ къ тому острову: маленькій мальчикъ случайно провелъ на немъ ночь: и — увидѣлъ послѣдняго гада; потомъ мальчугана нашли: онъ пытался матросамъ сказать, что съ нимъ было; матросы — не поняли; мальчикъ забылъ, что онъ видѣлъ: —

— прошло много лѣтъ: онъ состарился, переживя современниковъ; старцемъ уже вспомнилъ сонъ: —

— безобразный драконъ оцарапалъ его, размахавшись колючками перепончатыхъ крыльевъ; и старецъ сказалъ себѣ: — Этого гада я гдѣ-то ужъ видѣлъ.

— Угасла въ немъ память о встрѣчѣ съ чудовищемъ, оцарапавшимъ мальчика зубьями перепончатыхъ крыльевъ.

Представьте себѣ: —

— его сынъ, знаменитый художникъ, нарисовалъ фантастическій образъ: надъ скалами острова —

— на младенца кидается страшный драконъ, раскачавшійся въ воздухѣ зубьями перепончатыхъ крыльевъ: —

— наслѣдственность передала этотъ образъ отца, разлитой вмѣстѣ съ кровью во всемъ организмѣ, — художнику - сыну; дѣйствительный случай, потрясшій отца, возродился въ фантазіи сына; отецъ, уже старецъ —

— увидѣвъ дракона, напавшаго зубьями перепончатыхъ крыльевъ на мальчика, —

— вѣроятно-бъ стоялъ потрясенный, взволнованный, заговоривъ самъ съ собой:

— «Я — видѣлъ»...

— «То самое»...

— «Гдѣ это было?»

И вспомнивши сонъ о драконѣ, сказалъ бы:

— «Я видѣлъ во снѣ»...

— «Но мой сонъ необычный»...

— «Въ немъ чую я память о бывшемъ со мною».

И вдругъ бы — все вспомнилось. Островъ: и — ночь; и — чудовищный гадъ, размахавшійся зубьями перепончатыхъ крыльевъ: но «старецъ» бы понялъ, что этому все равно не повѣрятъ; «драконовъ» вѣдь нѣтъ; все происшествіе жило-бъ въ душѣ какъ закинутый островокъ въ океанѣ, отрѣзанный отъ континентовъ сознанія; и въ этомъ таинственномъ островѣ памяти старецъ бы видѣлъ себя отдѣленнымъ отъ всѣхъ:

— «О!»

— «О!»

— «О!»

— «Я — одинъ»...

— «Въ необъятномъ!»

— «Со мной — никого, ничего».

— «А ужасная гадина — близко».

— «О!»

— «О!»

. . . .

Такъ и съ «мигомъ» сознанія —

— старецъ, перелетающій тысячелѣтія времени: — сказочность перваго мига есть странная быль:

— «Это было».

— «Я былъ въ необъятномъ».

— «Леталъ»...

— «О, о, о!»

Недоказуема правда; она — очевидность; она — фактъ сознанія: аксіома, безъ допущенья которой дѣленіе міра во мнѣ на міръ сновъ и міръ яви — не мыслимо: помню: чудовищный гадъ, размахавшійся перепонками крыльевъ, и «Я», на котораго онъ устремляется, — пересѣкаемы въ пунктѣ пространства и времени; гадъ — это «Я»; міръ — младенецъ, къ которому низлетаетъ ужасная гадина, или — тѣло младенца; одновременно: «гадъ» — тѣло, которое налезаетъ на «Я»; «Я»-жъ низвергнуто въ тѣло полетомъ; и — да: «это» — было; но доказать нѣтъ возможности, потому что слова принимаютъ крылатое очертаніе сновъ, мною видѣнныхъ, — уже послѣ:

— «Не сонъ это все».

Мнѣ ясно: —

— за моремъ невнятности моего обыденнаго сна мнѣ рисуются памятью берега континентовъ, гдѣ въ стаѣ драконовъ, махающихъ зубьями перепончатыхъ крыльевъ, живутъ «птеродактили» памяти, и предшествуютъ воспоминанію о моментахъ обыденной жизни; и — фактъ сознаванія: память — о чемъ же?

Мой мигъ — насквозь память: о чемъ? Содержаніе памяти возникаетъ впослѣдствіи: папа и мама, и няня, и дядя, и тетя, и — прочее... Но нѣтъ здѣсь

ни папы, ни мамы, ни няни... квартира, въ которой мы жили? она возникаетъ позднѣй; ощущенія роста? Но здѣсь въ ощущеніяхъ безпредметности, нахожу я предметами — «память»: о кругѣ предметовъ, которые послѣ не встрѣтились мнѣ ни въ кошмарахъ, ни въ снахъ, ни въ реальности прозы; къ утраченнымъ образамъ памяти сны, — какъ бы органы зрѣнія, потерявшаго жаръ созерцать: такъ слѣпые, расширивъ зрачки, видятъ муть. Мои сны ощущаются мутью угасшаго взора, который еще по привычкѣ старается видѣть.

И — нѣтъ: онъ не видитъ уже.

Эти сны указуютъ: на содержаніе памяти: но содержаніе это — опять таки: память; на днѣ своихъ сновъ нахожу память памяти: (перваго мига), сонъ сна.

Съ изумленіемъ вижу позднѣе, что память о памяти (молніи насъ осѣняющіе безо всякаго содержанія) культурою мысли и тѣмъ, что въ учебникахъ іоги зовется путемъ медитаціи — изъ молніи превращаются въ наблюдаемый пунктъ, а способности въ насъ дотянуться до пункта протянутой мыслью, — развертываютъ убѣгающій пунктъ въ прихотливый линейный орнаментъ; и мы — за нимъ слѣдуемъ; миѳами небывалыхъ орнаментовъ раскидается пунктъ, процвѣтая, какъ колосъ; и факты сознанія, о которомъ забыли давно мы — поютъ свои были.

Въ орнаментѣ убѣгающихъ линій — отъ перваго мига въ миганье до-первое — учимся мы путеше-

ствовать въ міръ дорожденнаго; и — познавать прилетаніе «Я» въ міръ дневной и обратно: читаемъ событія жизни души послѣ «мига», который наивное знаніе называетъ намъ смерть.

. . . .

Съ особою ясностью передо мной среди дня возникали орнаменты: въ Льянѣ!

И содержаніе памяти, безсодержательной прежде — росло.

Говорилъ себѣ въ Льянѣ!

— «Все это я видѣлъ уже»...

— «Это все открывалось уже мнѣ въ до-сонномъ»...

— «И стало быть: жило за снами и явью, какъ — сонъ на яву».

— «Я забылъ этотъ сонъ, погружаяся въ тѣло»...

— «Теперь только вспомнилъ».

Перемѣщенья сознанія посѣщали и Нэлли; и мы рисовали орнаменты, сознавая отчетливо ихъ: — содержаніемъ памяти; знаки намъ не были сказкой драконовъ, а явью когда-то живыхъ птеродактилей.

Странно: орнаменты процвѣтающей мысли, которые заносили въ альбомы, переживались, какъ дѣтскіе сны, но съ сознаніемъ, пріобрѣтеннымъ впослѣдствіи: это не сны, а дѣйствительность. Странно: иные узоры орнамента мы высѣкали изъ дерева на Іоанновомъ Зданіи: припоминали ихъ ритмами, —

— изъ которыхъ въ разгонѣ временъ вытыкались тѣлесные органы наши, — остывшія ткани: и мы, ожививъ первый мигъ, оживляли и далѣе: содержаніе перваго мига, летя въ немъ изъ органовъ тѣла въ рои ритмо-плясокъ; своей ритмо-пляскою духи спрядали изъ образовъ: камни, цвѣты и живыя тѣла: —

— первый мигъ —

— столкновеніе: дотѣлеснаго съ тѣльнымъ, гдѣ тѣльное есть окрыленный полетъ, а внѣ-тѣльное — стылость морозовъ пустотнаго міра; и тѣльное переживаетъ безтѣльное, будто оно есть улетъ въ н и к у д а; а безтѣльности переживаютъ тѣла — точно дыры, черезъ которыя упадаютъ онѣ: въ н и к у д а.

. . . .

Мои первые миги, какъ сны: сны во снѣ; мои миги вторые — кошмары, въ которыхъ живетъ память прежняго; и лишь впослѣдствіи зажигаются миги, которые мнѣ становятся воспоминаньями бывшаго; они вытѣсняютъ мнѣ первые миги, которые сны перерѣзаютъ, какъ молніи.

Гдѣ критерій оцѣнки событія сновъ.

— «Сонъ»...

— «Никогда не бываетъ»...

— «Фантазія»...

— «Мы живемъ на землѣ»...

— «Не летаемъ»...

— «Родимся естественнымъ образомъ»...

— «Кушаемъ»...

— «Выростаемъ»...

— «Рождаемъ»...

— «Старѣемъ»...

— «И вновь разсыпаемся прахомъ»...

И я, попугай, повторяю за взрослыми, позабывъ факты памяти:

— «Сонъ»...

— «Не летаемъ»...

— «Родимся естественнымъ образомъ»...

Очень поздно потомъ происходитъ со мною то самое, что со старцемъ, увидѣвшимъ изображенье дракона:

« Я— видѣлъ: такая же гадина на меня нападала»...

Такъ — я, опрокинувши ложные догматы, потрясенный — твержу:

— «Вспомнилъ».

— «Вижу себя: я — лечу, пересѣкая пустоты и вспоминая, что я оторвался отъ р о д и н ы»...

Вотъ — первая данность сознанія; прочее — вздоръ; когда тѣло разорвано, части его, раскидавшись вокругъ, продолжаютъ кричать:

— «Никогда не бываетъ»...

— «Родился естественнымъ образомъ»...

— «Кушалъ»...

— «Умретъ»...

Но «Я» отвѣчаетъ:

— «Неправда»...

— «Все — было»...

. . . .

Подъ брызгами, въ выхлестахъ ночи, два мига скрестились во мнѣ: пребыванье на палубѣ парохода «Гакона Седьмого»: и — пребыванья въ разлетахъ загробнаго, гдѣ летѣлъ, огибая телѣсную жизнь, въ правду перваго мига; стихіи, какъ звѣздное небо, объемлютъ рожденье и смерть; и изъ смерти видна вамъ тропа нашихъ странствій до мига рожденія.

Пароходикъ: корма — мигъ рожденія, носъ — заостреніе въ смерть: я забѣгалъ по палубѣ: отъ рожденья до смерти; и повернулся назадъ: за кормою я видѣлъ, что —

— пѣны плевались, слагаяся въ бѣлоусые гребни; и шлепались въ палубу; дали за ними ходили: рыдающимъ гудомъ и мощными массами; изъ тумановъ бѣжала луна; фосфорѣющимъ блескомъ узоры орнаментовъ строились, —

— эти орнаменты мы рисовали когда-то, какъ просвѣтни черезъ миги сознанія —

— строились жизни загробныхъ и дорожденныхъ міровъ на страницахъ альбома: хотѣлось воскликнуть:

— «Я все это знаю»...
— «Оно не фантазія»...
— «Возникало въ фантазіи

это все послѣ»...

Сперва была память: —

— о томъ, какъ я бѣгалъ по палубѣ взадъ и впередъ, какъ мятежились мощныя массы пространства: —

— и бѣшеннымъ фосфоромъ, перелетая чрезъ бортъ, цѣловали мнѣ губы горчайшія соли до мига рожденія: ритмо-пляскою ткали всѣ блески на палубѣ, мачтѣ, на старыхъ брезентахъ, спасательныхъ лодкахъ, трубѣ парохода «Гакона Седьмого», а тѣни, слагаясь у блесковъ, поставили передъ летающимъ окомъ рельефы иллюзіи, гдѣ сліяніе до-тѣльнаго съ тѣльнымъ образовало: мой вылетъ изъ тѣла, стоящаго у пароходной трубы, или влетъ чрезъ дыру (мое темя) въ ничто, облеченное въ шляпу съ полями; соединенье моментовъ есть дымъ пароходной трубы, изображавшій мгновенными клубами: появленіе писателя Ледяного на пароходѣ (рожденія міра изъ ничто), именуемаго страннымъ словомъ «Ньюкестль», въ сопровожденіи шпіона, державшаго зонтикъ; шпіонъ оказался фантазіей (или дракономъ): но въ немъ росла память. Прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа круглоглавый фонарикъ (о, старая правда!), какъ будто хотѣлъ онъ сказать:

— «Я не сонъ».

— «Не фантазія».

— «Я птеродактиль».

— «Эй, ты, развернемъ-ка зубчатыя крылья изъ блесковъ».

— «И ринемся въ просвистни: въ миги сознанія»...

. . . .

«Мигъ», озарившій меня межъ Ньюкестлемъ и Бергеномъ, выявилъ сокровенные импульсы; не ощущая давленія органовъ тѣла, хлеставшими массами мыслей леталъ въ первыхъ «мигахъ»: —

— «шпіоны»,

вдругъ сбросивъ пальто, какъ драконью тяжелую кожу, съ пронзительнымъ крикомъ сирены летучею стаею упорхнули въ пространства...

. . . .

Я понялъ: работой надъ мыслью снимаемъ мы кожу понятій, привычекъ, обычаевъ, смысловъ, затверженныхъ словъ; —

— біографическая дѣйствительность до вступленія моего на пароходикъ «Гаконъ» рисовала меня: малымъ мальчикомъ, гимназистомъ, студентомъ, писателемъ, «дорнахцемъ», «лондонцемъ», наконецъ, пассажиромъ на палубѣ парохода «Гакона», откуда открылось: —

— все вздоръ: біографія

начинается съ памяти о летаніяхъ въ космосѣ: мощными массами —

— какъ летаютъ огромными, мощными массами волны —

— дальнѣйшее: навыки, кодексъ понятій, искусственно созданный, какъ привычка сосать каучукъ —

— возникало, какъ память о жизни сознанія, заключеннаго подъ сырою, луганскою шляпою, гуляющей здѣсь: эта память о жизни — фантазія: память о томъ, чего не было... —

— Что-жъ было? —

— Безвещность летающихъ далей, гдѣ носъ парохода, зарывшись въ безуміе брызгъ, уносилъ въ н и к у д а, прокричавшее роемъ нарѣчій: направо, налѣво, впередъ и назадъ...—

— Я спустился въ каютъ-компанію, легъ на диванъ: накренялась стѣна: все трещало, отчаянно хлопали двери: направо, налѣво; шатаяся, шла блѣднолицая дама, подпрыгнула, ухватилась за столъ; и стремительно понеслась прямо въ дверь надъ стремительно изъ-подъ ногъ убѣгающимъ поломъ.

Дверь хлопнула.

Лампы качались: графинчикъ съ водою подскакивалъ; ноги мои высоко взлетали, неравномѣрно качаясь; потомъ упадали; подъ ложечкой странно пустѣло: морская болѣзнь!

МИГЪ

Если бы къ первоначальному пункту созданья провелъ бы я линію, видѣлъ бы я, что —

— всѣ дѣйствія будущей біографіи варятся: въ накипи; время здѣсь варится; варятся образы будущихъ произведеній моихъ; производитель ихъ варится; пузыри —

— «буль» «буль» «буль» —

— закипаютъ въ котлѣ мірового пространства толстѣйшими книгами; Леонидъ Ледяной —

— «хлопъ» —

— и лопнулъ —

— «буль» «буль» —

— пузыречками все изошло: здѣсь статья, тамъ статья —

— «хлопъ-хлопъ-хлопъ»... перелопались въ міровое пространство: —

— «буль-буль» надувается воздухомъ міровоззрѣніе Гете; членъ Goethe Gesellschaft «бѣжитъ по поверхности кипени: —

— «хлопъ» —

— «буль-буль-буль» —

— надувается —

— нѣтъ его —

«Петербургъ»: Апполонъ Апполоновичъ Аблеуховъ катается шарикомъ въ немъ —

— «Хлопъ» —

— и нѣтъ «Петербурга»: сидитъ Аполлонъ Аполлоновичъ въ Петропавловской крѣпости —

— «Скорпіонъ», «Мусагетъ», «Альціона», «Шиповникъ», «Грифъ» — хлопъ-хлопъ-хлопъ — перелопались въ міровое пространство —

— и бисернымъ шарикомъ вмѣстѣ со мною, летающимъ шарикомъ, носится черезъ годы Бальмонтъ; и за нимъ: Балтрушайтисъ, Ивановъ —

— и прочіе спутники біографіи брызжутся миголетами: —

— критики, литературныя силы Москвы, артистическій міръ, вкусы, навыки, все, что во мнѣ проступило; и все, что во мнѣ проступить бы могло еще — брызжется пѣною пузырьковъ въ этомъ мигѣ сознанія.

. . . .

— «Вспомни»:

— «Я старый: —

— Бальмонтъ,

— Балтрушайтисъ, —

— «Вѣсы»

— «Скорпіонъ»

— «Козерогъ»
— «Водолей». . .

. . . .

Накренилась стѣна: затрещала: «вжзли» — злые, пышнѣйшіе, бѣлоусые гребни лизали окошко каюты; разхлопались двери направо, налѣво; качалась потухшая лампа; графинчикъ съ водою подскакивалъ; захохотавшій коричневый чемоданчикъ подпрыгнулъ изъ сѣтки и съ грохотомъ полетѣлъ, описавши дугу.

. . . .

Толстоносый, сѣдѣющій шведъ въ полосатомъ жилетѣ учванился на меня подбородкомъ: потребовалъ кофе; уже наполнялась «каюта компаніи» — утро! — взволнованнымъ говоромъ: русскимъ, англійскимъ, норвежскимъ, нѣмецкимъ:

— «Передайте мнѣ сыру».
— «Когда мы пріѣдемъ?»
— «Сначала заѣдемъ въ Ставангенъ».
— «Въ Ставангенъ».
— «Ну да».
— «Почему - же въ Ставангенъ?»
— «А мы прижимаемся къ берегу: мы идемъ подъ прикрытьемъ...»
— «Отъ минъ?»
— «Миновала опасная зона»...
— «Теперь мы доѣхали».

. . . .

Шведъ въ полосатомъ жилетѣ замѣтилъ:

— «Война — это зло».

— «Ja, mein Herr!»

Отворилась наружная дверь, внося хриплые просвистни вѣтра; красавцы курьеры въ британскихъ пальто (офицеры, спѣшившіе съ порученьемъ изъ Лондона), оборвали нѣмецкую рѣчь двухъ евреевъ со шведомъ: послышалось: «Уэсъ» и «Оллъ-райтъ», обращенные къ сѣдовласому сэру: и межъ собою:

— «О чертъ!»

— «Навязали негодныя автомобильныя шины»...

— «Полковникъ принять наотрѣзъ отказался, телеграфировалъ въ Петроградъ»...

— «Что же вы думаете, изъ Петрограда приказъ: автомобильныя шины — принять».

— «А исторія съ ледоколомъ»...

Я слушалъ, качаясь направо, налѣво; графинчикъ съ водою подпрыгивалъ: ноги мои поднимались; подъ ложечкой странно пустѣло: —

— то все мнѣ дано: въ первомъ мигѣ сознанія!..

. . . .

Все только накипи извести на пузырчатой пѣнѣ кипѣній: сюртукъ «Ледяного», британскаго цвѣта пальто, полосатый жилетъ шведа справа; и стѣны «каютъ-компаніи», и — бушующій міръ, волочащій «Гакона Седьмого»; —

— мутнѣвшія пятна младенческой жизни, твердѣя, сливались въ туманъ, обступавшій меня: подхожу, его щупаю дѣтскою ручкою: стѣны: на стѣнахъ — обои: орнаменты мысли моей: —

— прослѣдите исторію орнаментальнаго творчества: постепенное усложненіе линій орнамента отъ простѣйшихъ фигуръ (треугольниковъ, ромбовъ, квадратовъ) къ округлинамъ встрѣтитъ васъ здѣсь: появляется въ болѣе позднихъ орнаментахъ преобладанье спиралей; пересѣченіе образуетъ листочки-розетки: цвѣты простаютъ; сложнится пышнѣйшій растительный міръ; и изъ розочекъ появляются р о ж и смѣющихся фавновъ; изъ міра орнамента вылѣзаетъ фавнесса, какъ листикъ, повиснувшій хвостикомъ на стебляхъ; и ужъ далѣе поскакала фавнесса, средь міра плодовъ и цвѣтовъ; —

— изъ орнамента проступаетъ картинка: павлины, растительность, перелетающій крылорукъ: —

— постепенно прочертятся виды природы, которую знаемъ мы всѣ. —

— Тутъ геологъ откроетъ законы сложенья ландшафта; художникъ законы сложенья ландшафта сведетъ вновь къ орнаменту; происхожденье костяка человѣка выводятъ изъ длинной градаціи усложняемыхъ костяковъ; происхожденіе животнаго міра въ другомъ объясненіи слагается изъ узорчатыхъ линій: —

— происхожденіе первое истина біографической жизни; — происхожденіе второе картина схожденья души ритмолетами: въ тѣло. —

— Кто помнить въ себѣ содержаніе памяти перваго мига, тотъ въ выгибахъ, въ ритмолетахъ, въ цвѣтахъ и въ розеткахъ орнамента внятно читаетъ жизнь силъ, проницающихъ насъ; тѣ орнаменты — пузыри закипающеи жизни; строеніе органовъ — ракушки, накипи: —

— стѣны, въ которыхъ позднѣе я вижу себя — отложенье обойныхъ орнаментовъ; —

— мальчикомъ часто вперяюсь въ обои: цвѣты, завитки, лепестки для меня оживаютъ и курятся ночью кипучими струями образовъ, становясь ритмо - пляской; и я прохожу сквозь обои въ міръ сна; я мѣняю обличія, ширюсь во все, что ни есть: —

— меня учатъ впослѣдствіи: стѣны суть правила: —

— «Дѣлай то-то и то-то».
— «Не дѣлай того-то».
— «Гуляй».
— «Не летай».
— «Сказки вредны».
— «Всѣ бабочки — гусеницы»...
— Происхожденіе бабочекъ изъ цвѣтовъ есть фантазія».
— Шаръ, по которому ходимъ — земля».

— «Небо пусто»...

И я повторяю ту ложь: —

— «Дѣлай то-то и то-то...
— «Не дѣлай того-то».
— «Мы всѣ червяки»...
— «Небо пусто»...

И вотъ начинаю я жить въ объясненіяхъ «біографической» жизни: —

— въ восьмидесятомъ году я родился: до этого года сочился въ родителяхъ; въ девятьсотомъ году въ микроскопѣ увидѣлъ я то, чѣмъ я былъ до рожденія: «клѣточку»; нынѣ же въ сопровожденьи шпіоновъ плыву я въ Россію, для доказательства вѣрности слову, котораго я не давалъ, но которое, не спросясь у меня, за меня дали Грею,—

— тащусь я въ Россію подставить мою оболочку подъ дѣйствіе пушки... и этотъ «брюнетъ», вѣроятно агентъ. —

— Тутъ, охваченный злобой, вскочилъ: —

— «Ха-ха-ха», — разразился я смѣхомъ, глядя на брюнета: «брюнетъ» удивленно взглянулъ на меня;—

— вотъ «Я» васъ —

— и каюта - компаніи », столъ, за которымъ сидѣли: сѣдѣющій шведъ, два еврея, курьеры, брюнетъ или агентъ, летавшая лампа, въ прищуренномъ взорѣ моемъ, разложились на линіи, покрываясь узорами перьевъ, мигающихъ въ пересѣченныхъ рѣсницахъ: и крылорукъ, колесящій слѣпительно, вмѣсто красавцевъ курьеровъ, павлинил-

ся въ воздухѣ; шведъ, оказался смѣющейся рожею фавна внутри побѣжавшей розетки; образовался орнаментъ растительныхъ линій, переходящихъ другъ въ друга: листочки, розетки, пальметты развоплотились въ спирали; спирали же стали линейнымъ полетомъ, кипящимъ со мною: —

— шпіоны, курьеры и шведы летали, блистали, хлестали рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво; и шлепались въ носъ и въ бока парохода «Гакона Седьмого», дробясь бѣлобисерной пѣной; ходили взволновано мощными массами.

. . . .

Тамъ, подъ винтомъ, уходя въ глубину, бирюзѣла чистѣйшая пѣна; на носъ парохода спускалося все бирюзовое; и — появились вдали лоболобые камни; придвинулись; четкою тѣнью чернѣли продолбины; и обозначались красныя кровли домишекъ —

— «Ставангенъ».

ГДѢ «Я»?

Ощущаю толчки: пробужденія, припоминанья о старомъ: —

— толчки моей жизни; отъ нихъ осыпается все, чему учатъ —

— приходятъ не спроста; иную

зависимость чую въ событіяхъ я; не умѣю я складывать буквы событій въ слова: поражаетъ еще начертаніе знаковъ: тотъ шведъ, подпирающій руки въ бока, буква «эфъ»; наблюдаю иными глазами его; связь межъ буквами ускользаетъ: слова не прочитаны; и оттого я безцѣльно взираю: но «въ безднѣ безцѣльности — цѣльность забвенія»; смыслы эстетики зрѣнья — безцѣльность! — осмыслится будущимъ.

А пока я живу очень смутною мыслью, что въ личности, выводимой изъ прошлаго, отлагается что-то, рождая вторую дѣйствительность: біографію біографіи; память о фактѣ, котораго не было, крѣпнетъ: я жду его годы; и вотъ —

— наступаетъ: тогда —

— проясняется прошлое, непрояснимое прошлымъ. Событіе «фактовъ», влетающихъ въ жизнь, точно взрывы во мнѣ: безпричинный, мгновенный разрывъ объясняетъ прошедшее; и причина приходитъ позднѣй ея дѣйствій, которыя рокъ; стѣны жизни качаются; мина, вонзаясь ударомъ, дырявитъ сознаніе; неожиданный мигъ «посѣщающій, угашаетъ сознаніе»; если кануть душой въ содержаніе безпричиннаго «мига», то — объясненья его отстаютъ отъ него: —

— «Ты родился естественнымъ образомъ».

— «Но летаешь. . .»

— «Умрешь». —

— никогда не рождался, летаешь въ космической сферѣ: — сперва нападали страннѣйшіе «м и г и» во снѣ на меня: я, проснувшись, все силился вспомнить мелькнувшее: въ памяти находилъ только п а м я т ь, а содержанія не было: были полеты: полетовъ боялся; впослѣдствіи схватывалъ я погасающій слѣдъ миголета и различалъ коечто: напряженіе памяти переносило меня черезъ бреши сознанія, гдѣ угасало сознаніе —

— за исключеніемъ пункта, летящаго въ перемоганьяхъ безпамятства; пунктъ — напряженіе воли къ вниманію: в с п о м н и т ь.

Что вспомнить?

Впослѣдствіи — вспомнилось:

— «Это ужъ было»...

— «Я здѣсь пролеталъ»...

— «Но въ обратномъ порядкѣ».

Воспоминанье летанья сознанья въ обратномъ порядкѣ въ мірахъ безсознанія переживалось, какъ если бы т о л е т а н і е было-бъ в л е т а н ь е м ъ; а это летаніе — въ мигѣ — переживалось, какъ в ы л е т ъ: —

— переживанія нападающихъ «миговъ» — «д р а к о н ы», которые гонятся; просыпаясь, разсказывалъ я: отвѣчали мнѣ:

— «Сказки».

Но я научился сознательно дѣйствовать въ сказкахъ, подсматривать дѣйствія моего сознаванья въ

«драконахъ»: и ростомъ сознанія я объясняю открытіе памяти, что: «драконы» фантазіи — «птеродактили» — правды.

Еще до рожденья боролся я съ ними.

Такъ «миги» кошмаровъ во мнѣ просверлили старинныя дѣйствія «Я» въ до - тѣлесной странѣ: это вскрылось въ усиліяхъ мысли, —

— которая древо;

изъ «древа» я дѣлалъ челнокъ; и уплывалъ по морямъ бушевавшихъ безмыслій; кто въ жизни своей не вступалъ на пути медитацій, тотъ — будь онъ философъ, — подобенъ мечтателю, созерцавшему море со скалъ каменистаго берега: кто «медитировалъ», тотъ морякъ, пересѣкавшій моря —

— открыванія медитацій: полетъ есть — есть вхожденье души въ разбухавшее ростами тѣло: полетъ медитаціи — вылетъ изъ тѣла: а «миги» кошмаровъ — дрожанье эфирнаго тѣла, еще не совсѣмъ прикрѣпленнаго къ тѣлу обычному; съ ростомъ обычнаго тѣла эфирное тѣло теряетъ способность къ движенію; въ медитаціи пробуждаемъ мвиженія —

— катастрофою

отдаются движенія эфирнаго тѣла: полетъ «вверхъ пятами» они; овладѣвши движеніемъ, вижу: полетъ есть сознательный вылетъ въ «восторгъ»: —

— упадающій со скалы въ бездну моря переживаетъ

испугъ; морякъ, распустивъ паруса, отдѣляется съ пѣсней отъ берега —

— вылеты, влеты, восторги, паденья, испуги — въ мгновеніяхъ становленія двухъ біографій моихъ... —

— Законъ тождества (въ «мигѣ» «Я — Я») затаилъ два момента: полетъ и паденье; рожденье въ тѣло и выходъ изъ тѣла — рожденье и смерть — суть единство: и нѣтъ ни рожденья, ни смерти; подобенъ мой мигъ разбиванію міра; во мнѣ ощущеніе ужаса переходитъ въ увѣренность: «Я» — безсмертно. —

— безсмертіе есть осязаемый фактъ медитацій.

. . . .

На пароходѣ «Гаконѣ» свершился чудовищный взрывъ: разлетѣлись отъ дѣйствія мысли моей проскрипѣвшія стѣны «каюты - компаніи», столъ, за которымъ сидѣли —

— сѣдѣющій шведъ,
— два евре́я,
— курьеры,
— брюнетъ, —

— закурился въ прищуренномъ взорѣ моемъ, разлагаясь на пляску летающихъ линій, кипящихъ въ моей медитаціи, и все залетало рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво: «буль-буль» — кипятился во мнѣ пространственный

обликъ: «хлопъ» — лопнулъ. «Буль-буль» — кипятился «шпіонъ»: лопнулъ — «хлопъ» —

— всѣ восторги, всѣ ужасы, сэры, Ллойдъ-Джорджи, шпіоны — осадки моихъ восходящихъ сознаній; свершились они въ глубинѣ моей личности; выпали послѣ во снѣ, когда личность подъ дѣйствіемъ С л о в а во мнѣ разлетѣлась на части: —

— мальчишки меня подбирали на улицѣ.

. . . .

Пусть объясненія Слова во мнѣ въ отдаленнѣйшемъ будущемъ; нынѣ читаю лишь б у к в ы событія Слова; разсыпанный шрифтъ, иль осколки моей оболочки, вокругъ осаждаются: сыщики гонятся, слѣдуя черезъ Бернъ, черезъ Лондонъ: —

— «с э р ъ»—

«Я» второй, на себя самаго возстающій, привыкшій къ комфорту:

— «Не дѣлай того-то».

Когда-то я въ Бергенѣ храбро взорвалъ свои стѣны; и вышелъ наружу; мой «домъ» потащился за мною, какъ рокъ, воплощаясь три года: роями несчастій, болѣзнью, разстройствами, маніей и войною; —

— война началась послѣ взрыва во мнѣ.

. . . .

Катастрофа Европы и взрывъ моей личности — то же событіе; можно сказать: «Я» война: и обратно: меня породила война; я — прообразъ: во мнѣ — нѣчто странное: храмъ, Чело Вѣка.

Можетъ быть, «Я» единственный въ нашей эпохѣ дѣйствительно подошелъ въ — ... жизни къ «Я». Удивительно-ли, что мое появленіе въ Швейцаріи, Франціи, Англіи, какъ причины войны, юрождало тревоги и ужасъ. Они — смутно чуяли...

И совершенно обратно: въ Швейцаріи, Франціи, Англіи «Я» ощутило войною себя: мое «Я» — порожденье войны; до войны никакого «Я» не было.

Нѣтъ: «Я» и «міръ» — пересѣклись во мнѣ.

Соединеніе съ космосомъ совершилось во мнѣ; мысли міра сгустились до плечъ: лишь до плечъ «Я» — свой собственный: съ плечъ поднимается куполъ небесный.

Я, собственный черепъ снявъ съ плечъ, поднимаю, какъ скипетръ, рукою моею.

Ставангенъ!

ПЕРЕДЪ БЕРГЕНОМЪ

Прибрежье зеленыхъ горбовъ, и — промойныя трещины въ очертни старыхъ боковъ, округленно слетающихъ къ струямъ, — купаться въ сквозной живолеть переблесковъ и въ лепеты разговорчивой влаги

— прибрежье летѣло, неся на горбѣ просинь сосенъ и яркіе запахи смолъ оголенныхъ стволовъ.

Распахнулся фіордъ, принимая сырѣйшія прѣлости моря, заторами мертвыхъ плотовъ и затонами бревенъ; вотъ прочертень красной кормы парохода, взревѣвшаго въ запахи соли и смѣси вѣтровъ; пароходъ, задрожавши, шелъ въ море, чтобъ, можетъ быть, въ морѣ наткнуться на мину; стояли норвежцы, кивая ушастыми шапками; фыркалъ дымокъ раскуряемыхъ трубокъ; и я, и товарищъ махнули платками. —

— «Го, го».

— «Добрый путь».

. . . .

— «Не наткнитесь на мину!»

Уже потянуло испорченной рыбой.

Ставангенъ.

. . . .

Внимали мы вѣщимъ лепетамъ водъ, засмотрѣлись во все бирюзовое, что крѣпчало лазурями; крѣпло — окрѣпло; и стало: сіятельной синькой; сказали другъ другу о томъ, чего нѣтъ: о провѣявшей Нэлли, юнѣющей личикомъ цвѣта сквозныхъ анемонъ; закачались въ разрѣзахъ фіорда, прошедшаго къ Бергену —

— въ

громкомъ, настойчивомъ говорѣ всѣхъ пассажировъ, пріятно взволнованныхъ тѣмъ, что прошли безъ несчастій въ спокойныя воды фіорда; повсюду на палу-

бѣ высились складени желтыхъ кардонокъ; и вѣяли дамы разлетами синихъ и палевыхъ шалей на насъ; два высокихъ шотландца приблизились, фыркнули трубками; и безъ единаго слова глядѣли, сжимая зубами гласившія трубки:

— «Ага».

— «Это онъ».

— «Онъ опять появился».

— «Оллъ-райтъ. . .»

— «Въ Гапарандѣ мы скажемъ жандармамъ».

— «Въ Торнео. . .»

Качались на лепетахъ тихо озыбленныхъ водъ, оставляя крутою кормою ярчайшія полосы, и — огибали облуплины каменистыхъ подножій; въ лазуревомъ утрѣ пошли острова, островки, обрастая гребнистой щетиной, и вѣя смолою; за нами уже раскроилась земля гдѣ-то издали: красными кровлями —

— Бергена, мнѣ сошедшаго свыше три года назадъ. . .

. . . .

— «Ты — сошелъ мнѣ изъ воздуха.

— «Ты — освѣтилъ мнѣ...

— «Ты — шествіе въ горы.

— «Сошествіе Духа во мнѣ.

— «Ты — огромныя горы Ѳавора. . .

— «Ты — горы».

. . . .

Здѣсь «мигъ», разрывающій все, раздавался какъ солнечный міръ, освѣтляющій все; и отсюда слетѣло

огромное что-то въ меня: во мнѣ жило, любило меня; и раскинулись кущи, гдѣ я пребывалъ сорокъ восемь часовъ и откуда прошелъ я дивяся и радуясь миссіи, мнѣ предначертанной, — въ тайныя вечери; благословилъ Копенгагенъ меня; мы торжественнымъ шествіемъ проходили Берлинъ: въ мои ночи — въ саду Геѳсиманскомъ —

— близъ Лейпцига, на могилу у Ницше, откуда принесъ я три листика —

— послѣ —

— упала колючая часть, терзая чело многострадными днями тяжелаго Дорнаха; этотъ вѣнецъ я надѣлъ въ дни паденья Варшавы и Бреста; приподнялъ свой крестъ; и — безропотно нынѣ несу его Родинѣ; тамъ, водрузивши, отдамъ мое тѣло приставленнымъ воинамъ; посерединѣ арбатской квартиры повисну, уставившись глазъ остеклѣлою впадиной — въ темени; и упаду, какъ во гробъ — на Садовую: зналъ, на что ѣду...

. . . .

— «Ты — горы, огромныя горы Ѳавора, — сошествіе Духа во мнѣ. . . Освѣтилъ, опустился изъ воздуха: Бергенъ!»

Качались на лепетахъ тихо озыбленныхъ водъ, оставляя крутою кормой парохода ярчайшія полосы, и — огибая облуплины каменистыхъ подножій, разрѣзали живолетъ переблесковъ: прошли острова, островки, ужъ раскроины почвъ, набѣгая, распались

на красныя кровли; лѣсъ мачтъ, накренныя трубы, какая-то пакля канатовъ; и — домики, домики, домики отовсюду стояли квадратами, какъ... подбородки норвежцевъ, глядѣвшихъ на насъ изъ толпы проходимцевъ и шкиперовъ.

Вотъ — переброшенъ канатъ; перекинуты сходни: и — сходимъ, толкая другъ друга: тюками, картонками и боками глухихъ чемодановъ — въ горластую молвь всѣхъ нарѣчій: англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго, въ пересыпь изъ матросовъ всѣхъ странъ, соглядатаевъ, спекулянтовъ, воровъ, коммерсантовъ, агентовъ.

. . . .

Брели сиротливо по гавани.

Стройку ганзейскихъ купцовъ уничтожилъ пожаръ. Вотъ — общественный садъ; вотъ — знакомыя башенки; запахи: соли, вѣтровъ и чешуй. Ярко-желтый жилетъ прокричалъ въ сини неба; глядѣли квадраты глухихъ подбородковъ; прошелъ — Генрикъ Ибсенъ, надвинувъ на лобъ старомодную шляпу; напружились шеи, слезилися глазки; приплюснутый носъ натыкался на насъ.

Сдавши старые чемоданы на станціи, мы заслонялись по улицамъ Бергена; носъ натыкался на насъ: —

— «Не желаете».

— «Что желаете?»

Носъ проходилъ фыркнувъ трубкою —

— «Я», въ багряницѣ, въ терновомъ вѣнцѣ проносилъ на плечахъ кипарисовый крестъ съ парохода «Гакона» — вдоль гавани: —

— въ городъ.

ТРИ ГОДА НАЗАДЪ

Никогда не забуду.

Мы ѣхали изъ Христіаніи въ Бергенъ: три года назадъ — въ сухолистьяхъ осени; въ дни, когда созрѣвали плоды многолѣтнихъ стремленій... Уже въ Христіаніи раздавались холмы, поднимаясь въ горбы; громоздились они; ощетинились свыше лѣсами; семья многохолмій возвысилась въ міръ многогорбій, въ которомъ ощерясь ущельемъ, садились горбы на холмы; многорослымъ объемомъ приподнятыхъ горъ пообставились промути дальнихъ прозоровъ; и — стойкими высями высились въ воздухѣ гранныя массы; —

— уже въ Христіаніи мысль облетала, обвѣясь; и — свѣявъ мнѣ подъ ноги жизнь сухомыслія, высились смыслы въ мірахъ многообразій; я изъ ущелія плоти прошелъ: въ непо-

мѣрный объемъ раздававшихся истинъ до —
дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; —

— и

возвысились цѣли, подъятыя къ небу (гигантомъ) въ столѣтіяхъ времени; вотъ —

— Кто-то Древній,

поднявъ изъ-за міра моихъ превозвышенныхъ мыслей —

— свой Ликъ, —

— поглядѣлъ въ мое сердце; и въ немъ отразился, какъ въ озерѣ, — съ кручи; я видѣлъ Его отраженье во мнѣ; и къ себѣ самому припадая, коснулся я Лика; —

— но въ ряби сердечныхъ волненій сіяющій Ликъ раздробился во мнѣ милліонами блесковъ... —

— огромная поросль

лѣсовъ, шелестя сухолистьемъ, открыла краснѣвшую недоросль мховъ и суровыхъ безлистій; уже облетали лѣсами всѣ твердыя толщи склоненныхъ преклоновъ: стояли сплошные гиганты каменьями времени; и далекій зубецъ —

— какъ сіяющій клыкъ —

— пробѣлѣлъ

надъ отвѣсомъ; и скрылся; другой; и — повсюду надъ твердыми толщами яснились снѣжные зубы: въ лазури; свѣтло и зубчато смѣялась окрестность, при-

двинувшись къ поѣзду граннымъ отвѣсомъ: ползли ледники, провисая серебряной массой по смутнымъ уступамъ: —

— вотъ тутъ появилась сестра, постигавшая тайны мистерій; она, перейдя изъ вагона, въ которомъ задумался Штейнеръ (онъ ѣхалъ въ томъ поѣздѣ) говорила о томъ, — что: —

— возвысились цѣли въ столѣтіяхъ времени; и — поглядѣла мнѣ въ сердце: ея ослѣпительный взглядъ посрединѣ разъятаго сердца зажегъ мое Солнце; и я, припадая къ себѣ Самому, припадалъ не къ себѣ Самому; —

— въ то мгновенье прошелъ по вагону кондукторъ, оповѣщая, что мы въ высшей точкѣ подъема отъ Христіаніи къ Бергену; насъ защемило ущелье; и — грохотно удушало туннелями; въ вылетахъ — въ воздухѣ висли вагоны, несясь къ остановкѣ.

И вотъ — остановка; и вотъ, цѣпенѣя въ незвучіяхъ свѣта, стояли вагоны; сбѣжали изъ поѣзда: къ синему озеру; ноги хрустѣли ледкомъ; изъ окошка вагона смѣялись; приподняли рогъ молодого оленя, здѣсь брошенный; грудь обжигало озономъ; въ груди же стояло:

— «Узналъ тебя: «Я».

— «Ты — сошелъ ко мнѣ изъ воздуха».

— «Ты — освѣтилъ мнѣ...»

— «Ты — шествіе въ горы».

— «Ты — горы».

— «Сошествіе Духа во мнѣ»... —

— Но — звонокъ; поѣздъ тронулся; дальше вагоны бѣжали по воздуху; въ грохотно бившемъ туннелѣ давились мы дымами; щелкали стекла вагоновъ, взлетая; и — падая въ вылетахъ; снѣжная линія —

— приподнялась; и прощально глядѣла намъ вслѣдъ; и — послѣдній зубецъ, какъ воздушный, сіяющій клыкъ, тамъ осклабился свыше: за пятнами промути; —

— тамъ прозирались дожди въ непрозорной дали; снова: стойкими высями высились въ воздухѣ гранныя массы; торчали безснѣжныя плѣши; и малый кусточекъ уже подбирался на лобъ гололобой скалы: подобрался; и линія красныхъ лѣсовъ возошла по уступамъ, облекши міры многогорбій въ свою багряницу — надъ синимъ фіордомъ; слетали мы къ Бергену; міръ многозубій мягчился, круглясь многогорбіемъ; скоро уже побѣжало нелѣпіе крышъ въ велелѣпіе горъ: —

—такъ мы прибыли въ Бергенъ три года назадъ.

И уже солонѣли вѣтра.

Гдѣ все это?

БЕРГЕНЪ

Нынѣ Бергенъ — центральнѣющій узелъ сношеній между Россіей и Англіей, гдѣ съ послѣдняго парохода бѣгутъ, чтобъ визировать паспортъ, иль — получить на проѣздъ въ третьемъ классѣ одну или двѣ сотни кронъ: —

— тотъ подтянутый франтикъ въ огромнѣйшей шляпѣ съ полями, навѣрное, русскій, хотя обитатель Италіи; старый, пейсатый еврей съ изможденнымъ лицомъ Іереміи, моргающій красными глазками въ солонѣющій вѣтеръ, матросы, солдаты — все русскіе, — слышалъ родную я рѣчь, наблюдалъ я солдатскія лица: за нашимъ «Гакономъ Седьмымъ» прибѣжалъ многотрубный «Юпитеръ», перевозя толпу плѣнныхъ, бѣжавшихъ въ Голландію: въ Бергенѣ ждали «Юпитера»; и — ходили тревожные слухи: потопленъ де онъ; онъ — пришелъ вслѣдъ за нами; стоялъ перекошенный рядъ металлическихъ трубъ надъ боками крутыхъ пароходовъ, роившихся въ гавани — красныхъ, зеленыхъ, оранжевыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, лѣсъ мачтъ; и — какая-то пакля канатовъ; кишѣла горластая пересыпь словъ; проходилъ круглоглавый лопарь на коротенькихъ ножкахъ, сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ несмываемой грязи; глядѣли квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ.

Явный прохожій шатунъ въ морской шляпѣ и въ кожанныхъ брюкахъ, раздвинувши ротъ, на меня

прокричалъ желтозубіемъ, свиснувши въ вышибэнь: вмѣсто желтаго зуба глядѣло зубное пространство; и желтый жилетъ прохахахнулъ нахально на насъ, поливаемый солнышкомъ.

Вотъ и торговая улица: преткновенье людей, толчея, горлатня; окна лавокъ: за тѣми немытыми стеклами зеленился сухою скорузлостью — сыръ (или — мыло), за этимъ стекломъ пробутылились вина; за этимъ — воняли кислятиной башенки рыбныхъ жестянокъ; спѣша, продавались оттуда въ отверстіе двери: довольный супругъ съ недовольной супругой, глядѣвшей на толокъ праздныхъ локтей. какъ... колючая корюшка: рыбьими глазками.

Вывѣска «Э р и к с е н ъ», вѣроятно, висѣла и здѣсь; коль не здѣсь, такъ — по близости гдѣ-нибудь; помнится, я ее читывалъ: гдѣ вотъ — не знаю. Но знаю навѣрное я: не обойдутся безъ вывѣски «Э р и к с е н ъ» громкія лавки норвежскаго порта; и — да: несомнѣнно; онъ, «Э р и к с е н ъ», гдѣ-то висѣлъ. И не только висѣлъ: —

— но расхаживалъ здѣсь же: съ серьгою въ широко разставленномъ ухѣ, куря свою трубочку въ... желточайшемъ жилетѣ, болтающемъ камушки цвѣтоглазой цѣпочки часовъ; и — съ фру Эриксенъ: миловидной блондиночкой, во всемъ вязанномъ; и — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть: зеленѣе зеленой травы, зеленѣе зеленаго моря, тотъ цвѣтъ — цвѣтъ Норвегіи; ткани, вязанья — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть; —

— въ эти

— ткани наряжены дѣвушки, женщины, вдовы; на толстыхъ щекахъ разыграется пышный ядреный румянецъ; качаются красные волосы изъ-подъ вязанной шапочки; сыплется синька изъ глазъ —

— голубое и желтое иногда со вплетеніемъ красныхъ полосочекъ — Швеція (шведы такъ много ѣдятъ, что...)

Да, «Э р и к с е н ъ», «Э р и к с е н ъ» — я не только читалъ про него; я и видѣлъ его; это вѣрно, какъ то, что на улицахъ Копенгагена попадается «Андерсенъ»; и живетъ припѣваючи, въ датскомъ мѣстечкѣ; что въ Даніи «Андерсенъ», то здѣсь «Эриксенъ»; онъ развѣсилъ пестрѣйшія вывѣски: въ Бергенѣ, Христіаніи, Гетеборгѣ, Тронгеймѣ... Торгуетъ: пенькою, канатами, ворванью, сельдью; и — гонитъ по рѣкамъ стволы обезвѣтвленныхъ сосенъ: съ затора къ затору; и эти стволы себѣ плаваютъ по безлюднѣйшей мѣстности въ рѣчкахъ; въ окошкѣ летящаго поѣзда можете вы наблюдать: передвиженье сосновыхъ стволовъ по рѣкѣ — до затора, откуда ихъ крючьями тянетъ, кряхтя, къ каменистому берегу, можетъ быть, финнъ, или даже сѣдой, круглоглавый лопарь на коротенькихъ выгнутыхъ ножкахъ, сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ несмываемой грязи; —

— сосновыя бревна

по рѣкамъ Норвегіи гонитъ опять таки Эриксенъ... Гамсунъ — писалъ о немъ.

Я — его видѣлъ.

На уличкахъ Бергена вспомнилъ добрѣйшаго Фадума; вмѣстѣ работали мы на рѣзныхъ архитравахъ: въ Швейцаріи; Фадумъ съ утра проходилъ по холму, направляясь подъ куполъ; и вечеромъ опускался въ кантину: поужинать; послѣ уѣхалъ въ Норвегію онъ; онъ — норвежецъ; и у него, здѣсь, въ Норвегіи — деревянное дѣло какое-то.

Вспомнилъ здѣсь Фадума: и — захотѣлось его повидать.

Гдѣ онъ?

Можетъ быть, онъ какъ и Эриксенъ, гонитъ стволы по рѣкѣ; даже, можетъ быть... Мысли о Фадумѣ, — оборвались:

— «Ia, Ia, meine Herren...»

— «Война есть великое зло».

Я очнулся; изъ двери дрянной ресторацiи, гдѣ хрипучія скрипки, какъ рой комариныхъ укусовъ, — прошелъ толстотѣлый пиджачникъ съ вонючей сигарой въ слюнявыхъ губахъ; онъ — за мной увязался:

— «Mein Herr, — неужели?»

— «Поѣдете вы изъ Норвегіи въ «Russland»?

— «Въ солдаты?»

Ему я, подставивши спину — ни слова въ отвѣтъ. Онъ, засунувши руки въ карманы просаленныхъ брюкъ, продолжалъ обращаться къ спинѣ:

— «Есть возможность достать себѣ паспортъ»...
— «Прожить здѣсь въ Норвегіи»...
Явное дѣло: шпіонъ.

Ничего не отвѣтилъ ему, продолжая шататься по улицамъ — въ преткновеньи людей, въ толчеѣ, въ горлатнѣ; и — заглядывалъ въ окна: за тѣми немытыми стеклами зеленѣлись сухія скорузлости сыра; за этимъ — бутылились вина; за этимъ — трепалась какая-то пакля канатовъ.

То — Бергенъ: и здѣсь, какъ и въ Лондонѣ, гналися за мною о н и; хохотали о н и надо мною; горластая молвь всѣхъ нарѣчій уже раскричалась: направо, налѣво, впередъ и вокругъ.

Мнѣ казалось, что этотъ прохожій шатунъ въ морской шляпѣ и въ кожанныхъ брюкахъ, раздвинувши ротъ, на меня прокричалъ желтозубіемъ, свиснувши въ вышибень:

— «Посмотрите-ка».
— «О н ъ»...

Генрикъ Ибсенъ, надвинувъ на лобъ старомодную шляпу, на эти нахальные крики стремительно выскочилъ изъ дрянной ресторація, посмотрѣвъ саркастически: —

— «Здѣсь О н ъ принялъ когда-то вѣнецъ...»
— «Здѣсь стоялъ, простирая, какъ царь, свои руки».
— «И воздвигалъ свои храмы...»

И — вотъ: обращаясь къ старушкѣ — колючей

рыбешкѣ — кричалъ Генрикъ Ибсенъ, махая огромнѣйшимъ зонтикомъ:

— «Посмотрите же».
— «Тащится».
— «Погоняемый стражами».

И глядѣли сурово квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ:

— «Ну-ка».
— «Спаси себя».
— «Ха-ха-ха-ха».
— «Самозванецъ».

Но глядя въ нелѣпіе крышъ, убѣгающихъ въ велелѣпіе горъ, я — отвѣтствовалъ:

— «Да».

— «Я для васъ тутъ тащусь: пригвоздить мое тѣло».

— «Для васъ бросилъ Храмъ, гдѣ подъ куполомъ стаивалъ съ молоткомъ, подъ рѣзной пентаграммой...»

— «Я врѣзалъ себя — навсегда; въ пентаграмму».

— «Челомъ восходящаго Вѣка стою передъ вами».

И я проходилъ мимо всѣхъ въ закоулки; и — въ многогорбыя улички; думалось мнѣ: —

— воспріятіе этой толпы есть болѣзнь: и — «драконы» смѣшенья сознанія смутно заснились — отъ этой болѣзни; навѣрное: «птеродактили» этой болѣзни во мнѣ: не во снѣ;

то — событія внутренней жизни; то — отблески важныхъ, космическихъ дѣйствій, свершаемыхъ внутри атомовъ тѣла; естественно перерождаемся мы: перерожденіе я подсмотрѣлъ; отъ исхода его, можетъ быть, все зависитъ: поспѣшное окончанье войны, миръ Европы, иль — Гибель Европы:

— «Да, да».
— «Это — «Я».
— «Я» во мнѣ».
— «Исполняется».

Мигъ, разрывающій все, со мной былъ — здѣсь, три года назадъ: вознесеніе въ небо мое; иль — проколъ: въ никуда и ничто. —

— Такъ отвѣтятъ ученые и «проколъ» затыкаютъ скорѣй они «пунктомъ» матеріи: «электрономъ»; то — пунктъ прободанья матеріи сознаваніемъ «Я»; —

— міры «пунктовъ»
рисуютъ наглядно картину встающаго міра; но — только сѣть «пунктовъ» матеріи — поры сознаній существъ —

— и
не даромъ въ своихъ парадоксахъ гласитъ Максуэллъ о томъ именно, что пунктъ — «демонъ». [1])

---

[1]) Сортирующій демонъ Максуэлла.

ПЛОЩАДЬ

Вотъ и площадь — та самая, гдѣ три года назадъ я стоялъ и смотрѣлъ на оглавы вершинъ: вотъ она. Но оглавы теперь занавѣсились тучами, черезъ которыя косо прорѣзался лучъ преклоненнаго солнца: —

— здѣсь жизнь пролетѣла, обвѣясь; возвысились смыслы въ громадный объемъ раздававшихся истинъ: до дальнѣйшихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; возвышалися цѣли моихъ устремленій въ разгонахъ временъ, по которымъ я видѣлъ порою плывущимъ себя въ утлой лодочкѣ тѣла; порою — летящимъ въ сферу луны, мимо диска духовнаго Солнца, до Марса — къ полуночи, чтобъ въ полуночи, остановившись въ Видѣніи Храма, иль тѣла, — низвергнуться снова: и строить себѣ новый Храмъ, чтобы тамъ, въ храмѣ Тѣла, подслушивать дѣйствіе взгляда —

— «Я» —

— въ

собственномъ сердцѣ: и

видѣть Его отраженье

во мнѣ; и — къ себѣ самому припадать: —

— но на ряби сердечныхъ волненій сіяющій Ликъ раздробился во мнѣ милліонами блесковъ.

. . . .

На этой вотъ площади: я устремлялъ мои взоры: къ объемамъ приподнятыхъ горъ, пообставшихъ промути дальнихъ прозоровъ; и — тамъ: въ непрозорной дали прозирались дожди; и туда восходила кровавая линія шумныхъ октябрьскихъ лѣсовъ, облекая міры многогорбій въ свою багряницу; и — туда проходилъ Рудольфъ Штейнеръ; тамъ высились въ воздухѣ гранныя массы: безснѣжными плѣшами; ясно представился черный сюртукъ, развѣваемый вѣтромъ и черная шляпа съ полями; представилось это лицо, блѣднобѣлое, съ чернымъ сверкающимъ взглядомъ, способнымъ изъ чернаго стать брилліантовымъ — тамъ на вершинѣ.

Но не къ себѣ, а ко мнѣ меня звалъ Рудольфъ Штейнеръ.

. . . .

Великолѣпно изваяно тѣло мое: прихотливо сплетаются въ немъ электронные пункты: въ собраніе атомовъ, въ молекулярныя общины, въ города органическихъ клѣтокъ, въ огромныя націи тканей, слагающихъ организмъ человѣчества клѣтокъ: «Я» — царь вселенной, возводится всѣмъ человѣчествомъ, строющимъ тѣло, — по лѣстницѣ міра тѣлеснаго: на тронъ. —

— Помѣщается тронъ моего человѣчества между глазами: подъ лобною костью; и — мечутся толпы дичайшихъ существъ, образуя кишенье творимаго космоса, между уступовъ-костей, про-

бѣгая пещерами костныхъ продолблинъ, крича и метаясь:

— «Пошелъ».

— «Идетъ».

— «Я»... —

— «Я» иду, золотымъ фонаремъ сознаванія освѣщаю свой путь; изъ вечернихъ тумановъ вхожу я въ пещеры: меня окружаетъ — убогій, дичающій родъ, непрерывно дѣлящійся и ядущій себя; средь этого рода —

— моихъ одичалыхъ созданій —

— брожу съ золотымъ фонаремъ: выбѣгаетъ толпа низкорослыхъ уродовъ со скотскими лицами, съ топорами и копьями: и — отступаетъ отъ свѣта; поставилъ фонарь я на землю; и въ свѣтлый, колеблемый тѣнями кругъ, проступили, сѣрѣя, суровыя лица:

— «Куда ты»?

— «На родину».

— «Гдѣ твоя родина»?

— «Тамъ, гдѣ стоитъ пустой храмъ».

— «Мы всѣ ждемъ, что туда пройдетъ Онъ».

— «Кто вашъ Онъ?»

— «Богъ, сошедшій изъ неба, — средь насъ воплощенный».

— «Вы — ждете Его? ..»

— «Ждемъ: не видѣлъ-ли ты Его? . .»

— «Да, это — «Я». —

— Царь вселенной возводится нынѣ на тронъ: межъ глазами подъ лобною костью!

. . . .

Въ оккультномъ развитіи есть потрясающій мигъ, когда «я» сознаванья, —

— свергается съ трона подъ черепомъ, разрываяся на милліоны сознаній: и видитъ Оно: возвышается тѣло сплетенной громадой изъ тѣлъ; на вершинѣ громады свершается въ «Я» пересѣченье сознаній вселенной; невѣроятное переживанье себя миріадами «Я» уподобляемо быстрому погасанью сознанья: —

— «Я» —
— «Я» —

— раскричалось изъ пальца руки:

— «Я» —
— «Я» —
— «Я» —

— раскричалось изъ ногъ:

— «Я» —
— «Я» —

— «Ячится»

— изъ колѣна,
— изъ устъ,
— изъ предплечій,
— изъ мозга,
— изъ печени,
— изъ ступни,
— изъ плеча —

— тронъ разбитъ; и единство сознаній утоплено; нѣтъ во мнѣ «Я»; въ головѣ моей пусто: покинутый храмъ; «Я» — въ терновомъ вѣнцѣ, въ багряницѣ, воздѣвши фонарь, забродило: по собственнымъ жиламъ; на перепутіяхъ жильныхъ слоняется «Я», научая сознанію толпы слѣпыхъ фагоцитовъ: и — принимая удары бациллъ — нѣтъ, ужасная пытка узнать это опытно.

. . . .

Кажется — въ этомъ дичайшемъ, безсмысленномъ мірѣ: —

— «Какъ могъ я попасть сюда?»

Фагоцитъ — круглоглавый дикарь на коротенькихъ, выгнутыхъ ножкахъ, сѣрѣя пятномъ несмываемой грязи, — уставился тупо; и — слушаетъ, опершись на копье;и ему,дикарю,проживающему внутри органовъ моего истомленнаго тѣла, «Я», павшій съ престола въ громадины органовъ тѣла, — ему говорю:

— «Я — во всѣхъ васъ».
— «Дарю вамъ мое низошедшее «Я».
— «Разрывайте его».
— «Просвѣщайтесь свѣтомъ».

— «Тотъ свѣтъ «Я» — средь васъ». — И бреду въ перепутьяхъ; опустошеніемъ тянется путь: —

— все-то: клѣточки,
клѣточки, клѣточки,
клѣточки: домики!!!

Между нихъ переулками бѣгаютъ хитрыя стаи бациллъ, нападая на строй фагоцитныхъ отрядовъ; влекутъ лейкоциты какія - то тяжести черезъ сѣть капилляровъ: отъ бездны желудка, до... солнечной площади Сердца; синѣетъ, и стало — все синимъ: попалъ въ свои вены; опять ничего не пойму, потому что понять невозможно: какъ это случилось, что «Я», провалившись въ себя, перелетѣло пустоты, его отдѣлявшія отъ сознанія клѣточки; и — стало клѣточкой: —

— что ощущала та клѣточка, надъ которою свершилось сошествіе «Я»? —

— вѣроятно она ощущала, что токъ свѣто-воздуха, опустившись надъ теменемъ, пронизалъ это темя; что Кто - то, Старинный и Милый, свергался изъ бездны временъ, одѣвая душистымъ тепломъ, какъ одеждой; и — зажилъ; подъ плотяною оболочкой; «Я» же — измучилось: въ круглоглавомъ, коротенькомъ тѣльцѣ на выгнутыхъ ножкахъ; «Я» — видѣлъ ужасы: какъ эти малыя тѣльца безъ проку и толку дѣлились; и гдѣ стоялъ фагоцитъ, скоро тамъ, грохотала толпа ихъ: безъячныя яйности, яйца — тупо катались за мной; мы катились: отъ вены до вены: къ артеріямъ: и изъ ар-

терій, — опять попадали мы въ вены; со мной фагоциты теперь обращались, какъ съ братомъ: —

— «Ты что же?»
— «Я — міръ вашъ».
— «Ха-ха-ха-ха-ха!»

. . . .

Такъ длилось до мига, когда провели меня въ Храмъ, возвышающійся посерединѣ сердечной, алѣющей площади; въ «Храмѣ» — увидѣлъ я книгу, которая этимъ людомъ считалась священной: и — что же: —

—увидѣлъ я тамъ Ледяного: на немъ красовалось заглавіе: «Я»: я—прочелъ: мнѣ слова пролетѣли изъ строчки; понять, что рисуется ими, — не могъ я; но — чувствовалъ: въ фагоцитной душѣ своей; вотъ — вся сквозная она. Да, я тутъ начался: низлетѣлъ я изъ этой вотъ книги: —

— въ «Я», въ найденной книгѣ я, старый, сѣдой фагоцитъ: начался.

. . . .

По ступенямъ сознанія: электротонной, атомной, молекулярной и клѣточной; далѣе, по ступенямъ сознанія тканей и органовъ воспріятій, чувствъ, волненій, мыслей, — иду, какъ по лѣстницѣ, устланной красными тканями крови — къ священному трону: высоко, высоко, надъ бездной сознаній моихъ —

— надъ моимъ подсознаньемъ —

— стою на Престолѣ моемъ; бездны «Я» перекрещены въ «Я»

«Я — есмь Я!»

. . . .

Есть въ развитіи потрясающій мигъ, когда «Я» сознаетъ себя Господомъ міра: простерши пречистыя руки «Я» сходитъ по краснымъ ступенямъ, даруя себя въ немъ кишащему міру: —

— Сойдя со ступени высокаго трона Вселенной, даруетъ вѣнцы Всесвѣтлѣйшаго «Я» оно избраннымъ, ихъ нарицая:

— «Іоаннъ».

— «Петръ».

— «Лука».

— «Маркъ».

— «Іуда».

— И органы тѣла теперь всѣ двѣнадцать — суть:

— «Я».

— И сойдя на вторую ступень чрезъ посредство двѣнадцати Царствъ, чрезъ апостоловъ «Я» всесвѣтлѣйше даруетъ всѣмъ градамъ Вселенной —

— «Я» —

— Дальше: спускаясь на третью ступень, «Я» даруетъ себя всѣмъ кишащимъ въ «Я» клѣточкамъ: — «Я».

Всѣ — свободны: Тронъ — умъ мой — стоитъ опустѣвшимъ; всѣ — царственны: въ Іерусалимѣ творимаго тѣла: —

— «Я, я, я, я, я, я, я, я, я», прогудѣло по мощнымъ вселеннымъ: —

— Іуда меня предаетъ!

. . . .

Мнѣ — быть распятымъ страшной ватагою; и — повторить для свободы творимаго міра то самое, что уже свершилось: то — путь «Чела Вѣка». На этомъ пути посвященія въ «Я» — добровольно покинувши Умъ (или Храмъ подъ Челомъ), опускаются по ступенямъ съ ума, т. е. — сходятъ съ ума, въ адъ глухихъ подсознаній, чтобъ вывести изъ мрачнѣйшихъ пастей глухого, подземнаго ада огромныя толпы чудовищъ — въ Свѣтъ Умный; то — ужасъ; то — искусъ: остаться на вѣкъ съ-ума-сшедшимъ. Схожденье съ ума — нисхожденье голубя «Я» на безумное; съ-ума-сшедшіе озаряютъ низринутымъ «я» — подсознанія мраки; своимъ золотымъ фонаремъ озаряютъ пути допотопнымъ чудовищамъ; вочудовищнившись, — открываютъ возможности вочеловѣчиться птеродактилямъ, рѣющимъ въ насъ: то — бациллы сознанія. —

— Свѣточемъ «Я»
просвѣтится бацилла.

. . . .

Но чувствовать «Я» царемъ міра. и въ то же мгновеніе чувствовать мірового Царя — распинае-

мымъ въ собственномъ тѣлѣ ватагою дикихъ бациллъ, умирающимъ въ яростяхъ тѣла; услышать крикъ ярости:

— «О!» —

— «Распните!» —

— «Распните!»—

— «Распните!»

Какой это ужасъ! —

— происходящее внутри жизни сознанія кажется происходящимъ во мнѣ: вотъ проходитъ почтеннаго вида прохожій; — на тебя указуетъ перстомъ; это — все происходитъ внутри, — въ твоемъ тѣлѣ (средь перепутій артерій влекутъ тебя въ сердце твое, указуютъ перстами); прохожій почтеннаго вида перстомъ указуетъ на вывѣску; перемѣщенье сознанія заставляетъ тебя стать предъ нимъ, скрестивъ руки; а указующій жестъ отдается въ сознаніи — жестомъ Пилата; и —

— «Ecce Homo!» —

— звучитъ; и тебѣ начинаютъ мерещиться образы: бичеванія, заушенія, облеченія въ багряницу, распятія; и положенья во гробъ.

. . . .

СУМАСШЕДШІЙ

. . . .

Здѣсь, отсюда когда-то я былъ вознесенъ, а усталое тѣло мое они долго водили потомъ: по Берлину

и Лейпцигу; но сначала оно пронеслось въ Христіанію мимо льдами покрытыхъ оглавъ зеленисто-лазурныхъ громадъ; мимо домиковъ Гетенборга и Мальмэ потомъ пронеслось мое тѣло; и тѣло взрывалось, ломимое духомъ; и свѣты меня осѣнявшіе сопровождалися ощущеніемъ рѣжущаго удара: отъ темени къ сердцу и — екало сердце; и — охватывалъ страхъ, что вотъ, тѣло не выдержитъ; непоправимое совершится для тѣла:

— я чувствовалъ, что — не готовъ: неизбѣжно меня ожидающій актъ отразится на тѣлѣ моемъ операціей; приподымалась задача: умѣть овладѣть изнутри — ясномысліемъ; а извнѣ — ясной вспышкой; —

— тѣлесныя тяжести нападали; и — страхъ пробуждался; и полюбившее Существо, помогавшее мнѣ — приподнималось, снималось, слетало съ меня, оставляя въ ущеліяхъ плоти; томительный холодъ безстрастья высасывалъ мысли — подъ ложечку. —

— Въ это время писали въ газетахъ изъ Бергена, что рыболовная шхуна разбилась: у Бергена. Не рыболовная шхуна разбилась, — а тѣло мое «Я» — сошло въ немъ съ ума —

— то вскричала грядущимъ душа: и — теперь исполнилось грядущее; я погибающій, въ дикихъ ватагахъ, въ себѣ, изъ себя самого — про-

стиралъ онѣмѣвшія руки:
— «О, Нэлли!»
— «Ты — слышишь!»
— «Ты — слушаешь-ли?»
— «Снова просятъ о помощи».
— «Около Бергена потопили корабль».
— «О, — спаси меня!»
— «Нэлли...»

Неясныя прочертни, тѣни, ползущія черезъ улички Бергена, оскалы раскрытыхъ дверей, перекошенный рядъ металлическихъ трубъ; и — какая-то пакля канатовъ:

— «Я» —

— въ огненной мантіи, здѣсь, посрединѣ взметаемой пыли, тащу кипарисовый крестъ, перекладиной мнѣ ломающій плечи — средь хохотовъ:

— «Ну-ка!»
— «Спаси себя!»
— «Ты, самозванецъ!» —

— и падаю: —

— подошелъ

ко кресту круглоглавый лопарь на коротенькихъ, выгнутыхъ ножкахъ; сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ несмываемой грязи, понесъ предо мной кипарисовый крестъ...

. . . .

Очень странно: —

— блуждаю по странамъ земли (по Швейцаріи, Франціи, Англіи, Скандинавіи); и — вмѣстѣ съ тѣмъ —

— заблуждалъ по пространствамъ творимаго космоса; я — вѣчный жидъ: —

— «Я» —

— присутствовалъ при событіяхъ въ Палестинѣ; внималъ его слову; стоялъ у креста; видѣлъ вихрь вознесенія; съ тѣхъ поръ заблуждалъ я по странамъ земли: —

— золотымъ фонаремъ освѣщаю свой путь; изъ тумановъ стучу въ стекла оконъ:

— «Не видѣли-ль вы?»

— «Не проходилъ-ли?»

— «Не звалъ-ли?»

— «Не совершалъ-ли здѣсь вечери?»

— А вокругъ собираются: шведъ, круглоглавый лопарь, русскій плѣнный, бѣжавшій въ Голландію; и — вопрошаютъ:

— «Куда ты?»

Я имъ отвѣчаю:

— «Туда, куда вамъ не пройти».

Старый шведъ, подмигнувъ лопарю, вопрошаетъ опять:

— «А скажи-ка, гдѣ домъ твой?»
Я имъ отвѣчаю:
— «Мой домъ, гдѣ васъ нѣтъ, лицемѣры».

. . . .

Двѣ родины перекрестились во мнѣ, перекрестность путей — тяжкій крестъ; моя родина — братство народовъ.

Найду ли ее?

. . . .

Въ багряницѣ я вижу себя проходящимъ по Бергену: въ сопровожденіи. . . лопаря — на вокзалъ.

. . . .

Вотъ — вокзалъ.

Полосатыми чемоданами, роемъ телѣжекъ, носильщиковъ, кассами, гомономъ встрѣтилъ: —

— да, я уѣзжаю —

— Куда? —

— Въ городъ Солнца: на родину. —

— Тѣло мое обезумѣвши, быстро помчится, какъ въ пропасть летящій, отяжелѣвшій, безчувственный комъ — въ прозіявшія дыры могилъ; проволокутъ его, завернувъ въ пелены, точно куклу — въ могилы. Мой духъ невещественно прочтетъ надъ катимымъ на родину тѣломъ въ міры моей мысли, которые — отблески солнца: Его!

Но въ могилѣ, на родинѣ, въ русской землѣ, мое тѣло, какъ бомба, взорветъ все, что есть; и — огром-

ною атмосферою дыма поднимется надъ городами Россіи; глава дымовая моя приметъ «Я», или Солнце, которое свергнется съ выси: въ меня!

СНОВА ВЪ ПОѢЗДѢ

Ночь сходила: туманы вскипали въ котлахъ, образованныхъ гребнями, выбивая наружу; ихъ прокипи ниспадали кудласто по линіямъ вѣтровъ обсвистанныхъ перпендикуляровъ изъ твердаго камня; они ниспадали хлеставшими каплями; мы, опуская вагонныя стекла, на станціяхъ слушали: просвистни вѣтра въ горахъ; и когда поднимали мы окна, они покрывались алмазными каплями; и не лысились, не шершавились красными мхами преклоны нагорій, едва зеленясь лазурѣющимъ пролежнемъ; здѣсь, глянцевѣя пластами оплывшаго льда, на меня посмотрѣли когда-то оглавы нагорій, теперь занавѣшенныхъ клочковатыми тучами, черезъ которыя красное око желѣзнаго поѣзда безостановочно пробѣгало въ сѣрѣвшія сырости: рваныхъ тумановъ.

Всѣ сѣрые прочертни стѣнъ, подбѣгающихъ черной продолблиной быстро растущей дыры, — угрожали; качались высоко надъ нами ничтожныя щеточки сосенъ; дыра насъ глотала; и — начинала жевать: металлическимъ грохотаньемъ: туннель. —

— И вотъ
выносились вагоны, несущимся окомъ; и мы, въ неотчетливо — сѣромъ во всемъ, снова видѣли прочертни; снова дыра насъ глотала:

— «Тохъ-тохъ» неуклонно металлились грохоты въ уши; и —

— «трахтахахъ» —

— вылетали въ мрачнѣвшія сырости:

— «Та-та» били насъ скрѣпы рельсъ; и опять уносились стремительно — въ «тохтотанье» туннелей; казалося: упадали удары изъ преисподней; и — рушились: суши и горы — отъ скорби; ломались холмы; проступали въ туманы неясныя пасти, гдѣ мы проносились; оттуда валилъ сплошной дымъ; волокли мое тѣло съ темнотными впадинами провалившихся глазъ въ глубины: до-рожденныхъ темнотъ, иль посмертныхъ томленій, въ глубокое дно пролетало, низринувшись, верстное тѣло мое съ перепутанными волосами и грохотомъ-хохотомъ било мнѣ въ уши; и глазъ остеклѣлою впадиной тѣло уставилось тупо — въ туманы и мраки:

— «Познай себя — ты».

Мнѣ казалося: упадали удары на жизнь; разрушались рельефы моей «біографіи»; прежде мнѣ было все ясно — во мнѣ и въ событіяхъ жизни моей, — появились туманы теперь; и сквозь нихъ проступали ужасныя пасти пещеръ, образованныхъ тамъ, гдѣ ихъ не было; вихрь порыва — летѣлъ въ эти «дыры» мгно-

веній, зіявшихъ изъ прошлаго; ночи сходили на все; изморщинилась суша; въ ущельяхъ мятежились просвистни перваго мига сознанья; оно, какъ безсонное око, бѣжало сквозь странствія жизни въ неясные прочертни дѣтскихъ годовъ, подбѣгающихъ черной продолблиной въ рваныхъ туманахъ; дыра — память перваго мига! — глотала; и — начинало вокругъ грохотать то, что не было въ яви дневной, но что жило подъ нею; и я выносился оттуда; и на мгновеніе, отрѣшившись отъ бездны, отчетливо видѣлъ далекіе годы; и снова глоталъ меня мигъ, разрывающій все.

БІОГРАФІЯ

Связь «миговъ» — ростъ жизни; но памятью «миговъ» — кипитъ безсознаніе. А на сознаніе падаютъ мороки словъ, что родился когда-то въ Москвѣ; изъ тумановъ растетъ представленье иллюзіи мѣста рожденія; но я забылъ, г д ѣ родился, когда разступились туманы иллюзіи, то обнаружилось: въ мѣстѣ рожденія — дыры.

И нѣтъ: не исторія жизни: мое пребываніе въ арбатской квартирѣ, гимназія, лекціи Умова, книги, — а — зеркало, отдаюшее жизнь на поверхности.

Я полюбилъ Метерлинка за то, что меня повернулъ отъ себя его міръ; пятилѣтній младенецъ міри Метерлинка носилъ я; читая «Слѣпыхъ», чрезъ один-

надцать лѣтъ я припомнилъ: «священникъ» завелъ меня въ дебри, и — бросилъ: въ углахъ.

Метерлинкъ не влiялъ: онъ — напомнилъ...

Напомнили образы в ѣ д ь м ы мнѣ: в ѣ д ѣ н ь е силъ, проростающихъ въ ощущенiяхъ дѣтства; и ч о р т ъ былъ ч е р т о й, за которой встрѣчалъ меня мiръ; ч о р т ъ — ч е р т а: она тѣнь:

— «Не приближайся: я — здѣсь».

— «Тебя жду»...

— «Тебя съѣмъ».

Отойдя за ч е р т у, гдѣ Само обитаетъ, за чтенiемъ «Заратустры», я вспомнилъ, что ч о р т ъ — моя самость: и черти — исчезли.

Самосознанiе вспомнило часъ, когда я прочиталъ т и х i й ч а с ъ Заратустры: отъ этого часа кричалъ по ночамъ: мое марево дѣтскихъ кошмаровъ («д р а к о н о в ъ» фантазiи) стало страной «п т е р о д а к т и л е й»: памяти.

Ницще есть память о прошломъ: не знай я въ себѣ, что роилось въ сознанiи Ницше въ моментъ «Заратустры», его бы — не понялъ я; въ чтеньи затеплилась Жизнь моей жизни, какъ память о жизни. которая протекала во мнѣ до рожденья; — «влiянiя» — память о собственномъ дѣйствiи; и потому - то исторiя литературныхъ влiянiй читается только въ обратномъ порядкѣ.

Шестнадцати лѣтъ все прочтенное перекрестилося въ т о ч к у и бросило блески впередъ и назадъ; все — отчетливѣй вспомнилось.

. . . .

Щелкнула дверь; и — ввалился знакомецъ — «брюнетъ изъ Одессы», съ которымъ мы ѣхали отъ французской границы; его потерялъ я въ Парижѣ; онъ въ Бергенъ приплылъ на «Юпитерѣ»:

— «А!»

— «Вы?»

— «Опять?»

Положивъ котелокъ и разставивши чемоданы мнѣ подъ ноги (будто не было Лондона, Бергена, Гавра, Парижа) — онъ сталъ утрамбовывать мозгъ болтовнею своей, разрушая нить памяти; тѣломъ, запрятаннымъ въ пестрый пиджакъ, что-то долго выстукивалъ въ тактъ разговора:

— «Когда это было?»

— «Сонъ — снился».

Казалось: разсказъ о его похожденіяхъ въ Лондонѣ тянется, тянется, тянется: я стараюсь понять: не могу. Пересыпаетъ разсказы намеками на какое-то происшествіе онъ, гдѣ замѣшана личность, которой пока не касается; но если его въ Хапарандѣ подвергнутъ допросу — заявитъ, что обыску подлежитъ эта личность; я могъ кое-какъ догадаться, что ѣдетъ шпіонъ — въ нашемъ поѣздѣ. Власти узнали объ этомъ и — ищутъ шпіона средь насъ; онъ подмаргиваетъ мнѣ:

— «Эгеге!»

— «Да ты что-то»...

— «Чего-то»...

Черта, за которою самостно бьются во мнѣ мои силы, иль «чортъ» — появившійся спутникъ: прошелъ за черту, отдаваяся памяти тихаго часа: брюнетъ изъ Одессы, вдругъ стихнувъ, покорно улегся передо мной на диванчикѣ.

Воспоминанія перекрестилися въ точку: я — вспомнилъ.

. . . .

Весенній денекъ; перелетаютъ отъ крыши сосѣдняго дома изъ рваныхъ тумановъ вороны: на крышу сосѣдняго дома: торчитъ вдалекѣ каланча: на ней — шаръ: это гдѣ-то пожаръ; я — начитанный отрокъ, ведущій дневникъ, застаю въ кабинетѣ отца втихомолку читающимъ книги — себя: надъ «Вопросами Философіи» я. Переводъ Вѣры Джонстонъ «Отрывки изъ Упанишадъ». Начинаю читать.

Кое что понимаю я въ Боклѣ: и понялъ я все въ «Бережливости» Смайльса; я даже читалъ Карпентера.

А это — невнятно.

Гляжу за окна: пролетаетъ — ворона ли? Съ крыши на крышу слетаетъ дымокъ, улетая: за крышу; понять, что такое рисуется перелетами клубовъ — нельзя. Такъ и слово: перелетаетъ изъ строчекъ на душу, сквозь душу — куда? Видишь — вотъ, а понять, что рисуется тайнами словъ — невозможно; душа предо мною моя — вся сквозная: разъятыя шири пространствъ открываются въ ней перелетами словъ.

Отрываюсь отъ чтенья: ворона — ворона ли? Ахъ, другое какое - то все: непонятно, невидимо...

Видимо, слышимо — все, чего прежде не зналъ, что уставилось въ душу:

— «Я — старое».

Было. Когда это было? Я тутъ начался; низлеталъ: изъ вотъ этой невнятицы.

Нѣтъ, никогда не входилъ въ эту комнату: нѣтъ, не развертывалъ Бокля. Не росъ, не учился; и нѣтъ — не родился: рожденіе, ростъ, пониманіе, чтенье — орнаментъ: я вижу ряды миніатюръ; вотъ все то, что себя сознавало и то, что себя сознаетъ, — занавѣской отдернутой передъ вѣщей страницею; что занавѣску отдернуло — родина.

Въ «Упанишадахъ» я жилъ до рожденія.

. . . .

Родился для памяти съ этого мига; и, какъ безумный, стоялъ безъ единаго слова; мнѣ чудился взглядъ — безъ единаго слова, рождающій меня; на себѣ съ той поры ощущалъ этотъ взглядъ я; лица устремленнаго взгляда не видѣлъ: и встрѣтилъ лицо послѣ.

Двѣнадцатилѣтіе проницали глаза, говорившіе:

— «Ты».

— «Не умрешь».

— «Не рождался».

Однажды, въ рѣшительный мигъ моей жизни, мнѣ дали двѣ карточки, изображавшихъ два Лика

(перепечатки тѣхъ карточекъ можете видѣть въ поверхностной книгѣ нѣмецкаго мистика Гартмана[1]).

. . . .

Снова большая луна выплывала изъ облакъ: уже переваль совершился; съ тумановъ сбѣжало кровавое око летящаго поѣзда; видѣлись въ окнахъ горбы, на которыхъ лежали, бѣлѣя, тяжелые камни; на остановкахъ шумѣли лѣса.

Предразсвѣтныя тучи глядѣли: чрезъ сосны — отъ сосенъ; и — улетали за сосны; и то, что не понялъ я въ Англіи, понялъ я здѣсь: —

— переживанія Бергена, Лейпцига, Брюсселя, Дорнаха, Лондона: —

— свѣточи, перелеты, все блески мученія, ужасы, страхи —

— оно:

— то — не то — его нѣтъ, и оно — все же есть; все, что было со мной, все то было во мнѣ: —

— возмущеніе водъ, буря на морѣ, — Голосъ Безмолвія:

— «Жди меня».

— «Въ маревѣ»...

— «Жди».

— «Я — раздамся»:

И я отвѣчаю изъ марева:

---

[1]) «Unter den Adepten», Leipzig 1901.

— «Душно»...
— «Я — въ гробѣ».
— «Но — жду».

ШОПЕНГАУЕРЪ

«Упанишады» наполнили душу, какъ чашу, тепломъ.

Устремленіе болѣе позднихъ годовъ родилось въ мигѣ чтенія, наполняя всю душу, какъ чашу; тепломъ отразились два глаза — Стоящаго надъ душой:

— устремленье годовъ родилось «мигомъ»
чтенія; бросило блески лучей —
— въ непро-
свѣтныя дали:
былого; —
— и
бросило блески лучей въ непросвѣтныя
дали грядущаго: —
— тамъ проблистала Высо-
кая Гита свѣтлѣйшими
текстами —
— бросило блески лучей въ
— сверхсознанье —
— бросило блески лучей
въ мои бездны, откуда гро-
зился Гонитель —

— «Упанишады»:

свѣтлѣйшіе тексты! —

— въ моемъ безсознаніи сѣтью сознанія подняли: —

— томъ Шопенгауэра —

— я — развернулъ,

и —

—отдался ему.

. . . .

Всѣ сказали бы: —

— Шопенгауэромъ начертались мои философскіе вкусы —

— о, нѣтъ: —

— устремленіе болѣе позднихъ годовъ начерталось Ведантою: Упанишадами; и —

— Шопенгауэръ былъ зеркаломъ; въ немъ отразилась Веданта, такъ именно, какъ отразился въ Ведантѣ —

— Я, Самъ.

. . . .

Откровеніемъ пересѣченныхъ пустотъ прозвучалъ Шопенгауэръ: разсказомъ о волѣ —

— о — «Я».

«Я» — космически мучилось, строя паденіе: въ тѣло —

— паденіе тѣлъ, тяготѣніе, шаровая планетная форма и слѣпость мученій въ ней «Я» —

подсмотрѣлъ, и —

— воочію убѣдился, что — такъ: прочиталъ Шопенгауэра я, какъ разсказъ о себѣ...

. . . .

И настигла меня безпріютность, какъ память о прежнемъ: открылись уюты пустотъ, отдѣляющихъ духъ человѣческій отъ тѣлеснаго міра, и — близящихъ къ родинѣ.

Чтеніемъ Шопенгауэра сжегъ въ себѣ Боклей и Смайльсовъ; разрушились правила трезвой морали; такъ я перешелъ за черту:

Я узналъ, —

— что нѣтъ радостей въ перегородкахъ внушаемыхъ правилъ; я жилъ ощущеніемъ: послѣ сверкнувшаго «мига» въ стѣнахъ моихъ комнатъ открылся проломъ: —

— Возвращаясь домой (изъ гимназіи), я затворялъ двери комнаты: броситься духомъ въ ничто и восчувствовать знаніе той стороны...

. . . .

Если влить струевое кипеніе жизни въ пульсъ времени, самое время бѣжитъ точно музыка; нотными знаками возникаютъ событія жизни; и гамма звучитъ о пространствѣ иномъ, подстилающемъ наше; звукъ жизни, построясь на гаммѣ, проносится образомъ, вставшимъ изъ родины; —

— гаммы поютъ высотою Нирваны, а звуки мелодій — Ведантою...

. . . .

Вечеромъ, дѣлая видъ, что готовлю уроки, порой замѣчалъ, что часами сижу, отдаваясь ничто, иль внимая полетамъ мелодій, звучащимъ мнѣ издали; я замѣчалъ, что отдача — особаго рода наука: летанья на звукахъ; —

— все это росло мнѣ вопросомъ «какъ жить»; и въ летаньяхъ на звукахъ учился я памяти: —

— «Да, это — было».

— «Гдѣ было?»

— «Росло» —

— и росло, и росло, застилая все прочее; бросилъ науки; и вотъ педагоги, отмѣтили, что воспитанникъ Б. — сталъ лѣнтяемъ; онъ сталъ —

— пессимистомъ, буддистомъ: —

— и Фетъ сталъ любимымъ поэтомъ его съ этихъ поръ.

. . . .

Я, измученный жизнью, которой учили меня,— прозрѣвалъ: въ пустотѣ. Пессимизмъ былъ несознаннымъ переходомъ къ богатой, клокочущей жизни, которая вскрылась во мнѣ очень скоро потомъ.

МОЙ «ПУТЬ ПОСВЯЩЕНІЯ»

Если бы гимназиста Б. Б. попросили отчетливо указать на этапы развитія, начерталъ бы Б. Б. —

— свои правила вылетанья изъ
будней:
пунктъ первый: —
— міръ — сонъ
пунктъ второй: —
— его должно
разсѣять
пунктъ третій: —
— въ проломахъ
разбитаго міра есть нѣчто:
ничто; наконецъ —
пунктъ четвертый —
— есть, — родина...

Что касается перваго пункта (міръ — сонъ), то я долженъ замѣтить, во мнѣ онъ сложилъ мои вкусы: отъ Чехова — къ Метерлинку, отъ Метерлинка — къ поэзіи Блока; отъ будней, зѣвоты, къ вторженію въ будни ничто (въ ротъ влетѣла «ворона»); ничто — незнакомка; Прекрасная Дама она, или Мудрость: Софія. И не «ворона» влетѣла, а: Веды влетѣли; рой вороновъ — посвятительный образъ; да, Мудрость влетѣла мнѣ въ ротъ: а впослѣдствіи вскрылась: словами о Мудрости.

Второй пунктъ: «Данный мнѣ міръ — упраздняемъ» — тотъ тезисъ сложилъ увлеченіе Ницше и Ибсеномъ.

Третій мой пунктъ: «Ничто — нѣчто»: ничто есть буддизмъ; воплощенное въ чемъ-то, оно — музыкальная гамма; мелодія — символъ: я сталъ символистомъ.

И, наконецъ, пунктъ четвертый: «Есть родина»: право разсматривать миѳы и сказки, какъ процвѣты жизни на линіи гаммы; сказанія процвѣтаютъ изъ музыки.

Правила жизни мнѣ выросли іогой: я вырастилъ «дѣтище» теоретика, символиста, сказателя: такъ «Леонидъ Ледяной» — мною созданъ, какъ «кукла», надутая воздухомъ; «куклу» проткнулъ: «Хлопъ» — и лопнула.

. . . .

Я — таковъ отрокомъ: строгій мой обликъ законченъ уже.

Гимназистомъ уже проповѣдую я гимназистамъ: аскеза — обязанность; путь упражненія (опыты перемѣщенья сознанія) — соціальное дѣло; ужъ я — спеціалистъ невѣсомыхъ поступковъ. А средство созданія новаго міра — искусство; и — начинаю пописывать.

Всѣ бы сказали:

— «Онъ есть выразитель волны эстетизма, пришедшій въ Россію изъ Франціи».

Но —

— не книгами опредѣляются вкусы — событіемъ: «Упанишадами», разорвавшими стѣны; нашелъ зерно жизни, развивъ пелену воспитанья: зерно же есть «Я» — дорожденное; перегородки поставлены: —

— смерть и
рожденье, —
— событія съ тѣхъ поръ созерцаю: двойными глазами.

Двойными ушами ихъ слушаю.

Соединеніе двухъ біографій есть символъ, поставленный предъ лицомъ человѣчества. «Я» — символъ васъ: на меня поглядите, и мнѣ научитесь; всѣ дѣйствія «Я» символичны: слагаются буквами, внятнымъ разсказомъ; и «Я» —

— мое «Я» чертитъ фразу за фразой...

Моя эволюція — мимикри сокровеннѣйшихъ опытовъ переживанья сознанія всѣхъ; такъ: я съ Ницше, трагическимъ пессимистомъ, какъ съ родиной встрѣтился, будучи ницшеанцемъ до Ницше.

А трагикомъ сталъ оттого, что «событіе перваго мига» опять повторилось.

Разбитъ пессимизмъ: все вскипѣло.

— «Я — есмь».

ГИМНАЗІЯ

Міровою пустыней стоитъ гимназическій міръ —

— классы, классы,

уроки, —

— до, ре, ми, фа, соль, —

— если влить въ рядъ уроковъ пульсъ времени, самое время уроковъ бѣжитъ музыкальною гаммой; и нотными знаками строются формулы алгебры: въ образъ изъ родины... Но —

— безсмыслица словъ и твердимыхъ задачъ превращаетъ меня въ идіота; и градомъ изъ формулъ меня побиваютъ; и осыпаютъ десятками «Cum» (temporale, causale, inversum) и — до сихъ поръ помню я:

«Panis, pascis, crinis, finis»
«Ignis, lapis, pulvis, cinis»

. . . .

Первый годъ гимназической жизни проходитъ въ усиліи внятно связать это все; и часы, какъ булыжники, падаютъ, падаютъ, падаютъ; я — побиваемый мученикъ. Падаю въ пересѣченье пустотъ.

Непрерывныя дроби: дѣлю, и — ноль, ноль, единица, ноль, ноль, единица, ноль, ноль, единица; дѣлю и дѣлю; можетъ быть и — додѣлится гдѣ нибудь; и — ноль, ноль, единица, ноль, ноль, единица; —

—дѣлю: безпріютность пустотъ отдѣляетъ меня отъ обычнаго міра; и время уже побѣжало, какъ гамма; и цифры — ноль, ноль, единица — ложатся, какъ нотные знаки; исписана ими тетрадь; и —

— что дѣлаю? —

— получаю дурную отмѣтку за то, что учу математику на урокѣ латыни: — Ut,

— Utinam,

— Utriusque,

— Utrique, —

— объ «Ut» нельзя думать, когда объясняютъ Законы Дракона: —

— на злой безконечности ряби («ноль, ноль, единица, ноль, ноль, единица») проносятся утки (Ut, Utinam, Utriusque, Utrique, qua, qua), а за утками гонится строгимъ закономъ Дракона.

Кавардакъ въ головѣ на четвертомъ урокѣ: на пятомъ — я сплю, иль — космически мучаюсь, превращаясь въ тупое, усталое, безтолковое тѣло: —

— паденіе тѣлъ, тяготѣніе тѣлъ, шаровую
планетную форму и слѣпость мученій
въ ней «Я» пережито въ гимназіи, на
урокахъ латыни: —

— домой.

. . . .

Возвращаюсь домой; голова моя пухнетъ; она — шаровая, планетная форма; и слѣпо въ ней «Я»; потемнѣло на улицахъ; падаетъ сѣрый снѣжокъ; и — синѣетъ, синѣетъ; и въ сини — чернѣетъ; прокаркало гдѣ-то: ворона перелетаетъ отъ крыши сосѣдняго дома изъ рваныхъ тумановъ: на крышу сосѣдняго дома; торчитъ вдалекѣ каланча; дома я понимаю и Бокля и Смайльса; въ гимназіи — я ничего не пойму; пониманіе прогораетъ; и — дымъ, сплошной дымъ, перелетами клубовъ несущій все то, чѣмъ набили мнѣ голову, — черезъ улицу: къ крышѣ сосѣдняго дома — на крышу: на крышѣ дерутся коты...

. . . .

Знаю, будетъ не весело дома; зажегши тусклѣйшую лампу, — примусь за уроки: ноль, ноль, единица, Ut-Utinam-Utriusque-Utrique, законы Солона, законы Дракона, драконы закона... —

— Опять ничего не пойму, потому что понять невозможно: съ пяти до шести; въ шесть — обѣдать; съ шести до восьми: настигаетъ меня безпріютность, какъ память о прежнемъ; въ стѣнахъ моей комнаты — дыры: въ ничто; два часа просижу, отдаваясь летанью на звукахъ ро-

яля, рокочущихъ издали; и поднимается тотъ же вопросъ: какъ же жить?

Чай. И — спать.

Засыпая, я знаю: уже въ половину восьмого — разбудятъ меня; будетъ — холодно, неуютно, темно: будетъ — вторникъ (сегодня у насъ понедѣльникъ, до Рождества стало быть. . . . . .): —

— Среда,
— Четвергъ,
— Пятница —

— по

средамъ, четвергамъ и по пятницамъ: прохожу переулками — въ классы; увижу снѣжокъ; и, быть можетъ — ворону; услышу грохочущій шопотъ шаговъ, пробѣгающій въ классы.

Трамбуютъ мнѣ голову «знаніемъ»: загромыхаютъ колеса по бѣднымъ мощенымъ мозгамъ; тяжесть свѣдѣній размозжила мнѣ голову, ранцемъ отдавлены плечи: —

— ноль-ноль-единица,
— ноль-ноль-единица,
— ноль-ноль-единица —

хоть ноль, хоть ничто! Непрерывная дробь барабаннаго знанія! —

— Я вотъ воспитанникъ П. . . заведенія, для защиты себя отъ безсмыслицъ, грозящихъ мнѣ мозгъ, сложилъ правила жизни; пунктъ первый: міръ — сонъ; пунктъ второй: пробужденье возможно; пунктъ третій: оно пробужденіе — въ музыкѣ; и, на-

конецъ, пунктъ четвертый: летанье на звукахъ — цѣль жизни; —

— мой обликъ законченъ; и созрѣваетъ рѣшеніе: проповѣдывать гимназисткамъ А-невской гимназіи — правила жизни; да, я — спеціалистъ странныхъ дѣлъ: мнѣ товарищи ставятъ на видъ, что я мало себя развиваю, что Писаревъ, Чернышевскій, Бѣлинскій... спросили однажды меня:

— «Ну, кого ты читалъ?»

Читалъ Карпентера и Смайльса; но я отвѣтилъ:

— «Упанишады».

— «Кого?»

— «Шри-Шанкара-Ачарія»...

— «Ха-ха-ха-ха».

. . . .

«Тра-та-та-тра-та-та-тра-та-та» било мнѣ въ уши: ворочался; дѣтство мнѣ спать не давало; шершавясь кустами, изъ оконъ глядѣли оглавы нагорій, черезъ которыя красное око летящаго поѣзда мчалось средь прочертней стѣнъ, подбѣгающихъ дырами —

— «тохъ» металлическимъ грохотомъ падали стѣны туннеля на окна, — мой спутникъ проснулся; протеръ кулаками глаза, точно я уличилъ его въ чемъ-то позорномъ; уткнулся глазами въ пустое пространство; поматывалъ головою, желая стряхнуть неподвижный мой взглядъ, устремленный въ пустое пространство; привскакивалъ, пробѣгалъ для чего-то въ уборную; возвращаясь, зѣвалъ: и — глоталъ пустоту:

— «Что?»
— «Попался».
— «Вотъ я...»

Нагибаясь, вскинулся, и — протянулся ко мнѣ крючковатыми пальцами; тѣни ночныя качались разлетами перепончатыхъ крыльевъ; попугивалъ:

— «Я — птеродактиль».

— «Умѣю царапаться: зубьями перепончатыхъ крыльевъ»...

Онъ — началъ разсказывать: въ Лондонѣ — вы представьте... хотѣли его, а — дѣйствительно: личность, которой пока онъ не станетъ касаться, — дѣйствительно: въ этомъ вотъ поѣздѣ, ѣдетъ въ Россію.

— «А!»
— «Ну-ка?»
— «Попробуй!»

Смѣясь, я ему разсказалъ, что везу въ чемоданѣ секретныя вещи, что въ Лондонѣ и меня — вы представьте — хотѣли, а — личность, которой пока я не стану касаться — дѣйствительно: подлежала бы обыску.

— «Ну-ка».
— «Ну-ка».

Глумился я; то — онъ бѣгалъ въ уборную, то, разъѣвавшись глоталъ пустоту, и — тянулся ко мнѣ крючковатыми зубьями перепончатыхъ пальцевъ.

И вотъ онъ, уткнувшися въ уголъ, страдалъ отъ разстройства желудка, — въ туманы и пасти гля-

дѣлъ остеклѣлою впадиной глаза; зѣвая, клонился дырою раскрытаго рта; ему предложилъ пузырекъ съ освѣжительнымъ одеколономъ, — тотъ самый, который онъ выхватилъ у меня при переѣздѣ въ Парижъ, когда... Да...

. . . .

«Птеродактили» перваго мига во мнѣ разыгрались отъ дѣйствій бациллы; ее окружилъ фагоцитами я:

— «Ну-ка».

— «Ну-ка».

— «Попробуй!»

КАЗИМІРЪ КУЗМИЧЪ

Казиміръ Кузмичъ Пеппъ — нашъ учитель латыни —

— (я вновь улетучился памятью) выдѣляется: онъ вырѣзаетъ кусочками мозгъ, набиваетъ въ отверстія мозга булыжники и мостовую поверхность трамбуетъ подъ треснувшимъ черепомъ; день гимназиста кончается звучной латынью; и катятся съ трескомъ колеса пролетки по мозговой мостовой; перекрючившись, ѣдетъ учитель латыни по мозгу: пупыренной, точно вареная лапа цыпленка, коричневой кистью руки, —

— застучитъ по холодному, разгромленному лбу: —

— «Да, латынь очень звучный предметъ»...

— «Очень звучный», смѣется учитель латыни, стуча въ мою голову твердой костяшкою пальца: —

— «Предметъ очень звучный».

— «Бревно».

— «Голова».

— «Барабанъ».

Классъ хохочетъ.

И — кажется: здѣсь триллiонами лѣтъ надо мной совершается дѣйствiе мiроморнаго марева; и тяготѣетъ безжалостный приговоръ надо мной «Казимiръ-Кузмича» передъ классомъ, меня покрывающiй злыми позорами:

— «Не голова, — а бревно»...

— «Барабанъ»...

. . . .

Вотъ мой сонъ того времени: —

— Денежный переулокъ кидается снѣжными хлопьями; вечеръ: зажгли фонари; подворотни скрипятъ; впереди — никого; вдругъ — навстрѣчу —

— изъ звонкой пурги выступаютъ фигуры: разъ, два, три —

— и больше —

— четыре

ихъ — пять, шесть,

семь: больше; идетъ вереница фигурокъ навстрѣчу ко мнѣ; всѣ — одѣты въ знакомую шубу; на всѣхъ — та же шапка —

— и я —

знаю: фигурочки все — Казиміръ-Кузмичи: —

— разъ,
— два,
— три,
— пять,
— шесть,
— семь, —

— девять, двадцать —

— о, сколько ихъ, сколько ихъ; въ ночь на меня «Казиміръ-Кузмичи» наступаютъ десятками. —

— «Здравствуйте», я говорю, «Казиміръ-Кузмичи».

И отвѣтили:

— «Здравствуйте!»
— «Здравствуйте!»
— «Здравствуйте!»

— мимо прошли.

Я проснулся.

. . . .

Задумался: сонъ не прошелъ для меня; начиналась работа сознанія: въ снахъ — размножается Казиміръ нашъ Кузмичъ въ Казимиръ Кузмичей; то — позорная тайна, которую прячетъ онъ; нѣтъ у него его — «Я есмь Я»: но у льва нѣтъ «Я» льва; это «Я» есть родъ львовъ; есть какое-то «Я» — льва внѣ тѣла; оно въ родѣ; и львовится въ львахъ; латинистъ «кузмичится»; ихъ — множества; въ понедѣльникъ приходитъ одинъ, а во вторникъ другой: —

— такъ во мнѣ возникало рѣшенье бороться съ обданами «воли», насъ мучащей; я превратилъ эту прущую слѣпо на насъ «казиміръкузмичевскую» волю въ мое представленіе; объективація воли — идея въ Платоновомъ смыслѣ — произведенье искусства (я мыслилъ въ то время эстетикой Шопенгауэра); и рѣшилъ превратить «Кузмича» въ эстетическій морокъ: я сталъ дѣлать опыты надъ сознаніемъ «Я» «Казиміръ Кузмича» —

— на урокахъ латыни глазами вперялся рѣшительно надъ головой Казиміръ-Кузмича; и — представьте: онъ этого не выдерживалъ: принимался помаргивать онъ, какъ животное, на которое пристально смотрятъ, мотать головою и стряхивать взглядъ. Но страннѣе всего, что мучитель латыни съ тѣхъ поръ измѣнился ко мнѣ, прекративши нападки. И нѣтъ — не злословилъ:

— «Бревно».

— «Барабанъ».
— «Голова».

Но я — все-таки: закусивъ удила, устремлялъ наблюдающій взглядъ въ совершенно пустое пространство на три съ половиной вершка отъ затылка его; онъ —

— привскакивалъ съ кресла, перебѣгая отъ парты къ окошку; и отъ окошка къ доскѣ; я же думалъ:

— «Ай, ай!»
— «Я-то нѣтъ».
— «Размножается по ночамъ въ переулкахъ».
— «И — ай — Кузмичится».—

— онъ вскидывалъ на меня изрѣдка перепуганный взглядъ и грозился коричневымъ пальцемъ, повѣсивъ огромный, вороній свой носъ; но схвативши рукою сосѣда, — протягивалъ палецъ — въ пустое пространство: на три съ половиной вершка надъ его головой:

— «Посмотрите».
— «Ай, ай!»

Послѣ этой безсмысленной дерзости, за которую выгоняютъ изъ класса, я взглядъ опускалъ: только тутъ увидавъ, что я скинулъ съ него уличающій взглядъ, какъ тугую узду, принимался онъ мстить: онъ обмакивалъ быстро перо, начиналъ яро шарить по бальнику; на ужимку отвѣтствовалъ я, высоко вздернувъ брови.

— «Что?»
— «Ну-ка!»
— «Попробуй!»

А онъ, продолжая грозиться, перо опускалъ: единицы не ставилъ.

Сраженье выигрывалъ — я.

Повторялись сраженія: и — состояли въ нелѣпѣйшихъ жестахъ и знакахъ, которые были совсѣмъ непонятны: мнѣ, классу, ему. Я въ себѣ открывалъ дарованіе: загонять въ тупики Казиміръ-Кузмича; дарованіе это открылось внезапно, какъ средство защиты себя: —

— отъ чрезмѣрности ерунды латинства, громящей мнѣ мозгъ; отвѣчалъ не попытками я въ ерундѣ разобраться, а — вящею ерундою, забившей во мнѣ, какъ чистѣйшій каскадъ вдохновеннаго творчества; я вливалъ въ вереницу уроковъ латыни (до, ре, ми, фа, соль) пульсы жизни; и нотными знаками строились образы Ut' окъ и Cum' овъ; откидывалъ рой обезсмысленныхъ словъ Казиміръ-Кузмича отъ себя, занимаясь дѣленіемъ: Казиміръ - Кузмича, предо мною стоявшаго въ форменномъ фракѣ, на. . . миѳъ Казиміръ-Кузмича, сотворяемый мной; получалось великое множество единицъ, или — особей, въ ноликахъ: и — непрерывныя дроби: —

ноль - ноль - единица,
ноль - ноль - единица —
— росли: — «кузмичились».

. . . .

Вотъ сонъ того времени: —

— спѣшно бѣгу по Дѣвичьему Полю я — къ дядѣ Ершу, проживавшему тамъ; но читаю я надпись,—не вѣрю глазамъ: «Беллиндриково Поле» — отчетлива надпись; бѣгу я къ зеленому домику; на желѣзной дощечкѣ стоитъ: Казимiръ Кузмичъ Пеппъ; я — звонюсь; «Казимiръ-Кузмичи» принимаютъ меня; они — въ обществѣ странныхъ дѣлъ личностей; представляются личности:

— «Виндалай Левуловичъ Бѣлорогъ»...

— «Родъ занятiй?»

— «Безрогъ»...

— Вотъ подходитъ Огыга Пеллевичъ Акэ въ сопровожденiи Дуды Львовича Уппло; я — думаю:

— «Странныя личности».

Но — доложили:

— «Оккъ Окковичъ Оккъ».

— «Родъ занятiй?»

— «Мiусъ» — и «Казимiръ-Кузмичи» принялись объяснять: — «мiусъ» значитъ «нотарiусъ», или, пожалуй, — «вампирiусъ»; «архиварiусъ» — уже не «мiусъ»...

Ну — а «Акэ»? —

— «Тутъ проснулся, охваченный искреннимъ сожалѣнiемъ, что проснулся, не доразслышавъ, что значитъ — «Акэ», —

— но какую же роль тутъ иг-

ралъ Казиміръ нашъ Кузмичъ, поселившійся въ домикѣ на «Беллиндриковомъ Полѣ»?..

. . . .

Весь классъ, осознавшій мою все растущую власть надъ мучителемъ звучной латыни, избралъ предводителемъ боя меня; Казиміръ Кузмичъ чувствовалъ, что весь классъ, непонятно сплотясь вкругъ меня, на него наступаетъ; устроили разъ мы концертъ на гребенкахъ и перьяхъ; въ другой разъ — мы спрятали головы въ парты при входѣ его; и разъ — на доскѣ написали: «Поля — Белллиндриковы»; и за эту нелѣпую надпись оставили всѣхъ насъ: на часъ; такъ уроки латыни, во время которыхъ недавно еще мы дрожали, подъ партой крестя животы, превратились въ уроки веселья и смѣха; и мастерство странныхъ дѣлъ — процвѣтало.

. . . .

Мы знали: когда - то мучитель латыни былъ выгнанъ изъ класса; распространилась увѣренность въ насъ, что побоится себя онъ подвергнуть вторично скандалу; и отношенія съ нами не станетъ натягивать, какъ тетиву напряженнаго лука; стрѣла полетитъ не на насъ; такъ увѣренность крѣпла; а я, какъ знатокъ странныхъ дѣлъ, за собою повелъ гимназистовъ; и мы — ниспровергли латинское иго: тогда латинистъ заключилъ перемиріе; переговоры велись чрезъ меня; съ непонятною мягкостью обращался ко мнѣ онъ; и часто мнѣ льстилъ, я де — шельма: неглупая шельма; но подкупы эти

меня оставляли холоднымъ; на торги не шелъ, но —
— возстаніе, ниспроверженье латинскаго ига, мнѣ дорого стоило; чувствовалъ я въ положеніи укротителя звѣря себя; я прекрасно тогда понималъ, что спокойствіе наше — лишь поза спокойствія; стоило-бъ мнѣ, напримѣръ, допустить въ себѣ ложно построенный жестъ, — какъ опять попаду къ Казиміръ-Кузмичу я въ желѣзное иго латыни; покроетъ меня онъ позоромъ; коричневый палецъ опять застучитъ по холодному лбу; и — дождями сквернѣйшихъ отмѣтокъ покроетъ мой бальникъ, взведя подозрѣніе: въ невѣроятно-позорномъ поступкѣ —
— въ ту пору я видѣлъ гнуснѣйшіе сны, что ко мнѣ приходили изъ сумрака «Белллиндрикова Поля» какіе-то незнакомцы — знакомые Казиміръ-Кузмича: —
— Желтороги, Двуроги, Безроги, Огыга Пеллевичъ Акэ и Оккъ Окковичъ Оккъ — предлагать недостойныя сдѣлки.

СОНЪ

Сонъ того времени: —
— вижу —
— что я поднимаюсь по лѣстницѣ въ комнату, гдѣ сохранились швейцаромъ гимназіи инструменты, приборы, машина Атвуда, воздушный насосъ; и я знаю, что тамъ пріоткроется мнѣ нако-

нецъ сокровенная тайна Учебнаго Заведенія нашего, или —

— міра явленій; —

— что тайна какая - то есть, это — ясно; давно убѣдился я въ этомъ; давно убѣдился нашъ классъ: «Казиміръ-Кузмичевскія» странности слѣдуютъ строгимъ законамъ невскрывшейся тайны; пробравшися въ комнату, я подсмотрю сокровенную тайну: зачѣмъ «кузмичится» въ великое множество особей онъ по ночамъ; и — почему выявляя свой сущностный ликъ отвратительно гадкой улыбкой, зоветъ на просторъ «Белллиндрикова Поля» смѣшныхъ проходимцевъ; и днемъ: изъ глубинъ на поверхности жизни, разставленной классами, онъ представляется: преподавателемъ П... Заведенія; и — виляетъ хвостами висящаго фрака. —

— Ужъ я поднимаюсь по лѣстницѣ: сердце стучитъ: я — вбѣгаю въ таимую комнату; вижу: сидитъ надзиратель, котораго мы называемъ Лукой Ростиславичемъ; бѣлую бороду клонитъ къ учителю математики; и — гремитъ глухимъ басомъ:

— «Ээ... ээ...»

— «Да, да, да...»

— «Гмъ».

Математикъ же восклицаетъ въ волненіи:

— «Перенесемъ неизвѣстные знаки по лѣвую сторону равенства, а извѣстные, на основаніи тѣхъ же сужденій — по правую, ..»

— «И...»

— «Перемѣнимъ всѣ знаки».

— «Гдѣ минусы — плюсы, гдѣ плюсы — тамъ минусы»; чувствую: перевороты готовятся здѣсь, а какіе — не знаю...

Лука Ростиславичъ, взглянувъ на меня, прогремѣлъ:

— «Это — дни багрецовъ».

— «Стариковство».

— «Пришло стариковство».

Я — чувствую трепетъ отъ словъ надзирателя; смыслъ ихъ невнятенъ. Лука Ростиславичъ же мнѣ начинаетъ подмаргивать:

— «Эге, братъ».

— «Эге. . .»

— «Гмъ: да, да».

Математикъ, склоняясь лицомъ, чертитъ знаки мнѣ въ воздухѣ:

— «Перемѣняются знаки: гдѣ минусъ — тамъ плюсъ. . .»

Понялъ я; уравненіе разрѣшается: «плюсъ» — нашъ Директоръ; но знаки мѣняются: «минусъ — Директора нѣтъ; Попечитель Учебнаго Округа свергнулъ Директора, посадивши на мѣсто его Казиміръ -Кузмича: но ихъ множество; «закузмичится» гимназія; отъ Белллиндрикова Поля повалитъ толпа Казиміръ - Кузмичей; и разсыплются классы; сквозь все, какъ сквозь окна, проступитъ ужасная тайна, укрытая въ плотныхъ тюкахъ подъ подвалами П. . . Заведенія: нѣтъ Заведенія; никогда

не бывало; не будетъ; и стало быть: нѣтъ прежнихъ правилъ; всѣ прежнія правила нами же были отвергнуты — на урокахъ латыни; перемѣнили всѣ плюсы на минусы мы на урокахъ латыни, а эти уроки — уроки внушаемой жизни: внушаемой жизни нѣтъ вовсе; нѣтъ дома; директора нѣтъ; нѣтъ родителей; минусы — плюсы; и странныя игры на странныхъ урокахъ латыни отнынѣ ложатся въ основу строенья Вселенной; мы — боги: все это создали; мы — старики.

— «Стариковство пришло».

Съ этимъ возгласомъ дѣйствіе сна переносится въ классъ...

. . . .

Мы сидимъ въ ожиданьи урока латыни, уроки латыни отнынѣ — сплошной кавардакъ; если будетъ латынь, кавардаки откроются; и міровые устои — растаютъ: въ нестои.

— «Ай, ай!»

— «Что мы сдѣлали?»

Будутъ насильственно насъ убѣждать: все осталось по старому; стараго — нѣтъ: озираюсь — за окнами класса въ туманной промозглости — крутится, вертится.

Нашъ Ростиславичъ, заплакавши въ бороду, насъ покидаетъ —

— ай, ай —

— ай — что надѣлали

мы! —

— мы — теперь «Ростиславичи»; все, что угодно, — «Мстиславичи», если хотите: и классъ, какъ одинъ человѣкъ, дышетъ грудями, осознавая свое положеніе въ мірѣ, какъ высшаго органа: ужъ «д а, б у д е т ъ» звучитъ для творимой вселенной, гдѣ «п л ю с ы» суть «м и н у с ы»; и въ «да, будетъ» —

— какъ въ классѣ мы: классъ — сотворенное нами «да будетъ»; зачѣмъ же сидимъ мы, творцы, — ужасаемся, крестимъ свои животы, повторяя законы спряженья: все это — игра: мы затѣяли эту игру; посвященные въ тайну игры, мы даемъ разыграться свободѣ игры, по ея произвольнымъ законамъ, имѣя возможность въ любую минуту пресѣчь это марево; но всемогущіе, благостно мы даруемъ свободу и мареву; въ маревѣ возникаетъ свободная воля считать насъ, создателей, порабощенными правиломъ П... заведенія; сообразуясь съ тѣмъ правиломъ, марево намъ представляется классомъ, въ который...

Тутъ дверь отворилась, и —

— туловище съ клювовидной главой «казиміръ-кузмичится» увѣсистымъ бальникомъ, сжатымъ цыплячьею лапой съ бугорчатой пузыристой кожею; вспомнили: —

— сами же выбрали мы «игруновъ» среди насъ, заставляя пугать насъ звѣринымъ обличьемъ въ игрѣ, нами созданной. Все-таки — страшно: —

— «А — что?»

— «Какъ - то насъ
«Существо» будетъ
спрашивать?»

Вотъ — пропищало, вскричало: заклекало клекотомъ.

Думалось:

— «Вотъ она, вотъ».

— «Литературная русская рѣчь, на которой намъ велѣно говорить съ Казиміръ - Кузмичемъ».

Но мы сами велѣніе это внушали ему, а теперь вотъ считаемся сами съ велѣніемъ нашимъ: литературная русская рѣчь просто есть: »Кле-кле-кле».

«Существо» же вскричало:

— «Кле!»

— «Кле!»

Не понимаемъ: молчимъ.

— «Что такое?»

Вскричало:

— «Кле-кле!»

Кавардакъ обнаружился: рушится П... заведеніе. Стали б а г р о в ы е у ж а с ы рушиться въ бальники: сами себя обрекли на багровые ужасы.

Голосъ (мой собственный голосъ) мнѣ шепчетъ:

— «Крѣпись».

— «Испытаніе».

Это и есть гибель міра; смотрю: окна класса багровые; и — вбѣгаетъ толпа восьмиклассниковъ, всѣмъ объясняя, что — да: на огнѣ; на Садовой от·

крылись вулканы: пожарныя части Москвы проскакали туда;

— я —

— проснулся...

ВЪ ОБРАТНОМЪ ПОРЯДКѢ

Сонъ — помнился: двойственность моего отношенія къ «Казиміръ-Кузмичу» отразилъ этотъ сонъ; я — грубилъ Кузмичу; это было въ обманахъ дѣйствительности, заклейменной учителемъ математики, какъ дѣйствительность, у которой намъ слѣдуетъ перемѣнить всѣ обычные плюсы; она — отрицательна; —

— въ смутно же чуемомъ мірѣ, который раскрылся въ тюкахъ подъ подвалами П... заведенія, хлынувъ огнемъ, — совершалось обратное: нашими играми «Казиміръ-Кузмичи», размножаясь, заполнили міръ; смутно чуялось мнѣ: Казиміръ Кузмичъ Пеппъ велъ подкопъ подъ меня; понялъ я: будетъ день; и — взлетитъ моя комната; стѣны развалятся; бреши и дыры проступятъ отчетливо; въ дыры войдутъ «Казиміръ-Кузмичи» изъ подземнаго міра: въ естественномъ, въ до-человѣческомъ образѣ — прямо къ намъ въ классы; произойдутъ кавардаки, въ которыхъ ввернется все то, что развернуто мі-

ромъ вокругъ: въ насъ самихъ; и обратно: таимое — вывернется наизнанку; и распрострется, какъ міръ вкругъ меня; оттого-то, —

— чѣмъ болѣе уступалъ мнѣ гонитель латыни, тѣмъ яростнѣй онъ нападалъ на меня въ моихъ снахъ; я боялся того, что глядитъ сквозь него, потому что я зналъ: то — предстанетъ воочію; все опрокинется —

— голова Казиміръ - Кузмича была странною смѣсью: въ ней были черты откровеннаго ящера; было въ ней что - то отъ птицы: не то отъ цыпленка, не то отъ орленка; соединеніе птицы и ящера въ немъ выявляло: дракона; они — «Казиміръ - Кузмичи» — какъ драконы, роились надъ снами моими; сквозь сонъ проступало въ драконьихъ замашкахъ старинная правда: —

— онъ гдѣ-то еще до сихъ поръ жилъ во мнѣ птеродактилемъ; я же все силился вспомнить, гдѣ именно: —

— до рожденія: въ первомъ мгновеньи сознанія, когда я летѣлъ въ пустотѣ: но полету предшествовалъ, —

— актъ рѣшенія: перемѣститься сознаніемъ изъ дорожденнаго міра: — въ міръ марева; и — перейти за черту; черта — чортъ; на порогѣ рожденія въ тѣло чортъ встрѣтилъ; чортъ — образъ перехожденья границы: драконъ; но границею было мнѣ

дѣтское тѣло: я — помню, что «Я» опустилося въ дѣтское тѣло позднѣе, чѣмъ дѣтское тѣло явилось на свѣтъ; опускаяся въ тѣло «Я» явственно ужасалось тѣмъ тѣломъ; и — мучилось въ тѣлѣ, какъ въ пасти Дракона; и стало быть: тѣло — Драконъ; Казиміръ-Кузмичъ Пеппъ есть та клѣточка тѣла, въ которую облекалось сознаніе; а «Казиміръ-Кузмиченье» (дѣленіе Казиміръ-Кузмичей на огромное множество) просто дѣленіе клѣточекъ тканей: мой ростъ (въ р о с т ѣ дѣти кричатъ по ночамъ); вѣроятно, что тайны моихъ отношеній съ м у ч и т е л е м ъ были лишь образами происшествій, отъ встрѣчи двухъ «Я»; одно «Я» было выводомъ атомовъ тѣла; пересѣченіемъ устремленій всѣхъ атомовъ — въ клѣточки, клѣточекъ — въ «Я» коллектива, (гимназіи, гдѣ участники, гимназисты Директоромъ выбрали Казиміръ-Кузмича); а другое «Я» было моимъ «Я» сознаніемъ, опустившимся въ міръ сотворенный мной нѣкогда; стало быть: ужасъ, внушаемый этому «Я» Казиміръ-Кузмичемъ, былъ узнаніемъ несовершенства моихъ помышленій, спрядавшихъ въ разгонѣ временъ образъ міра; и стало быть: врагъ, или чортъ — «п т е р о д а к т и л ь» — былъ собственно и не образъ мучителя, а — рѣшеніе опуститься въ міръ мысли моей; в р а г ъ — рѣшеніе: перемѣститься сознаніемъ въ тѣло, кишащее клѣтками. —

— Въ снѣ все это открылось; но сна я не могъ осознать: не понималъ, что таинственный Казиміръ-Кузмичъ Пеппъ — «Я», искусственно

отдѣленное мною отъ «Я» сознаній духовнаго міра, какъ шлакъ или накипь; та накипь сложилась мнѣ въ классы гимназіи, или въ понятія; подъ классической жизнью шуршали, какъ мыши, мои кавардаки; то — дѣйствія физіологическихъ отправленій моихъ, или — низшія мысли, отпавшія шлаками; въ эти вотъ шлаки спускалось теперь мое «Я»: ихъ исправить, разрушить; не зналъ еще марева органической жизни; не понималъ я, что органы тѣла — врата, чрезъ которыя выгнано «Я» изъ духовнаго Рая; изгнаніе — дѣйствіе «Я», упразднившаго сѣти невѣрныхъ посылокъ свершаемой мысли; теперь я занялся работою; сталъ исправлять происшествія собственныхъ промаховъ мысли; и этой работою мнѣ нарисованъ мой образъ тѣлесный; —

— да, классы — разрушатся (рушатся классы!); изъ-подъ всего обнаружится «Я», принимающее роковое рѣшеніе ввергнуть свою несвершенную часть въ роковую игру; дать почувствовать всю «игривость» скитаній по жизни; и послѣ — вернуться: къ себѣ самому; Казиміръ-Кузмичъ — рокъ; встрѣча съ нимъ — приближеніе издали рока; а сны — предвкушенье страданія; «Казиміръ-Кузмичи» нынѣ вышли изъ сновъ и живутъ вкругъ меня, какъ «шпіоны»; и даже: меня собираются «Казиміръ-Кузмичи» обвинить въ шпіонажѣ; а «сэръ», мною видѣнный, есть единство сознанья шпіоновъ, иль низшее «Я» — стражъ порога, встрѣ-

чающій насъ при попыткѣ вернуться на родину: Рокъ мой нынѣ вплотную приблизился: —

— Да: —

— «Принимаю Его».

. . . .

Все прошло при моемъ возвращеньи на родину; къ Христіаніи мчались вагоны изъ Бергена; мчалось сознаніе мое, нисходящее къ р о к у: три года назадъ я здѣсь мчался: въ обратномъ порядкѣ: отъ Христіаніи къ Бергену (иль — отъ марева жизни до встрѣчи съ собою самимъ); это «Я» посылало теперь свою низшую часть: п о с т р а д а т ь.

. . . .

Да, три года назадъ, здѣсь свершился со мною мигъ, разрывающій все; онъ раздался, какъ солнечный міръ, освѣтляющій все; здѣсь кругомъ раздавались холмы, поднимаясь въ горбы; облетала и вѣялась подъ ноги жизнь сухомыслія; высились смыслы мои въ непомѣрный объемъ раздававшихся истинъ: до — дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; и — возвысились цѣли, подъятыя къ небу — въ столѣтіяхъ времени; Кто-то знакомый —

— «Я» —

— свыше глядѣлъ: въ мое сердце; — стояли сплошные гиганты каменьями времени; дальній зубецъ, какъ сіяющій клыкъ, пробѣлѣлъ надъ отвѣсомъ; и — скрылся; другой; и — повсюду надъ твердыми толщами яснились

снѣжные зубы: въ лазури; и я, припадая къ себѣ самому, припадалъ не къ себѣ самому.

— «Ты — сошелъ ко мнѣ изъ воздуха».
— «Ты — освѣтилъ мнѣ».
— «Ты — шествіе въ горы».
— «Ты — горы»...

Теперь это «Я» посылало меня: пострадать; я — увидѣлъ высокія цѣли; я жилъ въ непомѣрныхъ пространствахъ раздавшихся истинъ; стоялъ надъ отвѣсными, непреклонными склонами; «Я» — говорило мнѣ:

— »Низойди въ эти пропасти».
— «Освѣти себѣ мракъ».
— «Ты — паденіе въ пропасти».
— «Ты — сама пропасть».

. . . .

Я несся въ обратномъ порядкѣ; стучали вагоны; на остановкахъ плаксивились просвистни вѣтра въ горахъ: не шершавились красными мхами преклоны нагорій, едва зеленясь лазурѣющимъ пролежнемъ; все занавѣсилось свыше клочкастыми тучами, черезъ которыя красное око желѣзнаго поѣзда мчалось въ сѣрѣвшія сѣрости рваныхъ тумановъ холоднаго утра; валилъ сплошной дымъ; проступали въ туманѣ неясныя пасти ущелій; и — пропасти: волокли мое «Я» въ глубину прирожденныхъ темнотъ; упадали узоры на жизнь, разрушая рельефы: морщились суши сознанія: —

— передо мной на диванѣ покорно храпѣло болѣзненно тѣло одесскаго доктора, точно сухая драконья и мертвая кожа; и я узнавалъ — «Казимiръ-Кузмича»!

— «О, мой братъ».

— «Я тебя узнаю».

— «О, мой звѣрь».

— «Я тебя принимаю: терзай мою душу».

— «Ты — я»...

. . . .

Христiанiя!

ЛЬЯНЪ

И вотъ — Христiанiя: вотъ многоверстные фiорды...

Опять — среди нихъ затерялся я, канулъ; окрестности стлались: вбѣгая отъ ногъ прямо въ небо смолистыми соснами; и — зеленой растрепою елокъ; окрестности стлались, сбѣгая отъ ногъ лоболобыми толщами къ живчикамъ струечекъ, лижущимъ каменистые лбы и бросающимъ пятна мути — медузъ! — на приподнятый берегъ.

Шатаясь глазами по далямъ, я сѣлъ въ поѣздокъ; поѣздокъ меня выбросилъ — Льянъ [1]).

---

[1]) Окрестность Христiанiи.

Онъ сидѣлъ средь камней, протянувъ въ бирюзовое все свои красныя кровли изъ моховыхъ обвалинъ и каменныхъ оползней; я подъ разлапыми соснами вновь собиралъ заалѣвшую ягоду; шишки сухія хрустѣли; громадный норвежецъ изъ мызы напротивъ переволакивалъ хворостъ, сося свою трубочку — въ мызу напротивъ: мычалъ свою пѣсню безъ словъ, пронося ее: въ мызу напротивъ!

Здѣсь съ Нелли когда-то схватившися весело за руки, прыгали мы чрезъ продолблины, трещины, ямы — съ лобастаго камня на лобъ головастаго камня — къ живѣйшимъ струямъ, ласкающимъ глазъ вензелями своихъ переблесковъ; подъ нами, кивая беззвучно, смѣялись надъ нами же: наши же лики. Намъ звукъ разговорчивыхъ водъ полюбился; и намъ полюбилися свисты синицъ; и — далекія прокрасни осени (мховъ и осинъ), и — далекія прожелтни травъ, и — сырѣйшія прѣлости солнечныхъ запаховъ отлагались въ душѣ намъ здоровьемъ и стойкостью; жмурилась Нэлли, слѣдя за медузами и закрывая лицо такой маленькой ручкой, напоминающей стебелекъ отъ цвѣтка о пяти лепесткахъ; эти пальчики зацвѣтали на солнцѣ;на маленькомъ личикѣ Нэлли играли лукавости, будто она, позабывши глубокія думы свои, здѣсь, подъ солнышкомъ, переживала живѣйшую радость — о чемъ? ни о чемъ, можетъ быть; моя Нэлли — мудреная, сложная, строгая — начинала казаться мнѣ фейкой надъ водами; проходили вверху облака — бѣлотаи.

И ничего, кромѣ — паруса, воздуховъ, овоздушенныхъ береговыхъ очертаній и водъ не вставало предъ взорами: тамъ уже норвежецъ рыбакъ отправлялся на рыбную ловлю на лодочкѣ мѣсячной по небу; тучи, и камни, и оползни обливались багрянцами: возводились окрестности въ негасимые просвѣтни; въ воздухѣ сѣялись свѣтени: чѣмъ златимѣй казались они, тѣмъ сладимѣе были въ насъ души:

— «Голубка моя, — отчего ты — вчера? . .»

Вспоминался припадокъ ея безпричиннаго плача, когда, оторвавшись отъ роя бумагъ, на которыхъ начертаны были сложнѣйшія схемы, переплетенныя въ образы, Нэлли, ломая хрустѣвшіе пальчики ручекъ, забилась головкой о спинку огромнаго кресла; и — плакала: отъ неумѣнія разрѣшить контрапунктъ быстрыхъ схемъ въ крестъ, увѣнчанный четырьмя головами животныхъ (рѣшалась для Нэлли проблема всей жизни ея — зналъ я это навѣрное).

— «Отчего эти слезы?»

Шутливо, напавъ на меня десятью лепестками двухъ ручекъ, зацвѣтшихъ багрянцами, переживая живѣйшую радость (о чемъ?) — закрывала мнѣ ротъ моя Нэлли:

— «Смотри у меня ты — молчи; о вчерашнемъ не смѣй говорить. . .»

— «Ну, не буду, не буду: но Бога ради, не мучай себя: двѣ недѣли сидишь ты безвыходно, не отрываясь отъ думъ. . . Такъ нельзя же. . .»

— «Оставь».

Наши души суть просвѣтни: лучезарились просвѣтни оползней, тучъ, парусовъ, ясныхъ воздуховъ, водъ...

Это было когда-то...

. . . .

И то же все было теперь: подъ ногами хрустѣли еловыя шишки; и просвѣтни проговорили — о томъ, чего нѣтъ, но что было когда-то; они говорили о Нэлли; и обливали багрянцами стекла приподнятой виллочки, гдѣ проживали мы, гдѣ и теперь проживаетъ фру Нильсенъ.

Товарищъ, котораго я здѣсь водилъ, улыбаясь широкой улыбкой, оттого что мы снова на сушѣ, и что за нами не бродитъ шпіонъ, непонимающимъ взглядомъ вбиралъ въ себя все: мызы, сосны, норвежцевъ, зеленую кофту работницы, ракушки; и — виллу «Нильсенъ».

— «Смотри: вотъ мы тутъ поспорили съ Нэлли. Она, накричавъ на меня, повернула мнѣ спину...»

— «Ахъ, ахъ, какъ чудесно: какіе кусточки».

— «Да не чудесно, а очень здѣсь грустно мнѣ было...»

— «А воздухъ-то, воздухъ».

— «Здѣсь мы прочитали впервые о томъ, что человѣчество нѣкогда образуетъ десятую іерархію: любви и свободы».

— «Вотъ какъ».

— «Тутъ же, въ этой виллѣ, мы жили».

— «Прекрасная вилла».

— «Смотри: высоко, высоко, надъ верхушкой сосны нависаетъ балконъ; то — балконъ нашей комнаты; я по утрамъ на немъ сиживалъ».

(Припоминались часы размышленія: ясномысліе посѣтило меня; посѣтило и Нэлли: отсюда — писали мы доктору Штейнеру...)

. . . .

Тамъ за окошкомъ, обнявшись, стояли; и приникали къ стеклу многоверстные фіорды; вперялася въ насъ многолѣтіемъ жизнь (какъ намъ жить).

Уже три съ лишнимъ года прошло съ той поры...

И я думалъ: да, вотъ — я блуждаю, хрустя пересохшими прѣлыми прутьями; и со мной, бредя рядомъ, хруститъ пересохшими прѣлыми прутьями братъ по пути. Между этимъ теперешнимъ мигомъ и тѣмъ, — (когда Нэлли, ступая легчайшими ножками перепрыгивала черезъ трещины камней и зацѣплялась за сучья атласнымъ своимъ капюшономъ) — легли: дважды Бергенъ (тотъ Бергенъ и Бергенъ вчерашній), Ставангенъ, Ньюкестль, Лондонъ, Бернъ, безумѣвшій Парижъ, Базель, Цюрихъ, Лугано, Монтре, Сенъ-Морисъ, непонятная встрѣча въ Лозаннѣ, Лозанна, Лугано; и далѣе: Брунненъ, Флюэлленъ, Герзау, Амстэгъ, Гешененъ, Андерматтъ, Тунъ; и — далѣе, далѣе: Штуттгартъ, Пфорцгеймъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ, Прага, веселая Вѣна, Берлинъ, Лейпцигъ, Зассницъ, Аркона, Нордъ-Чеппингъ; и — далѣе, далѣе, далѣе: Дорнахъ.

То — было-ли. Или т о — только сонъ: лишь мгновеніе мысли, мелькнувщее въ Льянѣ (на этой прогулкѣ): вернуться къ фру Нильсенъ — вернуться бы мнѣ; можетъ быть поджидаетъ меня моя Нэлли, фру Нильсенъ и прочіе: старый учитель и Андерсенъ (копенгагенецъ) — ужинать.

Не измѣнилось — ничто.

. . . .

Здѣсь — жили; подъ окнами, за столомъ, сплошь заваленнымъ роемъ бумагъ мы сидѣли часами, а воздухи вѣяли; гонгъ ударялъ, призывая насъ внизъ; оторвавшись отъ думъ и отъ книгъ, чтобъ размяться, я схватилъ Нэлли въ охапку, приподымалъ ее съ кресла и — влекъ, предвкушая различныя вкусности: коричневатые ломти норвежскаго сыру и бѣлые ломти пахучаго тминнаго сыру; вотъ мы — за столомъ; сѣдинистый учитель, мотающій прожелтнемъ уса, съ непозволитльно синими, какъ у младенца, глазами, живущій года у фру Нильсенъ, привѣтствуетъ насъ; церемонный поклонъ музыкантшѣ направо, сердечный кивокъ адвокату (массону) налѣво; и вотъ — мы за сыромъ; учитель, мотающій прожелтнемъ уса и съ индиго-синими, какъ у младенца глазами, любитель лингвистики, показавши трясущимся, трэтьимъ (не указательнымъ) пальцемъ на красные корни редиски, бывало начнетъ:

— «Какъ по русски?»
— «Редиска. . .»
— «Не слышу: отчетливѣй. . »

Я прокричу ему въ ухо:

— «Редиска».

— «Рэдис-ка. Рэдисъ?»

— «Да, да».

(Тоже было — вчера).

— «А по норвежски то — Rädiker...»

— «Вотъ какъ!»

Мы съ Нэлли дѣлаемъ видъ, что — въ глубокомъ волненіи мы: всюду сходственности словесныхъ значеній!

Старичекъ продолжаетъ:

— «Racine», по нѣмецки же «Rätzel»!

— «Но то не «редиска» уже: а «смыслъ».

— «Но «корень» есть «смыслъ».

Уже я продолжаю:

— «Редисъ, радикалъ, руда, рдяный, rot, rouge, roda, роза, рожай, урожай, ржа, рожь, рожа...»

Перечисленье корней продолжается вплоть до кофе; уже музыкантша — за Григомъ: учитель отрѣзываетъ — все еще! — ломти сыру; закутавшись плотно въ плащи — мы забродимъ у струеечекъ (непрерывно бѣсилися блески межъ всплесками влаги).

— «Смотри», останавливаю мою Нэлли, — въ который я разъ.

— «Что такое?»

— «Вода, воздухъ, парусъ».

И — дразнится Нэлли:

— «Вода, воздухъ, парусъ; еще вотъ — медуза; вчера, какъ сегодня; сегодня, какъ завтра:

— «Нэлли».

— «Устала отъ этого я...»

— «Красота-то какая!..»

— «Какая-то злая она, — красота... Красота, красотой, но не эта: она — стародавняя; про себя самое — не про насъ... Что въ ней проку-то. Воздухи, воды, фіорды, лѣса, Хольменъ-Коленъ [1]); — какое-то древнее все это; ясности, будто ласкаютъ, но если вглядѣться, прислушаться къ ласкѣ — обманъ эта ласка: подъ нею скрываются: холодъ и злость; помнишь «Грушеньку» Достоевскаго: такъ вотъ и эта природа; и эти воздушныя ясности — «Грушенька»... Только отдайся имъ».

Тутъ, повернувшися спинами къ озлащеніямъ облаковой каймы, возводившимъ окрестности въ негасимые просвѣтни, — повернувшись спиной къ живопляскѣ и къ прокраснямъ мховъ и осинъ, начинали скорѣй перепрыгивать черезъ трещины, ямы, обмоины гололобаго камня, черезъ изрѣзины круглыхъ обвалинъ, вступая въ міръ сосенъ, елей, треска шишекъ и шороховъ, въ сумерки грустныхъ дремотъ; намъ казалося, что убѣгала подъ нами вода; и казалось, соскакивали, насъ обскакивая, тѣ вонъ домики красными кровлями; грузный норвежецъ изъ мызы напро-

[1]) Окрестности Христіаніи.

тивъ опять перетаскивалъ хворостъ, сося свою трубочку — въ мызу напротивъ: мычалъ свою пѣсню безъ словъ пронося ее — въ мызу напротивъ; красноволосая дочка, слѣпя раззеленою кофтою, вѣшала на веревкѣ бѣлье.

Да вотъ — думалось; что-то древнее повисало надъ прѣлою желтизною сырыхъ плоскогорій; и — надъ дымочками; это Норвегія прибѣгала оттуда вотъ, припадая къ фіордамъ, какъ звѣрь къ водопою, поднявши на сѣверъ хребты; если стать на хребты, они окажутся низомъ: на сѣверѣ обнаружится новый хребетъ; дальше, дальше — сверкнутъ позвонки звонкозубыми льдами; міры мерзлыхъ глетчеровъ чуялись Нэлли изъ сѣверныхъ дымокъ зеленаго Льяна; ихъ близость намъ чуялась злостью, —

— свергающейся безконечности лѣтъ громопѣннымъ «Скьогельтгасфоссеномъ [1]): тутъ начинались подъемы къ Тронтгейму и къ Бергену, а если идти въ глубь страны, то увидишь, какъ тамъ — надъ страной — продичалъ Ромсдальсгорнъ [2]); Юстедальское ледяное поле, вися цѣпенѣлыми массами льда, угрожало: прирушиться — къ Льяну. Тамъ толпы гигантовъ, воздѣвъ бремена на граненыя головы, приподымали на головахъ: міры льда: Свартизена! Все то возникало во мнѣ: не перечилъ я Нэлли; и повернувшись назадъ — въ воду, въ воздухѣ — чувствовалъ: ужасъ; казалось: вотъ, вотъ,

---

[1]) Огромный водопадъ.
[2]) Гора.

не успѣвши вскричать — опрокинемся внизъ, въ бирюзовыя воды; прочертятся образы насъ же самихъ къ намъ оттуда; и — скажутъ:

— «А!»
— «Здравствуйте!»
— «Милости просимъ!»
— «На дно!»
— «Въ вѣчный сонъ...»

. . . .

Воспоминанія охватили меня: Нэлли — не было; я смотрѣлъ, какъ вокругъ припадала Норвегія къ фіордамъ, отрясывая изъ-за сѣверныхъ дымокъ дичайшими гребнями: міры мерзловатыхъ камней, Скьогельтгасфоссенъ, потопной пучиной спадая оттуда, топилъ мою душу:

— «А!»
— «Милости просимъ!»
— «Ко мнѣ!»

Безпріютности міра меня охватили; и — Нэлли растаяла; и — до-нэллина жизнь протекла мнѣ въ обратномъ порядкѣ: Скьогельтгасфоссеномъ.

. . . .

Здѣсь прожили мы пять недѣль: я и Нэлли; невѣроятная совершилась работа; взорвался покровъ «біографіи», нѣкогда — здѣсь; послѣ высѣкая «мигъ» Христіанійскаго курса; и прогремѣлъ освѣтленный безуміемъ: Бергенъ.

Такъ думалось мнѣ вблизи виллы фру Нильсенъ; не пойти ли къ ней ужинать? .. нѣтъ: не раздается

привѣтливый гонгъ для меня; я — одинъ; Нэлли — въ Дорнахѣ; и, какъ бездомный скиталецъ, сижу подъ былымъ нашимъ кровомъ; пора — въ Христіанію; завтра съ утра ожидаютъ насъ хлопоты: консульство, виза, билетъ въ Хапаранду.

Вскочилъ и пошелъ къ поѣзду, чтобъ до ночи вернуться; представьте-же встрѣтилъ учителя, проживавшаго съ нами; узналъ старика я по прожелтню уса, по индиго-синимъ глазамъ, на меня устремленнымъ (хотя онъ былъ въ шляпѣ, а шляпа мѣняла его).

— «Вы?»

— «Какъ видите».

— «Что же вы — къ намъ? поселитесь у насъ?»

— «Я призванъ».

— «Въ Россію?»

— «Я призванъ».

— «Фру Нэлли?»

— «Оставилъ ее...»

— «Ай-ай-ай: какъ же такъ?»

— «Да вотъ — такъ».

Мы сердечно еще поболтали; и — послѣ сердечно простились.

НА СѢВЕРЪ

Уже догоралъ многоглазый, глазами вѣщающій, вечеръ; гласили роскошные просвѣтни воздуха мимо

летающихъ тучъ, полосатящихъ небо; стволы необлетнаго христіанійскаго парка горѣли; и свѣтозарили взглядъ.

Мы сидѣли съ товарищемъ: палъ я спиною на спинку раскидистой лавки; мой другъ А. М. П. съ упоеніемъ пилъ пролетающій вѣтеръ; уставились — въ вечеровыя фантазіи; были одни — въ первый разъ послѣ Дорнаха; отдыхъ сошелъ: слово легкое вновь высѣкалось, какъ искра; костеръ легкихъ словъ запылалъ, согрѣвая намъ грудь; возставало прошедшее только что: Дорнахъ —

— который покинули мы,
но къ которому мы возвращались — черезъ Россію,
обратно: стоялъ передъ
нами, какъ...

— да, Христіанія въ Дорнахъ меня привела; Христіанія, вотъ, возвращала обратно; —

— и нѣтъ —

— не въ

Россію; мы ѣхали черезъ Россію обратно; мы ѣхали въ Дорнахъ; мы ѣхали; мы улыбались глазами другъ другу: мы ѣхали; и — догоралъ многоглазый, глазами вѣщающій вечеръ:

— «Что тамъ?»

— «Нэлли съ Китти».

— «И эвритмія».
— «И докторъ!..»
— «Туда тебѣ хочется?»
— «Хочется...»
(Китти сестра моей Нэлли).
— «Скорѣе: послать телеграмму туда».
— «Безпокоются тамъ: все то думаютъ мины...»
— «А мины остались за нами...»
— «Остались ли мины за нами?»
— «Что?»
— «Въ душу нацѣлилась мина...»

. . . .

— «То было тамъ въ Лондонѣ?»
— «Въ Лондонѣ я и не думалъ».
— «Я — тоже...»
— «Нельзя было думать...»
— «Тамъ мысли о Дорнахѣ очень опасныя дѣйствія: думать о Дорнахѣ въ Лондонѣ, — значитъ ходить по проспектамъ безъ «платья».
— «За это — въ участокъ...»

. . . .

— «А здѣсь можно думать?»
— «Здѣсь можно».

Молчали: уже слѣпоглазый, глазами давно не вѣщающій вечеръ, вздохнувъ, объявилъ себя ночью; коснѣли тяжелыя протемни; перешуршали листы необлетнаго парка у насъ подъ ногами.

Пора уже спать: вѣдь отъ утра протянется путь нашъ впередъ: мы поднимаемся завтра на сѣверъ, къ

полярному кругу, къ Торнео, къ Финляндіи: тамъ, поглядѣвши лопаркѣ въ глаза, тихо ахнувъ отъ холода, спустимся мы къ Петербургу, обратно: да, да, Петербургъ — ближе къ Дорнаху; и возвращеніе въ Дорнахъ, — уже приближалося.

. . . .

Снова я въ поѣздѣ.

Сѣверъ.

Все сосны, да сосны: зеленой, суровой, сурово-нахмуренной Швеціи; ерзаютъ мысли, какъ сыски; и ерзаютъ — сыски:мышиные писки кусающихъ глазъ — изъ угловъ, изъ тѣней; изъ туманистыхъ дней, странно очень; всѣ сыщики потеряли таинственность; нѣтъ вѣщающихъ смысловъ; упрощено все — безнадежной тоскою зеленой, суровой, туманящей Швеціи; вѣющей сѣверомъ; будетъ ужо холодище; мы, ахнувъ отъ холода, мы, прикоснувшись къ полярному кругу, поѣдемъ — на Петербургъ.

«Я» мое, нѣтъ не сошло: не сошло; я остался безъ «Я»; распростился съ нимъ въ Бергенѣ; этому рѣдкому гостю не дали «о н и» опуститься въ меня; и для «н и х ъ» потерялъ интересъ я; осталися интересы одной контръ-развѣдки, которую на меня напустили «о н и»; за пустой оболочкой слѣдили: такія же оболочки; «п и к а н т н о с т ь» — пропала; и «имъ» было скучно, и мнѣ было скучно безъ «Я» — въ этой сѣверной, въ этой нахмуренной Швеціи.

Точно такъ же вотъ, въ Бергенѣ, разорвалась моя личность; одна половина упала съ отчетливой быстро-

тою э к с п р е с с а въ зеленую комнату прежней арбатской квартиры, откуда когда-то меня взяла Нэлли; другая же канула: за глубину поднебеснаго купола: —

— за Юпитеръ, Сатурнъ,

— за Вулканъ,

— за созвѣздіе Скорпіона —

— Куда?

. . . .

Воспріятія всѣ измѣнились во мнѣ; закрывалося: ш и ф р ъ не читался; я видѣлъ пустыя фантазіи чьей-то судьбы, отрѣзавшей отъ Нэлли —

— не зналъ, что —

— навѣки!

Когда бы я зналъ, то вскричалъ бы, то выпрыгнулъ бы изъ окошка вагона: разбиться о шведскіе камни; а если и не разбиться, то броситься въ Бергенъ, обратно; засѣсть въ темномъ трюмѣ какого-нибудь неизвѣстнаго «у г о л ь щ и к а»; оказаться вновь въ Лондонѣ; и пробираться — не знаю какими путями — въ Швейцарію: къ Нэлли; и не отдать моей Нэлли — нѣтъ, нѣтъ: никому, ни за что.

А теперь вотъ — безъ Нэлли! А Нэлли — безъ родины.

. . . .

Но я сидѣлъ совершенно спокойно въ зеленой, суровой, въ сурово вѣщающей Швеціи, думая:

— «Нэлли! . .»

— «Она ужъ проснулась. . .»

— «Идетъ къ Іоаннову Зданію».
— «Въ мысляхъ же — я. . .»
— «Она — любитъ меня!»
— «Не — забудетъ меня. . .»
— «Развѣ то, что прошло между нами, — возможно забыть?»
— «Монреаль. . .»
— «Міръ Сициліи. . .»
— «Пирамиды. . .»
— «Міръ Духа?»

. . . .

О, зналъ ли я! . .

СЫЩИКИ

Я наблюдалъ за суетней вокругъ насъ: подорожныхъ шпіоновъ и сыщиковъ; и — развлекало: по жестамъ, по взглядамъ воображать отношенія ихъ: другъ ко другу и къ намъ; видѣть: сложную сѣть ихъ игры вокругъ насъ, ихъ заботы, вопросы, слетавшіе: —

— Кто мы? Вѣрно ли, что шпіоны, иль мы чудаки; иль «нѣчто», не поддающееся ихъ воззрѣнію. —

— И — забавляло прослѣживать: тяжкій трудъ сыщиковъ; какъ одни, потрудившися, — разрѣшали загадку:

шпіоны! другіе же мыслили: нѣтъ, чудаки! начиналися споры; двѣ версіи переплетались; и появлялися вдругъ адвокаты — отъ контръ-развѣдки; росли прокуроры: росли, какъ грибы.

Поѣздъ несся на сѣверъ.

. . . .

— И — да —

вотъ этотъ — вотъ —

— въ шляпѣ, естественно напоминающей кэпи; и — мягкій картузъ: невысокій, сжимавшійся, втянутый пристально въ собственный свой воротникъ, съ блѣдно-бѣлымъ, морщавымъ, брезгливымъ до тика лицомъ, бритый, съ черною сѣдоусостью, вотъ онъ зажавъ сакъ-вояжъ, перетянутой сѣрой перчаткой рукою, такой до нервозности щепетильный, брюзгливый — не удостаивалъ никакого вниманія насъ; онъ бродилъ вокругъ насъ тамъ, на палубѣ парохода Гакона VII-го; насъ такъ презиралъ, какъ навѣрное не презиралъ свой плевокъ; не собиралъ о насъ фактовъ (они были собраны); онъ нами брезгалъ, глазами не встрѣтился съ нами; глаза выражали его: нѣтъ на свѣтѣ насъ! съ Бергена до Хапаранды ни разу не выразилъ взглядомъ, что передъ носомъ его я прогуливаюсь — съ отчетливымъ нетерпѣніемъ, чтобы онъ разъ хоть замѣтилъ меня; я — за нимъ наблюдалъ; было ясно: —

— онъ, — сыщикъ французскаго Генеральнаго Штаба; въ Россію секретныя кипы провозитъ; и, между прочимъ, ему по-

ручили меня; онъ сидитъ въ ресторанѣ-вагонѣ съ сѣдѣйшими сэрами — злой и нахмуренный, знающій лучше, въ чемъ сила вещей; неохотно цѣдилъ очень коротко, очень брезгливо; потомъ —

— прикоснувшись перчаткою къ шляпѣ, часами онъ длилъ свою думу; —

— его я видалъ: на безчисленныхъ пересадкахъ и станціяхъ, гдѣ онъ не видѣлъ меня, и гдѣ все я старался себя передъ нимъ обнаружить; не выходило; всѣ, бывшіе въ поѣздѣ, знали мня, онъ — не зналъ; узнавать не хотѣлъ; неузнаніе происходило отъ знанія: слишкомъ много онъ зналъ, чего я не узналъ о себѣ; да, ему собирали годами доссье обо мнѣ: возмутительныхъ, мною неузнанныхъ фактовъ: онъ въ нихъ погружался, проникшись ко мнѣ отвращеніемъ: тронулся въ путь онъ — за мной изъ Парижа (съ доссье); и — мы встрѣтились на пароходѣ; мы ѣхали вмѣстѣ; ему было ясно — я гадина; онъ передастъ свои факты полиціи: русской полиціи, а прикасаться (глазами) ко мнѣ не годится: вѣдь онъ уже приготовилъ свои матеріалы къ Торнео: —

— съ Торнео до Бѣлоострова производились послѣдніе розыски русскою контръ-развѣдкой; въ Торнео впускали, чтобы накрыть въ Бѣлоостровѣ: —

— знали всѣ мы: путешествіе къ Бѣлоострову отъ Торнео — ловушка.

Стиль англо-саксонской развѣдки другой: стиль игры; во главѣ — очень тонкіе сэры, которымъ извѣстно, что я неповиненъ; мое прегрѣшеніе — въ мысли о братствѣ народовъ (а сэры мечтали въ то время о войнахъ народовъ); мнѣ кажется: тонкіе сэры англійской развѣдки питаютъ ко мнѣ что-то въ родѣ симпатіи — да, но считаютъ, что боленъ утопіей я, поручаютъ меня попугать ради шутки; для этого сэры снабжаютъ мосье изъ французской развѣдки доссье обо мнѣ, сочиняемое въ офисахъ; и пышущій злобой мосье съ сакъ-вояжемъ, какъ песъ, начинаетъ сердито бросаться за мною въ Россію, чтобы увѣдомить русскія власти о томъ, что я... Стоитъ послушаться сэровъ мнѣ, — русскія власти и этотъ мосье будутъ въ нужный моментъ остановлены.

Думалъ я: —

— въ Лондонѣ я вѣдь поладилъ съ достойными сэрами, такъ остроумно шутившими съ нами; и стало быть: —

— этотъ мосье съ сакъ-вояжемъ, которому неизвѣстенъ союзъ мой съ англійскими сэрами, дѣйствуетъ глупо; не знаетъ по-

слѣдняго ихъ извѣстія: —

— я далъ обѣщаніе сэрамъ: въ Россіи молчать; мнѣ не страшны угрозы французской развѣдки.

Не знаютъ французы высокаго стиля; мое впечатлѣніе отъ француза съ усами: ахъ, бѣдный, — какъ онъ ненавидитъ меня; проиграется онъ; и — останется въ дуракахъ; это бѣлое злое лицо станетъ сизо-багровымъ, когда въ Хапарандѣ-Торнео онъ выкрикнетъ:

— «А!»

— «Cochon!»

— «A, sale boche!»

А его остановитъ жандармъ:

— «Ошибаетесь: нашъ Леонидъ Ледяной, нашъ писатель, — вернувшійся отбывать. . .»

И, щелкнувъ шпорами, сдѣлаетъ — подъ козырекъ; воображаю я бѣшенство этой французской кикиморы.

Э! Сорвалось!

. . . .

Наблюдаю мосье, — подставляю ему то свой профиль, то спину; онъ — морщится: носъ, какъ сморчекъ; отвернется, а руки дрожатъ; а усатыя губы сжимаются въ сжатое бѣшенство:

— «Господа!»

— «Среди насъ пробирается вмѣстѣ съ другими — шпіонъ, грязный бошъ. . .»

— «Погодите: пріѣдемъ въ Россію; и онъ обнаружится».

— «Приняты мѣры. . .»

— «До Бѣлоострова потерпите».

— «Пусть ѣдетъ. . .»

— «Тамъ сцапаютъ!»

Но я улыбаюсь: послѣднихъ извѣстій у этого нѣтъ: заключилъ я союзъ съ тѣми сэрами; и — перемигиваюся съ представителемъ другой контръ-развѣдки, являющей связь между Россіей и Англіей.

Онъ, представитель послѣдней развѣдки, есть грекъ Дедадопуло; рослый красавецъ, съ огромнымъ, изогнутымъ носомъ, изогнутымъ книзу; съ изогнутыми усищами; —

— все Дедадопуло хитро смѣется; и поднимаетъ усы выше глазъ; и опускаетъ свой носъ ниже рта. —

— Дедадопуло знаетъ по русски, а — говоритъ по французски (съ уверткой); онъ знаетъ, что я тоже знаю, что онъ уже знаетъ, что я. . . и — такъ далѣе: что, что, что, что, что, что, что; нагроможденіе придаточныхъ предложеній и контрапунктъ контръминъ имъ изученъ; пускай указали ему на меня; онъ не кинулся сдуру: везетъ документы; да, да; Дедадопуло, онъ — разобрался: везомые документы француза есть шутка упитанныхъ сэровъ;

французъ же дуракъ; знаю я, знаетъ онъ; и — стало быть: фактъ его, Дедадопуло, слѣжки за мной — только фарсъ; онъ подмигиваетъ лукаво:

— «Комедія!»

— «Заставляютъ меня тутъ слѣдить за писателемъ».

— «Глупое положеніе...»

— «Въ Бѣлоостровѣ вскроется: нѣтъ шпіона...»

— «Есть русскій писатель...»

— «Жандармскій ротмистръ звякнетъ шпорами...»

— «Мы же разсыплемся прахомъ...»

— «И — стало быть: дурака не хочу я валять; и — заранѣе представлюсь я: грекъ Дедадопуло!»

Такъ дружелюбными взорами мы обмѣнивались; и мы начали со скуки разыгрывать игры; и Дедадопуло ставилъ вопросъ (не словами, а взглядомъ), и приходилось его разрѣшать: —

— Какъ себя поведетъ нѣкій «X», совершенно невинный, но явно замѣтившій, что за нимъ наблюдаютъ; и далѣе: явно замѣтившій, что замѣтили тоже, что онъ все замѣтилъ, что и т. д.; и — «что-что-что» — (подъ-подъ намеки намековъ и подъ-подъ-подъ намеки подъ-подъ намековъ) — какъ мячики тэнниса, начинали летать: въ неуловимѣйшихъ жестахъ, гдѣ, разумѣется, роль шла не о шпіонствѣ уже, а о выдержкѣ роли, и степени усвоенія нами практической психологіи: въ воздухѣ; такъ Дедадопуло производитъ мнѣ экзамены; а я — Де-

дадопуло; мы не скрывали, что мы наблюдаемъ другъ друга: не какъ шпіоны, а какъ... участники представленья, не нами затѣяннаго, гдѣ-то, зачѣмъ-то; намъ дали по роли.

Такъ стиль контръ-развѣдки англійской (здѣсь въ Швеціи) явственно разнился: отъ поведенія контръ-развѣдки французской.

А въ Хапарандѣ дуэтъ двухъ развѣдокъ обогатился: сталъ т р і о...

ОТЪ ХАПАРАНДЫ ДО БѢЛООСТРОВА

Поѣздка отъ Хапаранды-Торнео до Бѣлоострова утомила особенно: обиліемъ инсценировокъ — всѣхъ трехъ развѣдокъ: англійской, французской и русской.

Мнѣ помнится: раннее утро; разсвѣтъ; переходимъ границу Норвегіи-Швеціи — по дощечкѣ съ перилами, перекинутой черезъ ручей; тамъ — Финляндія; у дощечки — стоятъ два жандарма: двѣ бестіи, посвященные въ «игры».

Въ тотъ моментъ, когда я стою рядомъ, ступая ногою на русскую почву, между жандармами поднимается словесная переброска.

— «Пріѣхали...»

— «Двое тѣ?»

— «Здѣсь все, какъ надо...»
— «Пріѣхали!..»
— «Въ гости?»
— «Ужъ подлинно, что нежданные!..»
— «Ждемъ не дождемся...»
— «Пріѣхали...»

Мнѣ представлялося: право подумать о томъ, кто такіе, которые — «двое»...

Не «двое» ли насъ?

Мы — въ Россіи: жандармы, отсталые, — сзади.

Да, позабылъ я сказать: на послѣдней, уже покидаемой станціи въ Швеціи, я обнаружилъ: багажъ мой потерянъ; мнѣ дорогъ онъ былъ, лишь кускомъ черепицы, норвежскаго камня, который изъ Дорнаха: — отъ вершины Іоаннаго Зданія; да, я не могъ передать моей родинѣ этотъ кусокъ.

О пропажѣ бесѣдовалъ съ консуломъ; онъ ничего не могъ сдѣлать; но — неожиданно онъ мнѣ сказалъ:

— «Присмотритесь къ Россіи: да, знаете, любопытно, вы скоро увидите сами; да, да — любопытно».

— «А что любопытно?»

Вокзалъ: мы проходимъ къ осмотру. Жандармскій ротмистръ, очень жгучій красавецъ съ канальскими глазками и черезчуръ перекрученными усами — распоряжается: намъ, пассажирамъ, даютъ отпечатанные листки, на которыхъ отмѣчены — трафареты вопросовъ.

Кто мы? И зачѣмъ возвращаемся.

Я замѣчаю: листокъ, прелюбезно мнѣ поданный, — краснаго цвѣта; листки для другихъ — цвѣта желтаго; думаю я: «А з а ч ѣ м ъ м н ѣ д а ю т ъ э т о т ъ и м е н н о к р а с н ы й л и с т о к ъ? ..» Но на красномъ билетѣ то самое, что и на желтыхъ билетахъ; пишу я отвѣты; жандармскій ротмистръ отбираетъ; и — ничего: никакого экзамена; обыска нѣтъ.

И — я думаю:

— «Вотъ такъ гуманность: во Франціи, въ Англіи — обыски и экзамены: здѣсь же — такъ гладко».

Оконченъ осмотръ; вышли мы въ ресторанъ; поѣздъ будетъ намъ поданъ черезъ четыре часа; жду — спрашиваю я кофе.

Жандармъ останавливается посерединѣ тѣснѣйшаго зала — спиною ко мнѣ; въ его пальцахъ — единственный красный билетъ, мой билетъ; очень тихимъ, заглушеннымъ голосомъ, повернувшись спиною ко мнѣ, вызываетъ меня; и я явственно слышу:

— «А... господинъ Б...»

Я — дѣлаю видъ, что не слышу; и думаю: вотъ онъ сейчасъ обернется, въ лицо мнѣ:

— «А... господинъ Б...»

Жандармъ поворачивается — направо:

— «А... господинъ Б...»

Налѣво:

— «Сейчасъ повернется ко мнѣ: и придется откликнуться».

Нѣтъ, онъ уходитъ: нарочно уходитъ, не вызвавъ меня.

Поворачиваюсь; и — вижу: у входныхъ дверей въ меня взглядомъ вцѣпился жандармскій ротмистръ; любопытство, задумчивая внимательность, сладострастіе даже какое-то въ черныхъ глазахъ; онъ изслѣдуетъ впечатлѣніе отъ жандарма съ бумажкой: психологическая реакція; думаю:

— «Тонко...»

— «Пожалуй, что тоньше, чѣмъ въ Англіи...»

— «Чортъ возьми: господинъ офицеръ, вы — умнѣйшая бестія».

Взгляды встрѣчаются; и — ротмистръ исчезаетъ: психологическая реакція не дала результата.

. . . .

Разгуливаю по платформѣ; кордонъ изъ солдатъ: вотъ — и тамъ; вотъ — и здѣсь; мы — въ ловушкѣ; платформа, да залъ ресторанный — единственные клочки, намъ доступные; вся Россія — оцѣплена; остается: ждать поѣзда. Вижу мосье контръ-развѣдки съ жандармскимъ ротмистромъ: разгуливаютъ по саду; докладываетъ ротмистру о чемъ-то мосье: обо мнѣ?

Ротмистръ — крутитъ усъ.

Отмѣчаю все это спокойно; и знаю: единственный подозрительный въ поѣздѣ — я; я — спокоенъ; какіе-то русскіе за спиной — говорятъ обо мнѣ:

— «Ну чего они!»

— «Думаютъ, что онъ нѣмецъ...»

— «Да поглядите же!»

— «Русскій, какъ есть. . .»

Я — повертываюсь; я — вижу: сочувственно созерцаютъ меня: мужъ, жена, дѣти; думаю:

— «Если уже говорятъ обо мнѣ пассажиры, то значитъ я — важная птица».

Конечно, я важная птица — писатель!

И вотъ — поѣздъ поданъ: садимся; темнѣетъ; ярчайшія, красныя зори глазѣютъ намъ въ окна: лопарка полярнаго круга навѣрное смотритъ на насъ; тихо ахнувъ отъ холода, падаю съ поѣздомъ, съ сѣвера — на Петербургъ.

Ночь.

И тутъ нѣтъ покою; откуда-то шепчутся:

— «Онъ написалъ. . .»

— «Интересно и своевременно. . .»

— «Изображеньемъ сектанскаго міра, онъ, знаете, описалъ. . . намъ Распутина».

Обо мнѣ!

Донимаетъ развѣдка (четвертая, финская!). Финнъ вопрошаетъ:

— «Фи кудя?»

— «Возвращаюсь въ Москву. . .»

— «А почьему фи, мосье, гавхаритье сь аксеньтемъ. . .»

— «Послушайте, сами то вы: вы — москвичъ?»

— «Я?» — смущается финнъ.

— «Ньеть. . .»

— «Такъ какъ же вы можете знать!»

Посрамленъ. Засыпаю.

И — утро: подъ Гельсингфорсомъ; а за спиной на чистѣйшемъ нѣмецкомъ нарѣчіи два китайца общаются съ персомъ; персъ — цюрихскій универсантъ; и, какъ кажется, принцъ; а китайцы — но что это?

Слышу:

— «Да, да: они всѣ тамъ работаютъ. Много русскихъ нѣмцевъ и всякихъ еще; а художественными работами завѣдываетъ В. (произносится фамилія русской антропософки — изъ Дорнаха)».

Думаю:

— «Иль мерещится мнѣ?»

Но — прислушиваюсь: китайцы бесѣдуютъ съ персомъ — о Дорнахѣ! . .

И произносятъ слова:

— « Ихъ зовутъ ангелятами!..»

Ангелятами въ Дорнахѣ называли сестру моей Нэлли; и — Нэлли.

Встрѣчаюсь съ глазами персидскаго принца; въ глазахъ затаилось лукавство:

— «Что, братъ — удивленъ?»

Не удивляюсь и не пытаюсь понять; но китайцы, освѣдомленные о Дорнахѣ, — фактъ!

Отвѣчаю на взглядъ ироническій перса: презрительнымъ взглядомъ; усталъ; ахъ — безмѣрно усталъ; ни удивленью, ни страху нѣтъ мѣста. . .

. . . .

Со станціи — офицеръ (онъ вошелъ); передо мной садится; и — вваливается мужчина, приваливается къ офицеру сидящему рядомъ, чтобы отрѣ-

зать мнѣ выходъ; межъ офицеромъ и штатскимъ — словесная переброска.

— «О, Господи: вотъ такъ усталъ», тяжко сѣтуетъ штатскій.

— «Все въ поискахъ?»

— «Да — мы ловили, ловили: и — спутались...»

— «Что же, теперь есть слѣды?»

— «Да, какъ видите сами».

Да, да: офицеръ (я впервые теперь разглядѣлъ его форму) — жандармъ: оба жмутся ко мнѣ; отрѣзая дорогу бѣжать; офицеръ сидитъ рядомъ, а штатскій бросаетъ вопросъ:

— «Съ вами... того?»

Офицеръ утвердительно улыбается: и рука его непроизвольно касается брюкъ; понимаю я: въ брюкахъ револьверъ; стало быть полагаютъ они, что могу я бѣжать: они ловятъ меня — а сейчасъ пересадка; когда встанемъ съ мѣста, то офицеръ, вынувъ ловко изъ брюкъ револьверъ, скажетъ просто:

— «Идемте за мною!»

Но остановка; встаю, чтобы... чтобы... встаетъ офицеръ; подхвативши багажъ — убѣгаетъ; за нимъ бѣжитъ штатскій.

Старательно пересаживаюсь, отыскиваю товарища (онъ въ сосѣднемъ вагонѣ); пересѣкаю солидныхъ военныхъ; у нихъ аксельбанты; и слышу:

— «Что же намъ говорили?»

— «Оказывается, что не такъ...»

— «Нѣтъ, не тѣ...»

— «Говорили про П...»

И произносится фамилія А. М. П..., путешествующаго вмѣстѣ со мною изъ Дорнаха.

. . . .

А на фонѣ запутанной, перепутаной, перепуганной русской развѣдки, нелѣпо вѣщающей, что — да, да: «мы» — есмы; тотъ мосье съ сакъ-вояжемъ и Дедадопуло грекъ: онъ со мной лукавитъ глазами, вращаетъ усищами:

— «Сами видите — какъ они перепутались...»

— «Знаю я, въ Бѣлоостровѣ все объяснится; ѣдете вы безпрепятственно; а вотъ эти — останутся; будутъ рыскать къ Торнео, и — къ Бѣлоострову...»

И — Бѣлоостровъ.

Послѣдній допросъ; и — послѣдній осмотръ; никакого осмотра; и — и никакого допроса; блистательный офицеръ, лейбъ-гусаръ, наклонивъ низко голову, свѣтски меня вопрошаетъ:

— «Такъ вы — Ледяной? Леонидъ Ледяной? ..»

И щелкаетъ шпорами; это даетъ онъ понять, что привѣтствуетъ «Л е д я н о г о...»

Я думаю:

— «Что-то думаетъ французскій м о с ь е?»

— «Посрамленъ...»

Пробѣгаю къ вагону; я вижу, что грекъ Дедадопуло ласково мнѣ улыбается — такъ добродушно, сочувственно:

— «Я поздравляю васъ съ родиной! ..»

Болѣе, знаю, не будутъ: о н и? О н и — дымъ...

. . . .

Но: и міръ духа, мной видѣнный — тамъ, заграницею: дымъ; нѣтъ его; давнее старое здѣсь; я — на родинѣ... Мы подъѣзжаемъ уже къ Петербургу; слезливую ночь пронизали огни Петербурга; стою, прижимаясь къ окну; два китайца и персъ, — наблюдаютъ за мной: любопытные взгляды вперили въ меня, переживая со мною мое возвращенье на родину.

РОДИНА

Боже мой, — грязно, сѣро, суетливо, безцѣльно, расхлябанно, сыро; на улицахъ — лужи; коричневатою слякотью разливаются улицы; сѣренькій дождичекъ, сѣренькій вѣтеръ и пятна на сѣрыхъ, облупленныхъ, не штукатуренныхъ зданіяхъ; сѣрый шинельный потокъ; всѣ — въ шинеляхъ: солдаты — солдаты, солдаты — безъ ружей, безъ выправки; спины ихъ согнуты, груди продавлены; лица унылы и злы; глазки бѣгаютъ; я вспоминалъ чистыхъ «Томми» — великолѣпныхъ англійскихъ солдатъ, ярко блещущихъ золотыми погонами; я вспоминалъ токъ Парижа: —

— военные верхъ обличій и странъ: —

— черногорцы, французы, звенящіе шпорами, кэпи, желѣзныя, круглыя кас-

ки, штаны (ярко алыя) съ блесками позументовъ, мотоциклетки съ вцѣпившимися въ ручки солдатами, взрывы бензина, авто съ офицерами —

— четкость, порядокъ, подтянутость... —

— Гдѣ это все? —

— Въ этомъ сѣромъ потокѣ военныхъ не видѣлъ: я видѣлъ унылыхъ, запачканныхъ невоенныхъ солдатъ, грязь мѣсящихъ и сѣрыхъ на фонѣ сѣрѣющихъ стѣнъ въ сѣромъ, сиверкомъ дождичкѣ. —

— Такъ поразилъ Петербургъ, гдѣ я не былъ уже пятилѣтіе скоро: и поразили кондукторши переполненныхъ старыхъ трамваевъ — зеленолицыя, женщины старыхъ трамваевъ, къ которымъ кидалися сѣрыя кучи людей; тѣло, тѣло давило; и тѣло отъ тѣла отталкивалось; все тѣла да тѣла; нѣтъ, не люди глядѣли, а куча говядины, для чего-то зашитая въ желтую кожу, одѣтая кое какъ, въ грязно-сѣрой солдатской шинели, — глядѣла на кучу говядины; кучи говядины, а не солдаты, не люди, не «я» —

— вотъ первое впечатлѣніе отъ Петербурга; какъ все обвѣтшало — все, все: обвѣтшали трамваи, дома, троттуары; сошла позолота съ церквей.

Боже мой, до чего суетливо: толкаются, суетятся — бѣгутъ, давятъ, жмутъ; пересѣкаютъ другъ другу дорогу; но цѣли не видишь: не знаютъ во имя чего су-

етятся: солдаты, безсмысленно прущіе на трамваи и запружающіе безпорядочно подступъ къ вокзалу; какая-то общая сѣрость, тяжелый, недоумѣнный вопросъ:

— «Что же дальше?»
— «Какъ быть?»
— «Что-то будетъ?» —

— Я вспомнилъ невольно слова того консула въ Швеціи, у котораго былъ въ пріемной, отыскивая свой пропавшій багажъ:

— «Присмотритесь къ Россіи: да, знаете, любопытно; вы скоро увидите сами; да, да, — любопытно».

Теперь я увидѣлъ, а — что? Что все-все — развалилось; что старое рухнуло; и революція (революція-ль — этотъ обвалъ?) совершилась до революціи; всѣ это знаютъ; и больше всѣхъ полицейскіе; понялъ, что нѣтъ ужъ войны, потому что военнаго нѣтъ и помину въ суетящейся сѣрой солдатской шинели, которая, забираясь въ трамвай, на подножку трамвая, съ такой же шинелью бросается грозно-угрюмымъ и безотраднымъ: —

— «Что-жъ?»
— «Стало быть: насъ погонятъ...»
— «Сначала насъ гонятъ на фронтъ, а потомъ гонятъ съ фронта...»
— «Да продались генералы...»
— «Ужъ будетъ ужо...»

— «Что-жъ неужто, другъ, будешь въ своихъ ты стрѣлять???» —

— Разговоры такіе я слышалъ въ трамваяхъ (Москвы, Петербурга); и — ужасался: приказъ № первый, которымъ впослѣдствіи такъ ужасались въ Россіи, меня ужаснулъ; но написанъ онъ былъ еще въ августѣ этого года: написанъ былъ въ воздухѣ Петербурга; казалось, что нѣкій вопросъ меня жжетъ: —

— если бы свой вопросъ могъ бы я обложить внятнымъ словомъ, — спросилъ бы я: —

— «Да, но — скажите: когда же была революція?»

Революція совершилась уже; свергнутыя власти, какъ истуканы сидѣли: они были мертвы; и — не было власти; испепеленныя власти отъ двухъ-трехъ хвостовъ передъ булочными вдругъ разсыпались въ прахъ — черезъ шесть только мѣсяцевъ; помню я, что на пути, подъ Москвой къ намъ въ вагонъ вдругъ ворвался такой испитой, весь замусленный офицерикъ туберкулезнаго вида съ испуганно-выпученными глазами и пьяный (до бѣлой горячки); ворвался, — не зная, зачѣмъ онъ ворвался; и послѣ за нимъ въ отдѣленіе наше ворвался огромный, усатый, обвѣтренный унтеръ, который схватилъ офицерика за руки съ возгласомъ:

— «Вы — куда: ваше благородіе, — что вы?»

Меня поразилъ жестъ солдата, схватившаго офицера: я понялъ — уже въ эту осень солдаты захватывали офицерскую власть; все, что послѣ случилось, — не поражало меня: такъ я былъ пораженъ первымъ днемъ въ Петербургѣ: шестнадцатый годъ, мѣсяцъ августъ,—запомнился; въ немъ февральская революція явственно осуществила себя; да, февральская революція опоздала; она—сонъ о прошломъ; когда это прошлое осуществило себя: на поляхъ ли Галиціи, при отступленіи? Можетъ быть осуществляло себя оно въ дни, когда въ Дорнахѣ я заболѣлъ: —

— Когда сиротливо казалось въ неприбранныхъ комнатахъ Дорнаха; осень хихикала въ окнахъ; гремѣли орудія; ночь опускалась; забарабанили капли дождя; утомленная Нэлли, забравшись съ ногами въ темнѣющій уголочекъ дивана, — дремала; а я ощущалъ себя трупомъ: не могъ себя вынести. —

— Исторія моихъ внутреннихъ образовъ отъ Христіаніи черезъ Бергенъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Дорнахъ — исторія упаданія духа сквозь душу въ непретворимое Духомъ, ломимое тѣло, которое точно рухало въ эпилептическихъ корчахъ; —

— не

могъ себя вынести; внутренно нападала война: это я ее вызывалъ — войною съ собой самимъ (мы не съ нѣмцами воевали: съ собой воевали; и воевали съ союзниками: но этой войны, войны съ Франціей, — мы не замѣтили въ прошлыхъ годахъ); —

— Помню, что я подошелъ къ моей Нэлли: —

— «Я не могу...»

— «Успокойся...»

— «Я лучше умру» — и потокъ электрической силы ударилъ по жиламъ: и образъ меня осѣнилъ: —

— Если Вѣка, стоящаго въ мiровой пустотѣ, вопiющаго страшнымъ проломомъ разъятаго темени: —

— пушкой, стрѣляющей въ небо, стоялъ Онъ; и Онъ, и Я; Онъ выстрѣлилъ —нѣтъ не пушечнымъ; тяжкимъ ядромъ; нѣтъ, онъ выстрѣлилъ — «Я»... —

— Пять

недѣль послѣ этого былъ я, какъ трупъ; оставались лишь прежними: руки, животъ, я казался себѣ само-

му животомъ, безотвѣтственно вздернутымъ на ноги; прочее — грудь, горло, мозгъ — ощущались сплошной пустотой: этимъ всѣмъ я чудовищно выстрѣлилъ изъ разъятаго темени въ небо; то бренное, что таскалось по Дорнаху, было — «оно»: неживое, тупое, глухое и животастое тѣло.

И вотъ — ту картину себя самаго, умножаемаго въ милліонахъ шныряющихъ тѣлъ, наблюдалъ я повсюду въ шинеляхъ: тупые, глухіе и животастые, всюду таскались тѣла, изъ которыхъ стрѣляли въ пространство, какъ ядрами, человѣчьими «Я»; эти «Я» вылетали изъ тѣлъ; и «оно» — неживое, тупое, — ходило повсюду: —

— Не выстрѣлила ли Россія въ огромную пустоту своимъ «Я»? Не осталось ли послѣ выстрѣла міровою войною сплошное, тупое «Оно» (не Россія)? .. —

— Все это меня поразило: такъ встрѣтилъ меня Петербургъ; и первое стихотвореніе, мной написанное, выражало узнаніе это:

Есть въ лѣтѣ, что-то роковое, злое.
И въ воѣ злой зимы.
Волненіе, кипѣніе людское,
Плѣненные умы.
Всѣ грани чувствъ — всѣ грани правды
стерты:

Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ —
Одни тѣла — тѣла, тѣла — простерты
И — праздный прахъ.

Помню: сидѣли въ одномъ ресторанѣ съ редакторомъ бойкой распространенной газеты, въ которой писалъ я: редакторъ, которому присылалъ фельетоны изъ Дорнаха, мнѣ говорилъ:

— «Что писали вы — правильно: только печатать нельзя фельетоны такіе; печатать про правду — есть ложь въ наше время. Ложь надо печатать; и въ этомъ вотъ правда...»

Такъ первый урокъ старой, ясной практической мудрости былъ мнѣ преподанъ редакторомъ распространенной газеты — въ тѣ именно дни; почему-то мнѣ вспомнился грекъ Дедадопуло, юрко мигавшій:

— «Да, вотъ комедія...»

— «Заставляютъ меня тутъ слѣдить за писателемъ, создавая легенду, что онъ есть шпіонъ...»

— «Дурака не хочу я валять...»

Понялъ я, что въ Россіи изолгано все: эти «с э р ы» достаточно тутъ нашутили; и прошутили; прошученный здѣсь воздухъ прессы; прошучены души; прошучено «Я»: имъ стрѣляютъ изъ пушекъ; «и м ъ» нужны тѣла, лишь говядина красная, туши; и въ регистрацію т у ш ъ былъ я призванъ въ Россію.

Въ грядущее проходимъ строй за строемъ...
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...

Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой «т у ш ъ»...

Мнѣ запомнились первые дни въ Петербургѣ; на улицахъ лужи; коричневой слякотью здѣсь заливается все подъ облупленнымъ грязнымъ и каменнымъ бокомъ стариннаго дома съ каріатидой; Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, весь высохшій, все еще, все еще дѣлаетъ видъ, будто бы онъ существуетъ; и правитъ сѣрѣйшимъ потокомъ унылыхъ, запачканныхъ, невоенныхъ солдатъ; между тѣмъ назрѣваетъ: идіотическій сифилитикъ: его замѣститель...

ВЪ МОСКВѢ

На протяженіи мѣсяцевъ, просыпаясь въ постели въ Москвѣ (между лекцій, стиховъ, «п о ч и т а т е л е й и поэзо-концертовъ, средь толковъ о томъ, что церковный соборъ очень нуженъ, что старецъ Никита, священникъ Флоренскій, артистъ Чеботаевъ, играющій Арлекина въ «Экстазномъ Театрѣ» — явленія апокалиптической важности) — думалъ о Дорнахѣ, Франціи, Англіи, Швеціи; думалъ о консульствѣ въ Бернѣ, гдѣ я отдавалъ отчетъ о себѣ, заполнялъ всѣ листы, подвергаясь экзамену у благороднѣйшихъ сэ-

ровъ, шпиковъ и отвратительныхъ проходимцевъ; просыпаясь въ уютной постели въ Москвѣ, быстро вскакивалъ я, и, бросая вопросы въ московскія стѣны, дрожалъ отъ испуга:

— «Не агентъ ли ты въ самомъ дѣлѣ?»

— «Живя тамъ, въ Швейцаріи. . .»

— «Слушая пушки Эльзаса. . .»

— «Ты — агентъ!»

— «Тебѣ намекали на это въ туманно-мрачнѣющемъ Гаврѣ, въ туманно-мрачнѣющемъ Лондонѣ. . .»

— «Да. . .»

— «Озаряя все небо летающей стаей прожекторовъ, — въ небѣ искали тебя, совершающимъ пируэты надъ Лондономъ въ «Т а у б е»; и подъ водою искали тебя, мѣтко цѣлящимъ миною въ пробѣгающій по волнамъ пароходикъ «Гаконъ», гдѣ, томясь, твой двойникъ, опершися на бортъ вспоминалъ свою Нэлли. . .»

— «Ты самъ въ себя цѣлилъ. . .»

— «Да, да: не преступникъ ли ты?»

— «Не насильникъ ли ты?»

— «Не леталъ ли надъ Лондономъ въ «Т а у б е» ты?»

Добродушныя стѣны молчали; и солнечный лучъ пролеталъ на меня изъ окна, веселя; открывалъ листъ газеты; въ газетѣ хвалили меня; я шелъ въ гости; къ Булгакову, къ Гершензону, къ Бердяеву, къ Лосевой; слушали: съ неподдѣльнымъ вниманіемъ;

шелъ на «поэзо-концертъ» въ сопровожденіи Бубновыхъ Валетовъ[1]); священникъ Флоренскій дарилъ свою проповѣдь, а артистъ Чеботаевъ, играющій Арлекина въ Экстазномъ Театрѣ, совѣтовался со мной; мои лекціи собирали людей удивительно: странно вліялъ я на лекціяхъ; мнѣ казалось — вхожу въ подсознанья людей, заставляя ихъ мной выговаривать ихъ не завѣтныя мысли; аудиторія слушала; сталъ я вліяющимъ лекторомъ.

Прошлое, мое странное прошлое (семилѣтіе удивительныхъ происшествій — оно было ли?): Нэлли, странствія наши, Сицилія, странный Египетъ, Кельнъ, Мюнхенъ, Берлинъ, мое увѣнчаніе терніемъ въ Дорнахѣ, Штейнеръ, Міръ Духа; и—даже: страннѣйшее возвращенье на родину: было ли подлинно?

Можетъ быть, я заснулъ: средь зеленыхъ дивановъ московскаго кабинетика; и — мнѣ пригрезилась: Нэлли, уведшая въ свѣтлыя дали меня; происшествія нашей жизни — приснившійся сонъ. —

— Гдѣ

все вспыхнуло «Нэлли»; откуда тридцатилѣтіе жадныхъ исканій въ московскомъ квадратѣ, очерченномъ Пречистенкой, Арбатомъ, бульварами, мнѣ показалося навсегда забытою жизнью; летѣла на насъ стая странъ; я подсматривалъ испытующій взглядъ моей

[1]) Общество художниковъ.

Нэлли; духовная жизнь углублялась, начертывалось грядущее; снилися мнѣ пирамиды Ливійской Пустыни; Святой Огнь — снилось — вспыхивалъ; и наплывало грядущее градаціей галлерей и музеевъ: суровый Грюневальдъ, Лука Кранахъ и младшій Гольбейнъ; Рудольфъ Штейнеръ, бросающій курсы въ насъ, — отчего мои думы свивались спиралями —

— и просверливали мнѣ темя: образовался проломъ въ головѣ, изъ котораго «Я» вылетѣло въ міръ Духа —

— пишу о священныхъ событіяхъ сна моего, перевернувшаго тамъ, во снѣ, представленія о событіяхъ прежней жизни, о томъ потрясеніи, которое потрясаетъ меня даже здѣсь, когда я, отыскавшись въ духовныхъ мірахъ, вдругъ проснулся: о «Я», моемъ «Я», въ которое опустился —

— Міръ Духа! —

— Нэлли, ласковая, любимая, надо мною склонялась повсюду: въ Сициліи, въ Палестинѣ, въ Норвегіи, въ Дорнахѣ, —

— съ подстри-

женными кудрями
падающими на большой
мужской лобъ, перерѣзаемый
продольной морщиной; два глаза,
лучистыхъ, добрыхъ, маячили ея неук-
лонную думу; —

— въ бѣломъ платьѣ,
напоминающемъ ту-
нику, она — какъ мона-
шекъ; сквозная и легкая сто-
ла, желтолимонная, перепо-
ясанная серебряной цѣпью, бы-
вало —

— упавши на столъ, —
грудью, ручками, золотѣющей всей
кудрей, морща лобъ начинала она
мнѣ вычерчивать іероглифы изъ
истинъ: —

— Проснулся! —

— Гдѣ Нэлли! —

— Гдѣ, гдѣ? . .

. . . .

Я плакалъ во снѣ.
Казалось меня ты забыла. . .
Проснулся, и —

— снова Москва: снова въ
той же зеленой комнаткѣ я; я — семилѣтіе спалъ,
здѣсь, на зеленомъ диванѣ, въ квадратѣ, очерченномъ мнѣ Арбатомъ, Пречистенкой, гдѣ разсѣялись

давно чудаки; и — болтали: года;въ ихъ открытые рты залѣзали бѣсята; страдали отъ этого страшными формами нервныхъ болѣзней, болтая о подвигѣ и о таинствѣ опыта; —

— снова: проснулся, отъ посѣщенія чудака, мнѣ дымящаго въ носъ:

— «Вы вѣдь, кажется, обѣщали къ статьѣ примѣчаніе; такъ вотъ я съ корректурами...»

И чудакъ мнѣ суетъ ту статью, отъ которой сбѣжалъ я шесть лѣтъ ужъ назадъ: — помню —

— съ Нэлли мы возвратились изъ странствія; а въ редакціи освѣдомлялись о рукописи, которую восемь мѣсяцевъ ранѣе бросилъ я здѣсь; за то время мелькнули: Италія, Африка, Палестина; хотѣлося что-то повѣдать о мірѣ, въ которомъ мы были; меня оборвали:

— Да, да... Только вотъ... Примѣчаніе...»

Вырвался я отсюда; и —

— Брюссель, Кельнъ, Мюнхенъ, Христіанія, и Бергенъ, и Дорнахъ —

— опять черезъ шесть уже лѣтъ пристаютъ съ тѣмъ же самымъ:

— «Позвольте, да я не согласенъ съ написаннымъ; это было написано до того, какъ мы съ Нэлли у доктора...»

Вижу, чудакъ изумляется: изображается — недоумѣніе и вопросъ:

— «Что за Нэлли?»
— «Какая такая?»
— «Какой такой Докторъ?»
— «И до чего это — до того?»

Озираюсь: зеленыя стѣны, въ которыя я упалъ послѣ страннаго сна; вѣдь о снахъ не бесѣдуютъ. И — что дѣлать: затѣиваю съ чудакомъ разговоры о томъ, о чемъ мы когда-то (по мнѣнію «чудака» это было вчера, а по моему — въ прежней жизни), — о чемъ мы вчера еще только что говорили:

— «Да, да...»
— «Напишу примѣчаніе...»

. . . .

Міръ, гдѣ я жилъ за два мѣсяца только, «Іоанново Зданіе», «Я» въ немъ, пріемлющее невѣроятныя вѣсти о Дорнахѣ, Докторъ — все сонъ: здѣсь, въ Москвѣ! —

— Не измѣнилось ничто; тѣ же стѣны; и тотъ же все «Я»; Я — одинъ; нѣтъ ни Нэлли, ни Доктора; Дорнаха — нѣтъ...

ГОДА

Пробѣжали года.

Застаю я въ годахъ себя вспоминающимъ, главнымъ образомъ, Нэлли: все прочее, что поразило меня — остановилось: картиною воспоминаній, къ которымъ возврата мнѣ нѣтъ; докторъ Штейнеръ, со-

бытія странныя, лица людей, съ кѣмъ годами я жилъ, — все притягивалось чудесной и фантастичной картиной, какъ... гобеленъ; но мечтать о возвратѣ картинъ было такъ же нелѣпо, какъ и пытаться войти въ перспективу изящнѣйшихъ фресокъ, пестрящихъ фонъ зданія; оставалась живою лишь Нэлли; и къ ней я тянулся; любилъ мою Нэлли неуловимою, нѣжной любовью; она, ея духъ, диктовалъ мнѣ «записки»; я въ нихъ погружался изъ воевъ хлеставшей зимы, когда ноги мои коченѣли отъ холода — въ температурѣ шести только градусовъ, въ шапкѣ, въ перчаткахъ, обмакивая шерсть перчатокъ въ чернило, боясь, чтобы чернило не стало бы льдомъ, я писалъ ихъ.

Помню сидѣнія мои по ночамъ, съ перегорающей тусклою лампочкой въ темной, разбитой, оледенѣлой Москвѣ послѣ дня перебѣговъ отъ засѣданія въ засѣданіе, на Смоленскій [1]) (за черствой лепешкой), въ Пролетъ-Культъ; помню поиски спичекъ, дрянныхъ папиросъ, отъ которыхъ душилъ меня кашель; а снѣгъ — засыпалъ насъ: онъ — сыпался, сыпался, выростая огромною бѣлой стѣною, синѣя отъ сумерекъ и отрѣзая отъ міра: въ ночные часы — вспоминалася Нэлли такою, какою узналъ я ее; и — какою была она мнѣ шесть съ ней прожитыхъ лѣтъ.

Но по мѣрѣ того, какъ во мнѣ воскресалъ ея образъ, мой образъ въ ней — гасъ; говорили объ этомъ сухія ея, лаконичныя письма.

[1]) Смоленскій рынокъ въ Москвѣ.

И — ночи росли вкругъ меня: длилась ночь.

Посрединѣ огромныхъ пространствъ опускалъ мою бѣдную, одинокую голову, слушая, какъ тамъ летали метели рыдающимъ гудомъ; нападали на окна, на крышу, на стѣну, дробясь бѣлой пѣной, мелькая за окнами шипами, плесками, блесками; и вновь уносились въ рыдающемъ гудѣ; наметали сугробъ и смерзались тяжелою, ледяною бронею; ничто наступало, ничто обступало, ничто отступало: въ ничто.

. . . .

Знаю: въ хлопьями бьющій, холодный, голодный просторъ прохожу изъ потоковъ холоднаго ледяного простора; иду я по улицѣ, по которой еще не ходилъ; да, по ней мы пошли; и — возврата не можетъ быть.

Странное полуночное солнце вставало въ груди, когда мракъ отъ меня разстилался коперниканскимъ пространствомъ; и за Луною, за Солнцемъ, за Зодіакомъ, за всѣмъ, что не свѣтитъ уже, — начиналась: Швейцарія; и казалось прыжокъ мой до Дорнаха черезъ міровое пространство уже состояться не можетъ никакъ, если-бъ даже допрыгнулъ я до покинутаго мѣста, дохватившись до почвы, то — все равно: мои руки разжались бы, когда встрѣтилъ бы я взглядъ Нэлли, меня вопрошающей:

— «Ну?»

— «Чего?»

— «Что нужно тебѣ. . .»

. . . .

— «Нэлли, Нэлли!..»

. . . .

— «Не было Нэлли, нѣтъ Нэлли: пригрезилось все».

И я шелъ черезъ дни по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, черезъ годы съ неразрѣшеннымъ сомнѣніемъ, а въ груди высѣкался упорный огонь; мои лекціи освѣщали другимъ, а вотъ — чѣмъ освѣщали? Я нуженъ былъ многимъ, а чѣмъ былъ я нуженъ?

Моей негасимою раной: потерею Нэлли?

. . . .

И вотъ я заканчиваю возвращеніе на «родину», здѣсь, въ этомъ городѣ.

Нэлли я видѣлъ недавно; она — измѣнилась; худая — и блѣдная.

Мы посиживали съ ней въ кафэ; раза два говорили о прошломъ, но мало: ей нѣтъ уже времени разговаривать о пустякахъ:

— «Прощай!»
— «Въ Дорнахъ?»
— «Въ Дорнахъ...»

И мы распрощались: для утѣшенія и духовнаго назиданья меня подарила она мнѣ два цикла, прочитанныхъ Штейнеромъ; циклы со мной; Нэлли — въ Дорнахѣ.

Все?

Да... Все.

. . . .

ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ РУКОПИСИ ЛЕОНИДА ЛЕДЯНОГО, НАПИСАННОЕ ЧЬЕЙ-ТО РУКОЙ

Этотъ документъ человѣческаго сознанія мнѣ кажется интереснымъ; и съ авторомъ документа искалъ встрѣчи я; разъ мы встрѣтились — гдѣ-то въ кафэ; аскетическимъ, болѣзненно-нервнымъ я мыслилъ его; встрѣтилъ лысаго господина, не нервнаго вовсе, спокойно затрагивающаго какой-то вопросъ современной литературы; я пытался, какъ могъ, подойти въ разговорѣ съ нимъ къ темѣ «Записокъ»; но онъ отклонялъ всѣ подходы.

— «Скажите, — спросилъ я его, — какъ пришла вамъ идея «Записокъ»? Что васъ на нее натолкнуло?»

Но онъ, зажигая сигару, отвѣтилъ съ улыбкою:

— «Не натолкнуло ничто: развѣ вы отрицаете вымыселъ?»

Скоро бесѣда коснулась проблемъ философіи и въ этой бесѣдѣ онъ высказалъ очень почтенныя, академичныя мысли.

Представьте себѣ: онъ пилъ пиво — за кружкою кружку.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

«Записки Чудака» — для меня — странная книга, единственная: исключительная; теперь — ненавижу почти ее я; въ ней я вижу чудовищныя погрѣшности противъ стиля, архитектоники, фабулы любого художественнаго произведенія; отвратительно-безвкусная, скучная книга, способная возбуждать гомерическій хохотъ; о, будь т о л ь к о критикомъ я, я нашелъ бы предлогъ для издѣвательства надъ авторомъ этого дикаго, чудовищнаго произведенія. И уже: критика упражняется въ остроуміи: уже одинъ Критикъ, добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ, кипѣлъ негодованіемъ: авторъ, де, возомнилъ себя геніальнымъ. Да, какъ критикъ, господинъ Критикъ — весьма недалекъ, скажу болѣе — глупъ: онъ не понялъ, что здѣсь пишу о себѣ, издѣваяся зло надъ событьями, болѣзненно прошумѣвшими надъ судьбою моею; пишу то не я, Андрей Бѣлый, а — пишетъ Чудакъ, «и д і о т ъ», перепутавшій планы глубиннѣйшей внутренней жизни. Въ основѣ всѣхъ мыслей лежитъ мысль: каждый человѣкъ г е н і а л е н ъ въ ядрѣ «Я», живущаго въ немъ и — слѣдовательно: геніаленъ въ томъ смыслѣ и я, Андрей Бѣлый — въ той мѣрѣ, въ какой геніаленъ Петръ Сидоровъ, Андронъ Поликар-

повъ; и — прочіе... Лейтъ-мотивъ «Чудака» — болѣзненная перепутанность психологіи, вписывающей въ бренную и бездарную личность дары Духа «Я», надъ-индивидуальнаго «Я». Возмутившійся Критикъ — человѣкъ недалекій, какъ критикъ. Онъ возмущается «Чудакомъ»; слѣдовательно: моя цѣль, — въ совершенствѣ достигнута: герой повѣсти — психически ненормаленъ; болѣзнь же, которой онъ боленъ, — свидѣтельствую: болѣзнь времени; «mania grandiosa» больны очень многіе, не подозрѣвающіе о болѣзни своей.

Почему же я «Чудака» своего ненавижу? Да потому, что люблю я его такъ же, какъ люблю себя; здѣсь свидѣтельствую: въ «Запискахъ» нѣтъ строчки, которую я бы не пережилъ самъ такъ именно, какъ переживанія свои изобразилъ. Въ томъ смыслѣ «Записки» — единственно правдивая моя книга; она повѣствуетъ о страшной болѣзни, которой былъ боленъ я въ 1913 - 1916 годахъ. Но я, проходя чрезъ болѣзнь, изъ которой для многихъ исхода нѣтъ, — побѣдилъ свою «mania», изобразивъ объективно ее; эта «mania» есть врата, чрезъ которыя проходитъ «Я» всякаго къ осознанію въ себѣ надъ-индивидуальнаго «Я»; и сумасшествіе — подстерегаетъ здѣсь. Я прошелъ сквозь болѣзнь, гдѣ упа-

ли въ безуміи Фридрихъ Ницше, великолѣпнѣйшій Шуманъ и Гельдерлинъ. И — да: я остался здоровъ, сбросивъ шкуру съ себя; и — возрождаясь къ здоровью.

Вы, господинъ возмутившійся Критикъ, — человѣкъ хорошій (но — «глупый» критикъ) своимъ возмущеніемъ противъ «mania» выразили тотъ именно жестъ, который во мнѣ диктовалъ эту «сатиру» на ощущенія «самопосвященія».

«Записки Чудака» — сатира на самого, на пережитое лично. Поэтому-то ненавижу я эту «книгу», какъ ненавидятъ воспоминанія о минувшей болѣзни. Но поскольку болѣзнь моя — болѣзнь вѣка, болѣзнь, которой больны безсознательно многіе, постольку же сквозь отвращеніе къ «книгѣ», люблю я «Записки», какъ правду болѣзни моей, отъ которой свободенъ я нынѣ. Критикамъ, пишущимъ «критики», надо еще прожить лѣтъ этакъ двѣсти до искусовъ болѣзни моей; по отношенію къ ней эти «критики» — невинные молокососы.

Ну, — я сказалъ: полагаю, что и тутъ остаюсь непонятнымъ.

Берлинъ, Сентябрь
1922 г.

Андрей Бѣлый.

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

Т. I

ОГЛАВЛЕНIЕ

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

Т. II

ОГЛАВЛЕНІЕ

Imprimé en Suisse

Ce volume
le premier de la Collection « Slavica-Reprints »
a été achevé d'imprimer
le 15 septembre 1973 sur les presses de
Raymond Fawer S. A.
à Lausanne (Suisse)